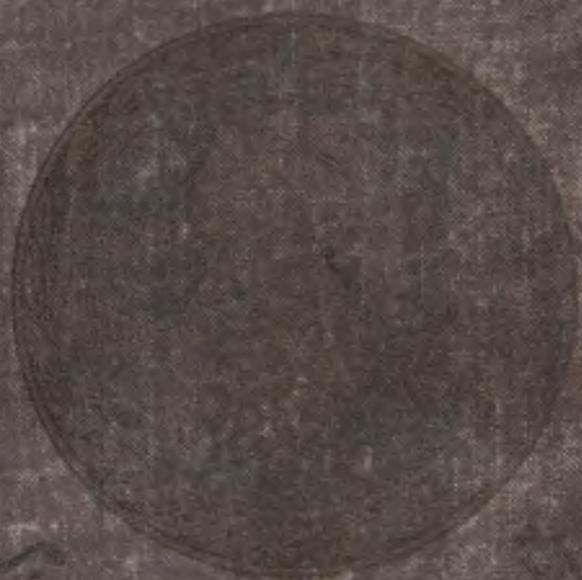

РУССКІЕ
ПИСАТЕЛИ
ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

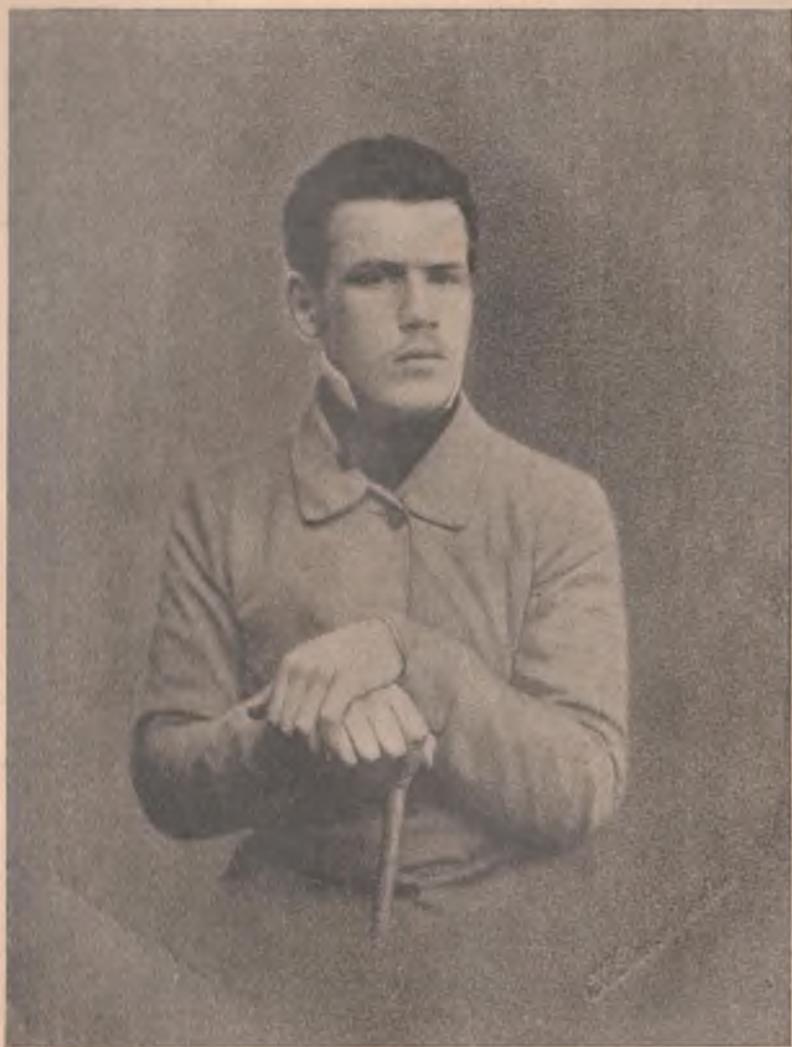

Л. Н. ТОЛСТОМУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО И СРОКИ

Левъ Николаевичъ Толстой
въ 1851 году, когда онъ писалъ „Дѣтство“.

ДѢТСТВО.

ПОВѢСТЬ.

43

ОМСКАЯ
Ц. Б. и. Ленина

ИСТОРИЯ МОЕГО ДѢТСТВА.

I.

Учитель Карль Ивановичъ.

12-го августа 18.. г., ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карль Ивановичъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопущкой—изъ сахарной бумаги на палкѣ—по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунуль носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, по сердитыми глазами окинулъ Карла Ивановича. Онъ же въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать.

„Положимъ,—думалъ я,—я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожить меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? Вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня, а я меньше всѣхъ: оттого онъ меня и мучить.

Только о томъ и думаетъ всю жизнь, — прошепталъ я, — какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... противный человѣкъ! И халать, и шапочка, и кисточка — какіе противные!“

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисеромъ башмачкѣ, повѣсилъ хлоппушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf!.. s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal! — крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Ивановичъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки. — Nun, nun, Faulenzer! — говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изъ веѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ все старанія, чтобы удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя и на Карла Ивановича, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать: нервы были разстроены.

— Ach, lassen sie, Карлъ Ивановичъ! — закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Ивановичъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безнокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? Не видѣлъ ли я чего дурного во снѣ?.. Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течъ еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно, и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Ивановича и находить противными его халать, шапочку и кисточку;

теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣть дурной сонъ—будто татапа умерла и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Ивановичъ, тронутый моимъ рассказомъ, сталъ утѣшать и успокаивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Ивановичъ оставилъ меня и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай, маленькій, чистенькій человѣчекъ, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Ивановича. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было бы совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серьезный Николай съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомыльникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владимиръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совѣмъ развеселился.

— Sind sie bald fertig? — послышался изъ классной голосъ Карла Ивановича.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Ивановичъ былъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Ивановичъ съ очками на носу и книгой въ рукѣ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью

и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна— наша, дѣтская, другая— Карла Ивановича, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги— учебныя и не учебныя; однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома *Histoire des voyages*, въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну; а потомъ и пошли длинныя, толстыя, большія и маленькія книги,—корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреацией, привести въ порядокъ „библіотеку“, какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту полочку. Коллекція книгъ па *собственной* если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унавоживаніи огородовъ подъ капусту— безъ переплета, одинъ томъ исторіи Семилѣтней войны— въ пергаментъ, прожженномъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Ивановичъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе, но, кромѣ этихъ книгъ и *Съверной Пчелы*, онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Ивановича, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. Это— кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шнечковъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Ивановичъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь вижу я передъ собой длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ-подъ которой виднѣются рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшій тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ кресель; подлѣ него лежатъ часы съ нарисованнымъ егеремъ на циферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая таба-

карка, зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежитъ на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Ивановича совѣсть чиста и душа покойна.

Бывало, какъ досыта набѣгаешься внизу по залѣ, на цыпочкахъ прокрадешься наверхъ, въ классную, смотришь—Карлъ Ивановичъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ креслѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какую-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставалъ его и въ такія минуты, когда онъ не читалъ: очки спускались ниже на большомъ орлиномъ носу; голубые полужакрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо; только слышно его равномерное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало, онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: „бѣдный, бѣдный старикъ! Намъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ—одинъ-одинешенекъ и никто его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ сирота. И

исторія его жизни какая ужасная! Я помню, какъ онъ разсказывалъ ее Николаю—ужасно быть въ его положеніи!“ И такъ жалко станеть, что, бывало, подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: „liebeg Карлъ Ивановичъ!“ Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ; всегда приласкаетъ, и видно, что растроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая — повенская, *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками — маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголь, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголь! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: „забылъ про меня Карлъ Ивановичъ: ему, должно-быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, а каково мнѣ?“ И начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю—право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Ивановича, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванною черною клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Последняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно

задомы и милы миѣ; за дорогой — стриженная липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частокотъ; черезъ аллею виденъ дугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ — лѣсъ; далеко видна избушка сторожа. Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиджали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Ивановичъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: „когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю?“ Досада перейдетъ въ грусть и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Ивановичъ сердится за ошибки.

Карлъ Ивановичъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстукъ и повелъ насъ внизъ здороваться съ матушкой.

II.

М а т а н.

Матушка сидѣла въ гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайникъ, другою — крапъ самовара, изъ котораго вода текла черезъ верхъ чайника на подносъ. Но хотя она смотрѣла пристально, она не замѣчала этого, не замѣчала того, что мы вошли.

Такъ много возникаетъ воспоминаній прошедшаго, когда стараешься воскресить въ воображеніи черты любимаго существа, что сквозь эти воспоминанія, какъ сквозь слезы, смутно видишь ихъ. Это слезы воображенія. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была въ это время, миѣ представляются только ея каріе глаза, выражающіе всегда одинаковую доброту и любовь, родника на шеѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ вьются маленькіе волосики, шитый бѣлый воротничокъ, иѣжная

сухая рука, которая такъ часто меня ласкала и которую я такъ часто цѣловаль; по общее выраженіе ускользаетъ отъ меня.

Налѣво отъ дивана стоялъ старый англійскій рояль; передъ роялемъ сидѣла черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодною водою пальчиками съ замѣтнымъ напряженіемъ разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лѣтъ; она ходила въ коротенькомъ холстинковомъ платицѣ, въ бѣленькихъ обшитыхъ кружевомъ панталончикахъ и октавы могла брать только „arpeggio“. Подлѣ нея вплоборота сидѣла Марья Ивановна въ чепцѣ съ розовыми лентами, въ голубой кацавейкѣ и съ краснымъ сердитымъ лицомъ, которое приняло еще болѣе строгое выраженіе, какъ только вошелъ Карлъ Ивановичъ. Она грозно посмотрѣла на него и, не отвѣчая на его поклонъ, продолжала, топая ногой, считать: un, deux, trois, un, deux, trois, еще громче и повелительнѣе, чѣмъ прежде.

Карлъ Ивановичъ, не обращая на это ровно никакого вниманія, по своему обыкновенію, съ нѣмецкимъ привѣтствіемъ подошелъ прямо къ ручкѣ матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, какъ будто желая этимъ движеніемъ отогнать грустныя мысли, подала руку Карлу Ивановичу и поцѣловала его въ морщинистый високъ, въ то время какъ онъ цѣловаль ея руку.

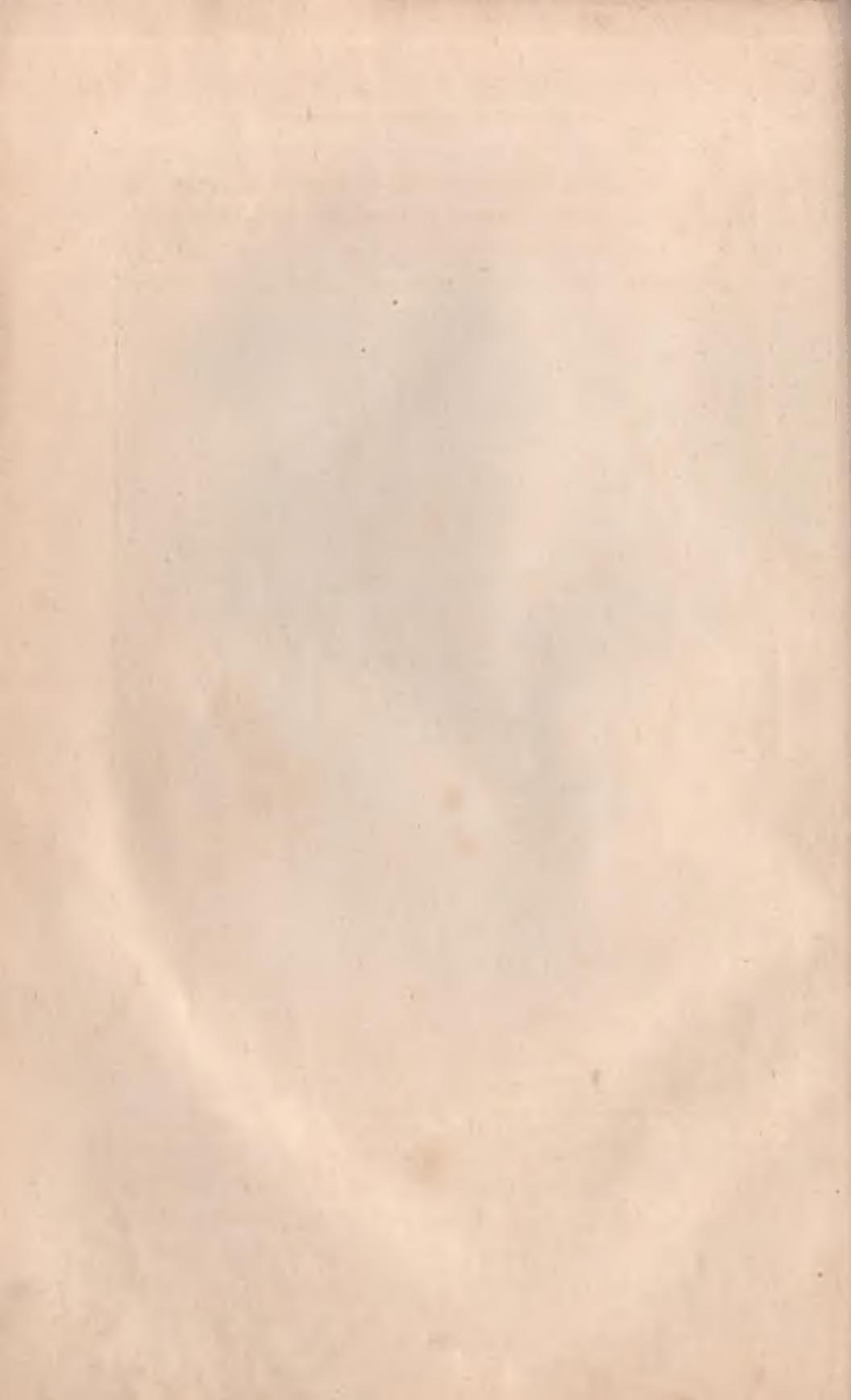
— Ich danke, lieber Карлъ Ивановичъ,—и, продолжая говорить по-нѣмецки, она спросила:—Хорошо ли спали дѣти?

Карлъ Ивановичъ былъ глухъ на одно ухо, а теперь отъ шума за роялемъ вовсе ничего не слыхаль. Онъ нагнулся ближе къ дивану, оперся одной рукой о столъ, стоя на одной ногѣ, и съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась верхомъ утонченности, приподнялъ шапочку надъ головой и сказалъ:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карлъ Ивановичъ, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снималь красной шапочки, по всякій

разъ, входя въ гостиную, спрашивалъ на это позволенія.

— Надѣньте, Карлъ Ивановичъ... Я васъ спрашиваю, хорошо ли спали дѣти? — сказала татап, подвинувшись къ нему и довольно громко.

Но онъ опять ничего не слыхалъ, прикрылъ лысину красною шапочкой и еще милѣе улыбался.

— Пойдите на минутку, Мими, — сказала татап Марьѣ Ивановиѣ съ улыбкой: — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, какъ ни хорошо было ея лицо, оно дѣлалось несравненно лучше, и кругомъ все какъ будто веселѣло. Если бы въ тяжелыя минуты жизни и хотъ мелькомъ могъ видѣть эту улыбку, я бы не зналъ, что такое горе. Мнѣ кажется, что въ одной улыбкѣ состоитъ то, что называютъ красотою лица: если улыбка прибавляетъ прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не измѣняетъ его, то оно обыкновенно; если она портитъ его, то оно дурно.

Поздоровавшись со мной, татап взяла обѣими руками мою голову и откинула ее назадъ, потомъ посмотрѣла пристально на меня и сказала:

— Ты плакалъ сегодня?

Я не отвѣчалъ. Она поцѣловала меня въ глаза и пощипавъ спросила:

— О чемъ ты плакалъ?

Когда она разговаривала съ нами дружески, она всегда говорила на этомъ языкѣ, который знала въ совершенствѣ.

— Это я во снѣ плакалъ, татап, — сказалъ я, припоминая со всеми подробностями выдуманный сонъ и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карлъ Ивановичъ подтвердилъ мои слова, но умолчалъ о снѣ. Поговоривъ еще о погодѣ, — разговоръ, въ которомъ приняла участіе и Мими, — татап положила на подносъ шесть кусочковъ сахару для нѣкоторыхъ почетныхъ слугъ, встала и пошла къ пальцамъ, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь къ папа, дѣти, да скажите ему, чтобъ онъ непремѣнно ко мнѣ зашелъ, прежде чѣмъ пойдетъ на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли къ папа. Пройдя комнату, удержавшую еще отъ временъ дѣдушки названіе *офиціантской*, мы вошли въ кабинетъ.

III.

Папа.

Онъ стоялъ подлѣ письменнаго стола и, указывая на какіе-то конверты, бумаги и кучки денегъ, горячился и съ жаромъ толковалъ что-то приказчику Якову Михайлову, который, стоя на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и барометромъ, заложивъ руки за спину, очень быстро и въ разныхъ направленіяхъ шевелилъ пальцами.

Чѣмъ больше горячился папа, тѣмъ быстрѣ двигались пальцы, и наоборотъ: когда папа замолкалъ, и пальцы останавливались; но когда Яковъ начиналъ говорить, пальцы приходили въ сильнѣйшее безпокойство и отчаянно прыгали въ разныя стороны. По ихъ движеніямъ, мнѣ кажется, можно было бы угадывать тайныя мысли Якова; лицо же его всегда было спокойно — выражало сознаніе

твоего достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ подвластности, то-
есть: я правъ, а впрочемъ, воля ваша!

Увидѣвъ насъ, папа только сказалъ:

— Погодите, сейчасъ.

И показавъ движеніемъ головы дверь, чтобы кто-ни-
будь изъ насъ затворилъ ее.

— Ахъ, Боже мой милостивый! что съ тобой нынче,
Яковъ?—продолжалъ онъ приказчику, подергивая плечомъ
(у него была эта привычка). — Этотъ конвертъ со вложе-
ніемъ 800 рублей...

Яковъ подвинулъ счеты, кинулъ 800 и устремилъ взоры
на неопредѣленную точку, ожидая, что будетъ дальше.

— ... для расходовъ по экономіи въ моемъ отсутствіи.
Понимаешь? За мельницу ты долженъ получить 1.000 руб-
лей... такъ или нѣтъ? Залоговъ изъ казны ты долженъ
получить обратно 8.000; за сѣно, котораго, по твоему же
расчету, можно продать 7.000 пудовъ — кладу по 45 ко-
пеекъ — ты получишь 3.000; слѣдовательно, всѣхъ денегъ
у тебя будетъ сколько?.. 12.000... такъ или пѣтъ?

— Такъ точно-съ, — сказалъ Яковъ.

Но по быстротѣ движеній пальцами я замѣтилъ, что
онъ хотѣлъ возразить; папа перебилъ его:

— Ну, изъ этихъ-то денегъ ты и попленишь 10.000 въ
Совѣтъ за Петровское... Теперь деньги, которыя находятся
въ конторѣ, — продолжалъ папа (Яковъ смѣшалъ прежнія
12.000 и кинулъ 21.000), — ты принесешь мнѣ и нынѣш-
нимъ же числомъ покажешь въ расходѣ. (Яковъ смѣшалъ
счеты и перевернулъ ихъ, показывая, должно-быть, этимъ,
что и деньги 21.000 пропадутъ также.) Этотъ же конвертъ
съ деньгами ты передашь отъ меня по адресу.

Я близко стоялъ отъ стола и взглянулъ на надпись.
Было написано: „Карлу Ивановичу Мауеру“.

Должно-быть, замѣтивъ, что я прочелъ то, чего мнѣ
знать не нужно, папа положилъ мнѣ руку на плечо и лег-
кимъ движеніемъ показалъ направленіе прочь отъ стола.
Я не понялъ, ласка ли это или замѣчаніе, на всякій же

случай поцѣловаль большую жилистую руку, которая лежала на моемъ плечѣ.

— Слушаю-съ,— сказалъ Яковъ.— А какое приказаніе будетъ насчетъ хабаровскихъ денегъ?

Хабаровка была деревня тамап.

— Оставить въ конторѣ и отнюдь никуда не употреблять безъ моего приказанія.

Яковъ помолчалъ нѣсколько секундъ; потомъ вдругъ пальцы его завертѣлись съ усиленною быстротой, и онъ, перемѣнивъ выраженіе послушнаго тупоумія, съ которымъ слушалъ господскія приказанія, на свойственное ему выраженіе плутоватой смѣтливости, подвинулъ къ себѣ счеты и началъ говорить:

— Позвольте вамъ доложить, Петръ Александрычъ, что какъ вамъ будетъ угодно, а въ Совѣтъ къ сроку заплатить нельзя... Вы изволите говорить,—продолжалъ онъ съ разстановкой,— что должны получиться деньги съ залоговъ, съ мельницы и съ сѣна... (Высчитывая эти статьи, онъ кинулъ ихъ на кости.) Такъ я боюсь, какъ бы намъ не ошибиться въ расчетахъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного и глубокомысленно взглянувъ на папа.

— Отчего?

— А вотъ изволите видѣть: насчетъ мельницы,—такъ мельникъ уже два раза приходилъ ко мнѣ отсрочки просить и Христомъ Богомъ божился, что денегъ у него нѣтъ... да онъ и теперъ здѣсь: такъ не угодно ли вамъ будетъ самимъ съ нимъ поговорить!

— Что же онъ говоритъ? — спросилъ папа, дѣлая головою знакъ, что не хочетъ говорить съ мельникомъ.

— Да извѣстно что! Говорить, что помолу совсѣмъ не было, что какія деньжонки были, такъ все въ плотину посадилъ. Что жъ, коли намъ его снять, *судирь*, такъ опять-таки найдемъ ли тутъ расчетъ?.. Насчетъ залоговъ изволили говорить,—такъ я ужъ, кажется, вамъ докладываль, что наши денежки тамъ сѣли и скоро ихъ получить не придется. Я напередъ посылалъ въ городъ къ Ивану Аванасьевичу возъ муки и записку объ этомъ дѣлѣ:

такъ они опять-таки отвѣчаютъ, что и радъ бы стараться для Петра Александрыча, но дѣло не въ моихъ рукахъ, а что, какъ по всему видно, такъ врядъ ли и черезъ два мѣсяца получится ваша квитанція... Насчетъ сѣна изволили говорить,—положимъ, что и продается на 3.000.

Онъ кинулъ на счета 3.000 и съ минуту молчалъ, поглядывая то на счета, то въ глаза папа, съ такимъ выраженіемъ:

„Вы сами видите, какъ это мало! Да и на сѣнѣ опять-таки проторгуемъ, коли его теперь продавать, вы сами изволите знать“...

Видно было, что у него еще большой запасъ доводовъ; должно-быть, поэтому папа перебилъ его.

— Я распоряженій своихъ не перемѣню, — сказалъ онъ, — но если въ полученіи этихъ денегъ дѣйствительно будетъ задержка, то, нечего дѣлать, возмешь изъ хабаровскихъ сколько нужно будетъ.

— Слушаю-съ.

По выраженію лица и пальцевъ Якова замѣтно было, что послѣднее приказаніе доставило ему большое удовольствіе.

Яковъ былъ крѣпостной, весьма усердный и преданный человѣкъ; онъ, какъ и всѣ хорошіе приказчики, былъ до крайности скупъ за своего господина и имѣлъ о выгодахъ господскихъ самыя странныя попятія. Онъ вѣчно заботился о приращеніи собственности своего господина на счетъ собственности госпожи, стараясь доказывать, что необходимо употреблять всѣ доходы съ ея имѣній на Петровское (село, въ которомъ мы жили). Въ настоящую минуту онъ торжествовалъ, потому что совершенно успѣлъ въ этомъ.

Поздоровавшись, папа сказалъ, что будетъ намъ въ деревнѣ баклуши бить, что мы перестали быть маленькими и что пора намъ серьезно учиться.

— Вы уже знаете, я думаю, что я нынче въ ночь ѣду въ Москву и беру васъ съ собой, — сказалъ онъ. — Вы будете жить у бабушки, а татап съ дѣвочками оста-

нется здѣсь. И вы это знайте, что одно для нея будетъ утѣшеніе — слышать, что вы учитесь хорошо и что вами довольны.

Хотя по приготовленіямъ, которыя за нѣсколько дней замѣтны были, мы уже ожидали чего-то необыкновеннаго, однако новость эта поразила насъ ужасно. Володя покраснѣлъ и дрожащимъ голосомъ передалъ порученіе матушки.

„Такъ вотъ что предвѣщаль мнѣ мой сонъ!—подумалъ я.—Дай Богъ только, чтобы не было чего-нибудь еще хуже“.

Мнѣ очень-очень жалко стало матушку, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что мы точно стали большіе, радовала меня.

„Ежели мы нынче ѣдемъ, то вѣрно классовъ не будетъ: это славно!—думалъ я.—Однако жалко Карла Ивановича. Его вѣрно отпустятъ, потому что иначе не приготовили бы для него конверта... Ужъ лучше бы вѣкъ учиться да не уѣзжать, не разставаться съ матушкой и не обижать бѣднаго Карла Ивановича. Опъ и такъ очень несчастливъ!“

Мысли эти мелькали въ моей головѣ; я не трогался съ мѣста и пристально смотрѣлъ на черные бантики своихъ башмаковъ.

Сказавъ съ Карломъ Ивановичемъ еще нѣсколько словъ о пониженіи барометра и приказавъ Якову не кормить собакъ, съ тѣмъ, чтобы на прощаньи выѣхать послѣ обѣда послушать молодыхъ гончихъ, папа, противъ моего ожиданія, послалъ насъ учиться, утѣшивъ, однако, обѣщаніемъ взять на охоту.

По дорогѣ наверхъ я забѣжалъ на террасу. У дверей, на солнышкѣ, зажмурившись, лежала любимая борзая собака отца—Милка.

— Милочка,—говорилъ я, лаская ее и цѣлуя въ морду,—мы нынче ѣдемъ; прощай! никогда больше не увидимся.

Я расчувствовался и заплакалъ.

IV.

Классы.

Карль Ивановичъ былъ очень не въ духѣ. Это было замѣтно по его сдвинутымъ бровямъ и по тому, какъ онъ швырнулъ свой сюртукъ въ комодъ и какъ сердито подпрыгнулъ, и какъ сильно черкнулъ погтемъ по книгѣ диалоговъ, чтобы означить то мѣсто, до котораго мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно, а же такъ былъ разстроень, что рѣшительно ничего не могъ дѣлать. Долго безмысленно смотрѣлъ я въ книгу диалоговъ, но отъ слезъ, набравшихся мнѣ въ глаза при мысли о предстоящей разлукѣ, не могъ читать; когда же пришло время говорить ихъ Карлу Ивановичу, который, замурившись, слушалъ меня (это былъ дурной признакъ), именно, на томъ мѣстѣ, гдѣ одинъ говоритъ: *Wo kommen sie her?* а другой отвѣчаетъ: *Ich komme von Kaffeehause*, я не могъ болѣе удерживать слезъ и отъ рыданій не могъ произнести: *Haben sie die Zeitung nicht gelesen?* Когда дошло дѣло до чистописанія, я отъ слезъ, надавшихъ на бумагу, надѣлалъ такихъ кляксъ, какъ будто писалъ водой на оберточной бумагѣ.

Карль Ивановичъ разсердился, поставилъ меня на колѣни, твердилъ, что это упрямство, кукольная комедія (это было любимое его слово), угрожалъ линейкой и требовалъ, чтобъ я просилъ прощенія, тогда какъ я отъ

слезъ не могъ слова вымолвить; наконецъ, должно-быть, чувствуя свою несправедливость, онъ ушелъ въ комнату Николая и хлопнулъ дверью.

Изъ классной слышепъ былъ разговоръ въ комнатѣ дядьки.

— Ты слышалъ, Николай, что дѣти ѣдутъ въ Москву?—сказалъ Карлъ Ивановичъ, входя въ комнату.

— Какъ же-съ, слышалъ.

Должно-быть, Николай хотѣлъ встать, потому что Карлъ Ивановичъ сказалъ „сиди, Николай!“ и вслѣдъ за этимъ затворилъ дверь. Я вышелъ изъ угла и подошелъ къ двери подслушивать.

— Сколько ни дѣлай добра людямъ, какъ ни будь привязанъ, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай,—говорилъ Карлъ Ивановичъ съ чувствомъ.

Николай, сидя у окна за сапожною работою, утвердительно кивнулъ головой.

— Я двѣнадцать лѣтъ живу въ этомъ домѣ и могу сказать передъ Богомъ, Николай, — продолжалъ Карлъ Ивановичъ, поднимая глаза и табакерку къ потолку, — что я ихъ любилъ и занимался ими больше, чѣмъ ежели бы это были мои собственныя дѣти. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, какъ я девять дней, не смыкая глазъ, сидѣлъ у его постели. Да! тогда я былъ добрый, милый Карлъ Ивановичъ, тогда я былъ нуженъ; а теперь, — прибавилъ онъ, иронически улыбаясь, — теперь *дѣти большія стали: имъ надо серьезно учиться*. Точно они здѣсь не учатся, Николай?

— Какъ же еще учиться, кажется?—сказалъ Николай, положивъ шило и протягивая обѣими руками дратвы.

— Да, теперь я не нуженъ сталъ, меня и надо прогнать; а гдѣ обѣщанія? гдѣ благодарность? Наталью Николаевну я уважаю и люблю, Николай, — сказалъ онъ, прикладывая руку къ груди, — да что она?.. ея воля въ этомъ домѣ все равно, что вотъ это. — При этомъ онъ съ выразительнымъ жестомъ кинулъ на полъ обрѣзокъ кожи. — Я знаю, чьи это штуки и отчего я сталъ не нуженъ:

оттого, что я не льщу и не потакаю во всемъ, какъ *иные люди*. Я привыкъ всегда и передъ все́ми говорить правду. — сказалъ онъ гордо. — Богъ съ ними! Оттого, что меня не будетъ, они не разбогатѣютъ, а я, Богъ милостивъ, найду себѣ кусокъ хлѣба... не такъ ли, Николай?

Николай поднялъ голову и посмотрѣлъ на Карла Ивановича такъ, какъ будто желалъ удостовѣриться, дѣйствительно ли можетъ онъ найти кусокъ хлѣба, но ничего не сказалъ.

Много и долго говорилъ въ этомъ духѣ Карлъ Ивановичъ: говорилъ о томъ, какъ лучше умѣли цѣнить его заслуги у какого-то генерала, гдѣ онъ прежде жилъ (мнѣ очень больно было это слышать), говорилъ о Саксоніи, о своихъ родителяхъ, о другѣ своемъ портномѣ Schönheit и т. д. и т. д.

Я сочувствовалъ его горю, и мнѣ больно было, что отецъ и Карлъ Ивановичъ, которыхъ я почти одинаково любилъ, не поняли другъ друга; я опять отправился въ уголь, сѣлъ на пятки и разсуждалъ о томъ, какъ бы возстановить между ними согласіе.

Вернувшись въ классную, Карль Ивановичъ велѣлъ мнѣ встать и приготовить тетрадь для писанія подъ диктовку. Когда все было готово, онъ величественно опустился въ свое кресло и голосомъ, который, казалось, выходилъ изъ какой-то глубины, началъ диктовать слѣдующее: Von al-len Lei-den-schaf-ten die grau-sam-ste ist... «haben Sie geschrieben?» Здѣсь онъ остановился, медленно понюхалъ табакъ и продолжалъ съ новой силой: die grausam-ste ist, die Un-dank-bar-keit... «Ein grosses U». Въ ожиданіи продолженія, написавъ послѣднее слово, я посмотрѣлъ на него.

— Punctum,—сказалъ онъ съ едва замѣтною улыбкой и сдѣлалъ знакъ, чтобы мы подали ему тетради.

Нѣсколько разъ съ различными интонаціями и съ выраженіемъ величайшаго удовольствія прочелъ онъ это изреченіе, выражавшее его задушевную мысль; потомъ задалъ намъ урокъ изъ исторіи и сѣлъ у окна. Лицо его не было угрюмо какъ прежде; оно выражало довольство человѣка, достойно отомстившаго за нанесенную ему обиду.

Было безъ четверти часъ; но Карль Ивановичъ, казалось, и не думалъ о томъ, чтобы отпустить насъ: онъ то и дѣло задавалъ новые уроки. Скука и аппетитъ увеличивались въ одинаковой мѣрѣ. Я съ сильнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ за всеми признаками, доказывавшими близость обѣда. Вотъ дворовая женщина съ мочалкой идетъ мыть тарелки; вотъ слышно, какъ шумятъ посудой въ буфетѣ, раздвигаютъ столъ и ставятъ стулья; вотъ и Мими съ Любочкой и Катенькой (Катенька—двѣнадцатилѣтняя дочь Мими) идутъ изъ сада; но не видать Фоки,—дворецкаго Фоки, который всегда приходитъ и объявляетъ, что кушать готово. Тогда только можно будетъ бросить книги и, не обращая вниманія на Карла Ивановича, бѣжать внизъ.

Вотъ слышны шаги по лѣстницѣ; но это не Фока! Я изучилъ его походку и всегда узнаю скрипъ его сапогъ. Дверь отворилась, и въ ней показалась фигура, мнѣ совершенно незнакомая.

V.

Ю р о д и в ы й.

Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ блѣднымъ, прикрытымъ оспою, продолговатымъ лицомъ, длинными сѣдыми волосами и рѣдкою рыжеватою бородкой. Онъ былъ такого большого роста, что для того, чтобы пройти въ дверь, ему не только пужно было нагнуть голову, но и согнуться всѣмъ тѣломъ. На немъ было надѣто что-то изорванное, похожее на кафтанъ и на подрясникъ; въ рукѣ онъ держалъ огромный посохъ. Войдя въ комнату, онъ изъ всѣхъ силъ стукнулъ имъ по полу и, скрививъ брови и чрезмѣрно раскрывъ ротъ, захохоталъ самымъ страшнымъ и неестественнымъ образомъ. Онъ

былъ кривъ на одинъ глазъ, и бѣлый зрачокъ этого глаза прыгалъ безпрестанно и придавалъ его и безъ того некрасивому лицу еще болѣе отвратительное выраженіе.

— Ага! попались!—закричалъ онъ, маленькими шажками подбѣгая къ Володѣ, схватилъ его за голову и началъ тщательно разсматривать его макушку; потомъ съ совершенно серьезнымъ выраженіемъ отошелъ отъ него, подошелъ къ столу и началъ дуть подъ клеенку и крестить ее.—О-охъ жалко! о-охъ больно!.. сердечные... улетятъ,—заговорилъ онъ потомъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, съ чувствомъ всматриваясь въ Володю, и сталъ утирать рукавомъ дѣйствительно падавшія слезы.

Голосъ его былъ грубъ и хриплъ, движенія торопливы и неровны, рѣчь бессмысленна и несвязна (онъ никогда не употреблялъ мѣстоименій), но ударенія такъ трогательны, и желтое уродливое лицо его принимало иногда такое

откровенно-печальное выраженіе, что, слушая его, нельзя было удержаться отъ какого-то смѣшаннаго чувства сожалѣнія, страха и грусти.

Это былъ юродивый и странникъ Гриша.

Откуда былъ онъ? кто были его родители? что побудило его избрать странническую жизнь, какую онъ велъ, никто не зналъ этого. Знаю только то, что онъ съ пятнадцатаго года сталъ извѣстенъ какъ юродивый, который зиму и лѣто ходитъ босикомъ, посѣщаетъ монастыри, даритъ образочки тѣмъ, кого полюбитъ, и говоритъ загадочныя слова, которыя нѣкоторыми принимаются за предсказанія, что никто никогда не зналъ его въ другомъ видѣ, что онъ изрѣдка хаживалъ къ бабушкѣ, и что одни говорили, будто онъ несчастный сынъ богатыхъ родителей и чистая душа, а другіе — что онъ просто мужикъ и лѣбитяй.

Наконецъ, явился давно желанный и пунктуальный Фока, и мы пошли внизъ. Гриша, всхлипывая и продолжая говорить разную нелѣпицу, шелъ за нами и стучалъ костью по ступенькамъ лѣстницы. Папа и татап ходили рука объ руку по гостиной и о чемъ-то тихо разговаривали. Марья Ивановна чинно сидѣла на одномъ изъ кресель, примыкавшихъ симметрично подъ прямымъ угломъ къ дивану, и строгимъ, но сдержаннымъ голосомъ давала наставленія сидѣвшимъ подлѣ нея дѣвочкамъ. Какъ только Карлъ Ивановичъ вошелъ въ комнату, она взглянула на него, тотчасъ же отвернулась, и лицо ея приняло выраженіе, которое можно передать такъ: „я васъ не замѣчаю, Карлъ Ивановичъ“. По глазамъ дѣвочекъ замѣтно было, что онѣ очень хотѣли поскорѣе передать намъ какое-то очень важное извѣстіе; но вскочить съ своихъ мѣсть и подойти къ намъ было бы нарушеніемъ правилъ Мими. Мы сначала должны были подойти къ ней, сказать «bonjour, Mimi!» шаркнуть ногой, а потомъ уже позволялось вступать въ разговоры.

Что за несносная особа была эта Мими! При ней, бывало, ни о чемъ нельзя было говорить: она все находила

неприличнымъ. Сверхъ того она безпрестанно приставала: *parlez donc français*, а тутъ-то, какъ на зло, такъ и хочется болтать по-русски; или за обѣдомъ — только что войдешь во вкусъ какого-нибудь кушанья и желаешь, чтобы никто не мѣшалъ, ужъ она непременно: *mangez donc avec du pain*, или *comment ce que vous tenez votre fourchette?* „И какое ей до насъ дѣло!—подумаешь.—Пускай она учитъ своихъ дѣвочекъ, а у насъ есть на это Карлъ Ивановичъ“. Я вполне раздѣлялъ его ненависть къ *инымъ людямъ*.

— Попроси мамашу, чтобы насъ взяли на охоту,— сказала Катенька шопотомъ, останавливая меня за курточку, когда большіе прошли впередъ въ столовую.

— Хорошо; постараемся.

Гриша обѣдалъ въ столовой, но за особеннымъ столикомъ; онъ не поднималъ глазъ съ своей тарелки, изрѣдка вздыхалъ, дѣлалъ страшныя гримасы и говорилъ, какъ будто самъ съ собою: жалко!.. улетѣла... улетитъ голубъ въ небо... охъ, на могилѣ камень!.. и т. п.

Мама съ утра была разстроена; присутствіе, слова и поступки Гриши замѣтно усиливали въ ней это расположение.

— Ахъ да, я было и забыла попросить тебя объ одной вещи,— сказала она, подавая отцу тарелку съ супомъ.

— Что такое?

— Вели, пожалуйста, запирать своихъ страшныхъ собакъ, а то онѣ чуть не закусаютъ бѣднаго Гришу, когда онъ проходилъ по двору. Онѣ этакъ и на дѣтей могутъ броситься.

Услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, Гриша повернулся къ столу, сталъ показывать изорванные полы своей одежды и, пережевывая, приговаривать:

— Хотѣлъ, чтобы загрызли... Богъ не попустилъ. Грѣхъ собаками травить! большой грѣхъ! Не бей, *большакъ* ¹⁾... что бить? Богъ проститъ... дни не такіе.

1) Такъ онъ безразлично называлъ всѣхъ мужчинъ.

— Что это онъ говорить?—спросилъ папа, пристально и строго разсматривая его.—Я ничего не понимаю.

— А я понимаю,—отвѣчала матан:—онъ мнѣ рассказывалъ, что какой-то охотникъ нарочно на него пускалъ собакъ, такъ онъ и говоритъ: „хотѣлъ, чтобы загрызли, но Богъ не попустилъ“, и просить тебя, чтобы ты за это не наказывалъ его.

— А! вотъ что!—сказалъ папа.—Почемъ же онъ знаетъ, что я хочу наказывать этого охотника? Ты знаешь, я вообще небольшой охотникъ до этихъ господъ,—продолжалъ онъ по-французски,—но этотъ особенно мнѣ нравится и долженъ быть...

— Ахъ, не говори этого, мой другъ,—прервала его матан, какъ будто испугавшись чего-нибудь.—Почемъ ты знаешь?

— Кажется, я имѣлъ случай изучить эту породу людей—ихъ столько къ тебѣ ходить—все на одинъ покрой. Вѣчно одна и та же исторія...

Видно было, что матушка на этотъ счетъ была совершенно другого мнѣнія и не хотѣла спорить.

— Передай мнѣ, пожалуйста, пирожокъ,—сказала она.—Что, хороши ли они нынче?

— Нѣтъ, меня сердить,—продолжалъ папа, взявъ въ руку пирожокъ, но держа его на такомъ разстояннн, чтобы матан не могла достать его,—нѣтъ, меня сердить, когда я вижу, что люди умные и образованные вдаются въ обманъ.

И онъ ударилъ вилкой по столу.

— Я тебя просила передать мнѣ пирожокъ,—повторила она, протягивая руку.

— И прекрасно дѣлають,—продолжалъ папа, отодвигая руку,—что такихъ людей сажаютъ въ полицію. Они приносятъ только ту пользу, что разстраиваютъ и безъ того слабые нервы нѣкоторыхъ особъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой, замѣтивъ, что этотъ разговоръ очень не нравился матушкѣ, и подалъ ей пирожокъ.

— Я на это тебѣ только одно скажу: трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, который, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, зиму и лѣто ходитъ босой и не снимая носитъ подъ платьемъ вериги въ два пуда вѣсомъ и который не разъ отказывался отъ предложеній жить спокойно и на всемъ готовомъ, — трудно повѣрить, чтобы такой человѣкъ все это дѣлалъ только изъ лѣни. Насчетъ предсказаній, — прибавила она со вздохомъ и помолчавъ немного: — *je suis payée pour y croire*; я тебѣ рассказывала, кажется, какъ Кирюша день въ день, часъ въ часъ предсказывалъ покойнику папенькѣ его кончину.

— Ахъ, что ты со мной сдѣлала! — сказалъ папа, улыбаясь и приставивъ руку ко рту съ той стороны, съ которой сидѣла Мими. (Когда онъ это дѣлалъ, я всегда слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидая чего-нибудь смѣшного.) — Зачѣмъ ты мнѣ напомнила о его ногахъ? я посмотрѣлъ и теперь ничего ѣсть не буду.

Обѣдъ клонился къ концу. Любочка и Катенька безпрестанно подмигивали намъ, вертѣлись на своихъ стульяхъ и вообще изъявляли сильное безпокойство. Подмигиваніе это значило: „что же вы не просите, чтобы насъ взяли на охоту?“ Я толкнулъ локтемъ Володю. Володя толкнулъ меня и, наконецъ, рѣшился: сначала робкимъ голосомъ, потомъ твердо и громко онъ объяснилъ, что такъ какъ мы нынче должны ѣхать, то желали бы, чтобы дѣвочки вмѣстѣ съ нами поѣхали на охоту, въ линейкѣ. Послѣ небольшого совѣщанія между большими вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ нашу пользу, и — что было еще пріятнѣе — маманъ сказала, что она сама поѣдетъ съ нами.

VI.

Приготовленія къ охотѣ.

Во время пирожнаго былъ позванъ Яковъ и отданы приказанія насчетъ линейки, собакъ и верховыхъ лошадей — все съ величайшею подробностью, называя каждую лошадь по имени. Володина лошадь хромала: папа велѣлъ

осѣдлатъ для него охотничью. Эти слова: „охотничья лошадь“, какъ-то странно звучали въ ухахъ татап: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то въ родѣ бѣшенаго звѣря и что она непременно понесетъ и убьетъ Володю. Несмотря на увѣщанія папа и Володи, который съ удивительнымъ молодечествомъ говорилъ, что это ничего и что онъ очень любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка татап продолжала твердить, что она все гулянье будетъ мучиться.

Обѣдъ кончился; большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими желтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о томъ, что Володя поѣдетъ на охотничьей лошади, о томъ, какъ стыдно, что Любочка тише бѣгаетъ, чѣмъ Катенька, о томъ, что интересно было бы посмотреть вериги Гриши, и т. д.; о томъ же, что мы расстаемся, ни слова не было сказано. Разговоръ нашъ былъ прерванъ стукомъ подъѣзжавшей линейки, на которой у каждой рессоры сидѣло по дворовому мальчику. За линейкой ѣхали охотники съ собаками, за охотниками — кучеръ Игнатъ на назначенной Володѣ лошади и вель въ поводу моего стариннаго клепера. Сначала мы все бросились къ забору, отъ котораго видны были все эти интересныя вещи, а потомъ съ визгомъ и топотомъ побѣжали наверхъ одѣваться и одѣваться такъ, чтобы какъ можно болѣе походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ тому средствъ было всучиваніе панталонъ въ сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дѣло, торопясь скорѣе кончить его и бѣжать на крыльцо наслаждаться видомъ собакъ, лошадей и разговоромъ съ охотниками.

День былъ жаркій. Бѣлыя, причудливыхъ формъ тучки съ утра показались на горизонтѣ; потомъ все ближе и ближе стали сгонять ихъ маленькій вѣтерокъ, такъ что изрѣдка онѣ закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чернѣли тучи, видно, не суждено имъ было собраться въ грозу и въ послѣдній разъ помѣшать нашему удоволь-

стаю. Къ вечеру онѣ опять стали расходиться: однѣ побѣдибли, подлиннѣли и бѣжали на горизонтъ; другія, надъ самою головою, превратились въ бѣлую, прозрачную чешую; одна только черная большая туча остановилась на востокѣ. Карлъ Ивановичъ всегда зналъ, куда какая туча пойдетъ; онъ объявилъ, что эта туча пойдетъ къ Масловкѣ, что дождя не будетъ и погода будетъ превосходная.

Фока, несмотря на свои преклонныя лѣта, сбѣжалъ съ лѣстницы очень ловко и скоро, крикнулъ „подавай!“ и, раздвинувъ ноги, твердо сталъ посрединѣ подѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ подкатить линейку кучеръ, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не пужно напоминать о его обязанности. Барыни сошли и послѣ небольшого пренія о томъ, кому на какой стороне сидѣть и за кого держаться (хотя, мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было держаться), усѣлись, раскрыли зонтики и поѣхали. Когда линейка тронулась, тапан, указывая на „охотничью лошадь“, спросила дрожащимъ голосомъ у кучера:

— Это для Владимира Петровича лошадь?

И когда кучеръ отвѣчалъ утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я былъ въ сильномъ нетерпѣніи: взлѣзъ на свою лошадку, смотрѣлъ ей между ушей и дѣлалъ по двору разныя эволюціи.

— Собакъ не извольте раздавить, — сказалъ мнѣ какой-то охотникъ.

— Будь покоенъ: мнѣ не въ первый разъ, — отвѣчалъ я гордо.

Володя сѣлъ на „охотничью лошадь“, несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содроганія, и, оглаживая ее, нѣсколько разъ спросилъ:

— Смирна ли она?

На лошади же онъ былъ очень хорошъ, — точно большой. Обтянутыя ляжки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно, особенно потому, что, сколько я могъ судить по тѣни, я далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида.

Вотъ слышались шаги папа на лѣстницѣ; выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ; охотники съ борзыми подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подвелъ лошадь къ крыльцу: собаки своры папа, которыя прежде лежали въ разныхъ живописныхъ позахъ около нея, бросились къ нему. Вслѣдъ за нимъ, въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая желѣзкой, весело выбѣжала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась съ псарными собаками: съ однѣми поиграетъ, съ другими понюхается и порычить, а у нѣкоторыхъ поищетъ блохъ.

Папа сѣлъ на лошадь, и мы поѣхали.

VII.

О х о т а.

Доѣзжачій, прозывавшійся Турка, на голубой горбоносой лошади, въ мохнатой шапкѣ, съ огромнымъ рогомъ за плечами и ножомъ на поясѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ. По мрачной и свирѣпой наружности этого человѣка скорѣе можно было подумать, что онъ ѣдетъ на смертный бой, чѣмъ на охоту. Около заднихъ ногъ его лошади пестрымъ, волнующимся клубкомъ бѣжали сомкнутыя гончія. Жалко было видѣть, какая участь постигала ту несчастную, которой вздумалось отстать. Ей надо было съ большими усиліями перетянуть свою подругу, и когда она достигала этого, одинъ изъ выжлятниковъ, ѣхавшихъ сзади, непременно хлопалъ по ней арапникомъ, приговаривая: „въ кучу!“ Выѣхавъ за ворота, папа велѣлъ охотникамъ и намъ ѣхать по дорогѣ, а самъ повернулъ въ ржаное поле.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ,

выжатой полосѣ, согнутая спина женщины, взмахъ
плоскошевь, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ,
женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и раз-
бросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ
другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на
телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому,
раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ
накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа,
снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и
бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Рыженькая
лошадка, на которой ѣхалъ папа, шла легкою, игривою
ходою, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая по-
води и смахивая густымъ хвостомъ оводовъ и мухъ,
которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзые собаки, на-
пряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая
ноги, граціозно перепрыгивали по высокому жнивью, за
ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнувъ го-
лову, ожидала прикормки. Говоръ народа, топотъ лоша-
дей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье
насъкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ
воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадиного пота, ты-
сячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало
налящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали
лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, кото-
рыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—
все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Подѣхавъ къ Калиновому лѣсу, мы нашли линейку
уже тамъ и, сверхъ всякаго ожиданія, еще телѣгу въ
одну лошадь, на серединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ.
Изъ-подъ сѣна виднѣлись: самоваръ, кадка съ мороженой
формой и еще кое-какіе привлекательные узелки и коро-
бочки. Нельзя было ошибиться: это былъ чай на чистомъ
воздухѣ, мороженое и фрукты. При видѣ телѣги мы изъ-
явили шумную радость, потому что пить чай въ лѣсу на
гравѣ и вообще на такомъ мѣстѣ, на которомъ никто
никогда не пивалъ чаю, считалось большимъ наслажде-
ніемъ.

Турка подѣхалъ къ острову, остановился, внимательно выслушалъ отъ папа подробное наставленіе, какъ ровняться и куда выходить (впрочемъ, онъ никогда не соображался съ этимъ наставленіемъ, а дѣлалъ по-своему), разомкнулъ собакъ, не спѣша второчилъ смычки, сѣлъ на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутыя гончія прежде всего маханіемъ хвостовъ выразили свое удовольствіе, встряхнулись, оправились и потомъ уже маленькой рысцою, принюхиваясь и махая хвостами, побѣжали въ разныя стороны.

— Есть у тебя платокъ? — спросилъ папа.

Я вынулъ изъ кармана и показалъ ему.

— Ну, такъ возьми на платокъ эту сѣрую собаку.

— Жирана? — сказалъ я съ видомъ знатока.

— Да, и бѣги по дорогѣ. Когда придетъ полянка, остановись. И смотри: ко мнѣ безъ зайца не приходишь!

Я обмоталъ платкомъ мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бѣжать къ назначенному мѣсту. Папа смѣялся и кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаешь!

Жиранъ безпрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался къ пореканью охотниковъ. У меня не доставало силъ стащить его съ мѣста, и я начиналъ кри-

чать: „ату! ату!“ Тогда Жиранъ рвался такъ сильно, что я насилу могъ удерживать его, и не разъ упалъ, покуда добрался до мѣста. Избравъ у корня высокаго дуба тѣнистое и ровное мѣсто, я легъ на траву, усадилъ подлѣ себя Жирана и началъ ожидать. Воображеніе мое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ушло далеко впередъ дѣйствительности: я воображалъ, себѣ, что травлю уже третьяго зайца, въ то время, какъ отозвалась въ лѣсу первая гончая. Голосъ Турки громче и одушевленнѣе раздавался по лѣсу; гончая взвизгивала, и голосъ ея слышался чаще и чаще; къ нему присоединился другой, басистый голосъ, потомъ третій, четвертый... Голоса эти то замолкали, то перебивали другъ друга. Звуки постепенно становились сильнѣе и непрерывнѣе и, наконецъ, слились въ одинъ звонкій, залиvistый гулъ. Островъ былъ голосистый и гончія варили варомъ.

Услыхавъ это, я замеръ на своемъ мѣстѣ. Вперивъ глаза въ опушку, я безмысленно улыбался, потъ катился съ меня градомъ, и хотя капли его, сбѣгая по подбородку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть рѣшительнѣе этой минуты. Положеніе этой напряженности было слишкомъ неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончія то заливались около самой опушки, то постепенно отдалялись отъ меня; зайца не было. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Съ Жираномъ было то же самое: сначала онъ рвался и взвизгивалъ, потомъ легъ подлѣ меня, положилъ морду мнѣ на колѣни и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, желудями, пересохшими, обомшалами хворостинками, желто-зеленымъ мхомъ и изрѣдка пробивавшимися зелеными травками кишмя кишѣли муравьи. Они одинъ за другимъ торопились по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостинку и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ одни, презирая опасность, под-

лѣзали подѣ нее, другіе перелѣзали черезъ, а нѣкоторые особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода или ворочались назадъ, или по хворостинкѣ добивались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подѣ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былѣ отвлеченѣ бабочкой съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Какъ только я обратилѣ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надѣ почти увядшимѣ бѣлымѣ цвѣткомѣ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки, только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ совсѣмѣ замерла. Я положилѣ голову на обѣ руки и съ удовольствіемѣ смотрѣлъ на нее.

Вдругъ Жиранѣ завылѣ и рванулся съ такою силою, что я чуть было не упалѣ. Я оглянулся. На опушкѣ лѣса, приложивѣ одно ухо и приподнявѣ другое, перепрыгивалѣ заяцѣ. Кровь ударила мнѣ въ голову, и я, все забывѣ въ эту минуту, закричалѣ что-то неистовымѣ голосомѣ, пустилѣ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже началѣ раскаиваться: заяцѣ присѣлъ, сдѣлалѣ прыжокѣ, и больше я его не видалѣ.

Но каковѣ былѣ мой стыдѣ, когда вслѣдѣ за гончими, которыя въ голосѣ вывели на опушку, изъ-за кустовѣ показался Турка! Онѣ видѣлъ мою ошибку (которая состояла въ томѣ, что я не *выдержалѣ*) и, презрительно взглянувѣ на меня, сказалѣ только: „эхѣ, баринѣ!“ Но надо знать, какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онѣ меня, какъ зайца, повѣсилѣ на сѣдло.

Долго стоялѣ я въ сильномѣ отчаяніи на томѣ же мѣстѣ, пе звалѣ собаки и только твердилѣ, ударяя себя по ляжкамѣ.

— Боже мой, что я надѣлалѣ!

Я слышалъ, какъ гончія погналы дальше, какъ заступали на другой сторонѣ острова, отбили зайца, и какъ Турка въ свой огромный рогъ вызывалъ собакъ,—но все не трогался съ мѣста.

VIII.

И г р ы.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ, и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ Гаврило, примявъ около себя зеленую сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую вспотѣвшую голову Гаврилы круглыя колеблющіяся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листовѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что?—сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ.—Давайте въ Робинзона.

— Нѣтъ... скучно,—сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья:—вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ: должно-быть, онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворялся, что очень усталъ. Можетъ быть и то, что у него уже было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполне наслаждаться игрой въ Робинзона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ „Robinson suisse“, котораго мы читали незадолго передъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія?—приставали къ нему дѣвочки.— Ты будешь Charles, или Ernest, или отецъ, — какъ хочешь,—говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется, — скучно! — сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть,—сквозь слезы выговорила Любочка.

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдѣте; только не плачь, пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изъ всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинувъ руки подъ голову, и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждаая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнить, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей, — и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія

случались въ этой дорогѣ, и какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!.. Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что жъ тогда останется?..

IX.

Что-то въ родѣ первой любви.

Представляя, что она рветъ съ дерева какіе-то американскіе фрукты, Любочка сорвала на одномъ листкѣ огромной величины червяка, съ ужасомъ бросила его на землю, подняла руки кверху и отскочила, какъ будто боясь, чтобы изъ него не брызнуло чего-нибудь. Игра прекратилась; мы все, головами вмѣстѣ, припали къ землѣ смотрѣть эту рѣдкость.

Я смотрѣлъ черезъ плечо Катеньки, которая старалась поднять червяка на листочкѣ, подставляя ему его на дорогѣ.

Я замѣтилъ, что многія дѣвочки имѣютъ привычку подергивать плечами, стараясь этимъ движеніемъ привести спустившееся платье съ открытою шеей на настоящее мѣсто. Еще помню, что Мими всегда сердилась за это движеніе и говорила: „c'est un geste de femme de chambre“. Нагнувшись надъ червякомъ, Катенька сдѣлала это самое движеніе, и въ то же время вѣтеръ поднялъ косыночку съ ея бѣленькой шейки. Плечико во время этого движенія было на два пальца отъ моихъ губъ. Я смотрѣлъ уже не на червяка, смотрѣлъ-смотрѣлъ и изъ всехъ силъ поцѣловалъ плечо Катеньки. Она не обернулась, но я замѣтилъ, что шейка ея и уши покраснѣли. Володя, не поднимая головы, презрительно сказалъ:

— Что за нѣжности?

У меня же были слезы на глазахъ.

Я не спускалъ глазъ съ Катеньки. Я давно уже привыкъ къ ея свѣженькому, бѣлокуренькому личику и всегда любилъ его; но теперь я внимательнѣе сталъ всматри-

ваться въ него и полюбилъ еще больше. Когда мы дошли къ большимъ, папа, къ великой нашей радости, объявилъ, что по просьбѣ матушки поѣздка отложена до завтрашняго утра.

Мы поѣхали назадъ вмѣстѣ съ линейкой. Володя и я, желая превзойти одинъ другого искусствомъ ѣздить верхомъ и молодечествомъ, гарцовали около нея. Тѣнь моя была длиннѣе, чѣмъ прежде, и, судя по ней, я предполагалъ, что имѣю видъ довольно красиваго всадника; но чувство самодовольства, которое я испытывалъ, было скоро разрушено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Желая окончательно прельстить всѣхъ сидѣвшихъ на линейкѣ, я отсталъ немного, потомъ, съ помощью хлыста и ногъ, разогналъ свою лошадку, принялъ непринужденно-граціозное положеніе и хотѣлъ вихремъ пронестись мимо нихъ, съ той стороны, съ которой сидѣла Катенька. Я не зналъ только, что лучше: молча ли проскакать, или крикнуть. Но несносная лошадка, поровнявшись съ упряжными, несмотря на всѣ мои усилія, остановилась такъ неожиданно, что я перескочилъ съ сѣдла на шею и чуть-чуть не полетѣлъ.

X.

Что за человекъ былъ мой отецъ.

Онъ былъ человекъ прошлаго вѣка и имѣлъ общій молодежи того вѣка неуловимый характеръ рыцарства, предприимчивости, самоувѣренности, любезности и разгула. На людей нынѣшняго вѣка онъ смотрѣлъ презрительно, и взглядъ этотъ происходилъ столько же отъ врожденной гордости, сколько отъ тайной досады за то, что въ нашъ вѣкъ онъ не могъ имѣть ни того вліянія ни тѣхъ успѣховъ, которые имѣлъ въ свой. Двѣ главныя страсти его въ жизни были карты и женщины: онъ выигралъ въ продолженіе своей жизни нѣсколько милліоновъ и любилъ безчисленное число женщинъ всѣхъ сословій.

Большой, статный ростъ, странная, маленькими шаг-
нами походка, привычка подергивать плечомъ, маленькіе
всегда улыбающіеся глазки, большой орлиный носъ, не-
правильныя губы, которыя какъ-то неловко, но пріятно
складывались, недостатокъ въ произношеніи—пришепеты-
ваніе — и большая во всю голову лысина, — вотъ наруж-
ность моего отца, съ тѣхъ поръ, какъ я его запомню, —
наружность, съ которою онъ умѣлъ не только прослыть
и быть человѣкомъ à bonnes fortunes, но нравиться всѣмъ
безъ исключенія — людямъ всѣхъ сословій и состоя-
ній, въ особенности же тѣмъ, которымъ онъ хотѣлъ нра-
виться.

Онъ умѣлъ взять верхъ въ отношеніяхъ со всякимъ.
Не бывъ никогда человѣкомъ *очень большого свѣта*, онъ
всегда водился съ людьми этого круга, и такъ, что былъ
уважаемъ. Онъ зналъ ту крайнюю мѣру гордости и са-
монадѣянности, которая, не оскорбляя другихъ, возвы-
шала его въ мнѣніи свѣта. Онъ былъ оригиналенъ, но
не всегда, а употреблялъ оригинальность какъ средство,
замѣняющее въ иныхъ случаяхъ свѣтскость или богат-
ство. Ничто на свѣтѣ не могло возбудить въ немъ
чувства удивленія: въ какомъ бы онъ ни былъ блестя-
щемъ положеніи, казалось, онъ для него былъ рожденъ.
Онъ такъ хорошо умѣлъ скрывать отъ другихъ и удалять
отъ себя извѣстную всѣмъ, темную, наполненную мелкими
досадами и огорченіями, сторону жизни, что нельзя было
не завидовать ему. Онъ былъ знатокъ всѣхъ вещей, до-
ставляющихъ удобства и наслажденія, и умѣлъ пользо-
ваться ими. Конекъ его былъ блестящія связи, которыя
онъ имѣлъ частью по родству моей матери, частью по
своимъ товарищамъ молодости, на которыхъ онъ въ душѣ
сердился за то, что они далеко ушли въ чинахъ, а онъ
навсегда остался отставнымъ поручикомъ гвардіи. Онъ,
какъ и всѣ бывшіе военные, не умѣлъ одѣваться по-мод-
ному, но зато онъ одѣвался оригинально и изящно: всегда
очень широкое и легкое платье, прекрасное бѣлье, большіе
отвороченные манжеты и воротнички... Впрочемъ, все шло

къ его большому росту, сильному сложенію, лысой головѣ и спокойнымъ, самоувѣреннымъ движеніямъ. Онъ былъ чувствителенъ и даже слезливъ. Часто, читая вслухъ, когда онъ доходилъ до патетическаго мѣста, голосъ его начиналъ дрожать, слезы показывались, и онъ съ досадой оставлялъ книгу. Онъ любилъ музыку, пѣвалъ, аккомпанируя себѣ на фортепiano, романсы пріятели своего А..., цыганскія пѣсни и нѣкоторые мотивы изъ оперъ; но учебной музыки не любилъ и, не обращая вниманія на общее мнѣніе, откровенно говорилъ, что сонаты Бетховена нагоняютъ на него сонъ и скуку, и что онъ не знаетъ ничего лучше, какъ „Не будите, меня молоду“, какъ ее пѣвала Семенова, и „Не одна“, какъ пѣвала цыганка Танюша. Его натура была одна изъ тѣхъ, которымъ для хорошаго дѣла необходима публика. И то только онъ считалъ хорошимъ, что называла хорошимъ публика. Богъ знаетъ, были ли у него какія-нибудь нравственныя убѣжденія? Жизнь его была такъ полна увлеченіями всякаго рода, что ему некогда было составлять себѣ ихъ, да онъ и былъ такъ счастливъ въ жизни, что не видѣлъ въ томъ необходимости.

Въ старости у него образовался постоянный взглядъ на вещи и неизмѣнныя правила, по единственно на основаніи практическомъ; тѣ поступки и образъ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствіе, онъ считалъ хорошими и находилъ, что такъ всегда и всемъ поступать должно. Онъ говорилъ очень увлекательно, и эта способность, мнѣ кажется, усиливала гибкость его правилъ; онъ въ состояніи былъ тотъ же поступокъ рассказать какъ самую милую шалость и какъ низкую подлость.

XI.

Занятія въ кабинетѣ и гостиной.

Уже смеркалось, когда мы пріѣхали домой. Маман сѣла за рояль, а мы, дѣти, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать около круглаго стола.

У меня была только синяя краска; но, несмотря на это, я затѣялъ нарисовать охоту. Очень живо изобразивъ синяго мальчика верхомъ па синей лошади и синихъ собакъ, я не зналъ навѣрное, можно ли нарисовать синяго зайца, и побѣждалъ къ папѣ въ кабинетъ посовѣтоваться объ этомъ. Папа читалъ что-то и на вопросъ мой: „бываютъ ли синіе зайцы?“ не поднимая головы, отвѣтилъ: „бываютъ, мой другъ, бываютъ“. Возвратившись къ круглому столу, я изобразилъ синяго зайца, потомъ нашелъ пужнымъ передѣлать изъ синяго зайца кустъ. Кустъ тоже мнѣ не понравился; я сдѣлалъ изъ него дерево, изъ дерева—скирдъ, изъ скирда—облако и, наконецъ, такъ испачкалъ всю бумагу синею краской, что съ досады разорвалъ ее и пошелъ дремать въ вольтеровское кресло.

Мама играла второй концертъ Фильда, своего учителя. Я дремалъ, и въ моемъ воображеніи возникали какія-то легкія, свѣтлыя и прозрачныя воспоминанія. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнилъ что-то грустное, тяжелое и мрачное. Мама часто играла эти двѣ пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое онѣ во мнѣ возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминанія; но воспоминанія чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было.

Противъ меня была дверь въ кабинетъ, и я видѣлъ, какъ туда вошли Яковъ и еще какіе-то люди въ кафтаняхъ и съ бородами. Дверь тотчасъ затворилась за ними. „Ну, начались занятія!“ подумалъ я. Мнѣ казалось, что важнѣе тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались въ кабинетѣ, ничего въ мірѣ быть не могло; въ этой мысли подтверждало меня еще то, что къ дверямъ кабинета всѣ подходили обыкновенно перешоптываясь и на цыпочкахъ; оттуда же былъ слышенъ громкій голосъ папа и запахъ сигары, который всегда, не знаю почему, меня очень привлекалъ. Въ просонкахъ меня вдругъ поразилъ очень знакомый скрипъ сапогъ въ офиціантской. Карлъ Ивановичъ на цыпочкахъ, но съ лицомъ мрачнымъ и рѣшительнымъ, съ какими-то записками въ рукѣ, подошелъ къ двери и

слегка постучался. Его впустили, и дверь опять захлопнулась.

„Какъ бы не случилось какого-нибудь несчастія,—подумалъ я:—Карлъ Ивановичъ разсерженъ: онъ на все готовъ...“

Я опять задремалъ,

Однако несчастія никакого не случилось; черезъ часъ времени меня разбудилъ тотъ же скрипъ сапогъ. Карлъ Ивановичъ, утирая платкомъ слезы, которыя я замѣтилъ на его щекахъ, вышелъ изъ двери и, бормоча что-то себѣ подъ носъ, пошелъ наверхъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ папа и вошелъ въ гостиную.

— Знаешь, что я сейчасъ рѣшилъ?—сказалъ онъ веселымъ голосомъ, положивъ руку на плечо маман.

— Что, мой другъ?

— Я беру Карла Ивановича съ дѣтьми. Мѣсто въ бричкѣ есть. Они къ нему привыкли, и онъ къ нимъ, кажется, точно привязанъ; а семьсотъ рублей въ годъ никакого счета не дѣлаютъ, *et puis au fond c'est un tre's bon diable.*

Я никакъ не могъ постигнуть, зачѣмъ папа бранить Карла Ивановича.

— Я очень рада, — сказала маман, — за дѣтей и за него: онъ славный старикъ.

— Если бы ты видѣла, какъ онъ былъ тронуть, когда я ему сказалъ, чтобъ онъ оставилъ эти пятьсотъ рублей въ видѣ подарка... Но что забавнѣе всего—это счетъ, который онъ принесъ мнѣ. Это стоитъ посмотреть, — прибавилъ онъ съ улыбкой, подавая ей записку, написанную рукой Карла Ивановича: — прелесть!

Вотъ содержаніе этой записки:

„Для дѣтей два удочка—70 копекъ.

„Цвѣтной бумага, золотой коемочка, клестиръ и болванъ для коробочка, въ подаркахъ—6 р. 55 копекъ.

„Книга и лукъ, подарка дѣтьямъ—8 р. 16 к.

„Панталонъ Николаю—4 рубли.

„Объщаны Петромъ Александровичъ изъ Москву 18... году золотые часы 140 рублей.

„Итого слѣдуетъ получить Карлу Мауеру кромѣ жалованію—159 рублей 79 копекъ“.

Прочтя эту записку, въ которой Карлъ Ивановичъ требуетъ, чтобъ ему заплатили всѣ деньги, издержанныя имъ на подарки, и даже заплатили бы за обѣщанный подарокъ, всякій подумаетъ, что Карлъ Ивановичъ больше ничего, какъ безчувственный и корыстолюбивый себялюбецъ,—и всякій ошибется.

Войдя въ кабинетъ съ записками въ рукѣ и съ приготовленною рѣчью въ головѣ, онъ намѣревался краснорѣчиво изложить передъ папа всѣ несправедливости, претерпѣнныя имъ въ нашемъ домѣ; но когда онъ началъ говорить тѣмъ же трогательнымъ голосомъ и съ тѣми же чувствительными интонаціями, съ которыми онъ обыкновенно диктовалъ намъ, его краснорѣчіе подѣйствовало сильнѣе всего на него самого; такъ что, дойдя до того мѣста, въ которомъ онъ говорилъ: „какъ ни грустно мнѣ будетъ разстаться съ дѣтьми“, онъ совсѣмъ сбился, голосъ его задрожалъ, и онъ принужденъ былъ достать изъ кармана клѣтчатый платокъ.

— Да, Петръ Александрычъ, — сказалъ онъ сквозь слезы (этого мѣста совсѣмъ не было въ приготовленной рѣчи),—я такъ привыкъ къ дѣтямъ, что не знаю, что буду дѣлать безъ нихъ. Лучше я безъ жалованья буду служить вамъ,—прибавилъ онъ, одною рукою утирая слезы, а другою подавая счетъ.

Что Карлъ Ивановичъ въ эту минуту говорилъ искренно это я утвердительно могу сказать, потому что знаю его доброе сердце; но какимъ образомъ согласовался счетъ съ его словами, остается для меня тайной.

— Если вамъ грустно, то мнѣ было бы еще грустнѣе разстаться съ вами, — сказалъ папа, потрепавъ его по плечу:—я теперь раздумалъ.

Незадолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша. Онъ съ самаго того времени, какъ вошелъ въ нашъ домъ,

не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую-нибудь бѣду нашему дому. Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ дальше. Я подмигнулъ Володѣ и вышелъ въ дверь.

— Что?

— Если хотите посмотрѣть Гришины вериги, то пойдете сейчасъ на мужской верхъ. Гриша спитъ во второй комнатѣ, въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, и мы все увидимъ.

— Отлично! Подожди здѣсь: я позову дѣвочекъ.

Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились наверхъ. Не безъ спора рѣшивъ, кому первому войти въ темный чуланъ, мы усѣлись и стали ждать.

XII.

Г р и ш а.

Намъ всемъ было жутко въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти влѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ онъ держалъ свой посохъ, въ другой — сальную свѣчу въ мѣдномъ подевѣчникѣ. Мы не переводили дыханія.

— Господи Иисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу...—вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ съ различными интонаціями и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова.

Съ молитвой поставивъ свой посохъ въ уголь и осмотрѣвъ постель, онъ сталъ раздѣваться. Распоясавъ свой старенькій черный кушакъ, онъ медленно снялъ изорванный нанковый зипунъ, тщательно сложилъ его и повѣсилъ на слинку стула. Лицо его теперь не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія; напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны.

Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ тихо опустился на кровать, окрестилъ ее со всѣхъ сторонъ и, какъ видно было, съ усиленіемъ (потому что онъ поморщился) поправилъ подъ рубашкой вериги. Посидѣвъ немного и заботливо осмотрѣвъ прорванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлье, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, въ которомъ стояло нѣсколько образовъ, перекрестился на нихъ и перевернулъ свѣчу огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла.

Въ окна, обращенныя на лѣсъ, ударила почти полная луна. Длинная бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена блѣдными, серебрястыми лучами мѣсяца, съ другой — черною тѣнью, которая вмѣстѣ съ тѣнями отъ рамъ падала на полъ и стѣны и доставала до потолка. На дворѣ караульщикъ стучалъ въ мѣдную доску.

Сложивъ свои огромныя руки на груди, опустивъ голову и безпрестанно тяжело вздыхая, Гриша молча стоялъ передъ иконами, потомъ съ трудомъ опустился на колѣни и сталъ молиться.

Сначала онъ тихо говорилъ извѣстныя молитвы, ударяя только на нѣкоторыя слова, потомъ повторилъ ихъ, но громче и съ большимъ одушевленіемъ. Онъ началъ говорить свои слова, съ замѣтнымъ усиленіемъ стараясь выражаться по-славянски. Слова его были нескладны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ; молился о себѣ, просилъ чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи, и твердилъ: „Боже, прости врагамъ моимъ!“ Кряхтя поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять поднимался, несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ, ударяясь о землю.

Володя ущипнулъ меня очень больно за ногу; но я даже не оглянулся: потеръ только рукой то мѣсто и продолжалъ съ чувствомъ дѣтскаго удивленія, жалости и благоговѣнія слѣдить за всѣми движеніями и словами Гриши.

Вмѣсто веселья и смѣха, на которые я рассчитывалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: *Господи, помилуй*, но каждый разъ съ новою силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: *прости мя, Господи, научи мя, что творити... научи мя, что творити, Господи!* съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія.. Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

Я потихоньку высунулъ голову изъ двери и не переводилъ дыханія. Гриша не шевелился; изъ груди его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его кривого глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

— Да будетъ воля Твоя! — вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога; твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ,—ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ... И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!..

Чувство умиленія, съ которымъ я слушалъ Гришу, не могло долго продолжаться, во-первыхъ, потому, что любопытство мое было насыщено, а во-вторыхъ, потому, что я отсидѣлъ себѣ поги, сидя на одномъ мѣстѣ, и мнѣ хотѣлось присоединиться къ общему шептанью и вознѣ, которыя слышались сзади меня въ темномъ чуланѣ. Кто-то

хватить меня за руку и шопотомъ сказалъ: „чья эта рука?“ Въ чуланѣ было совершенно темно; но по одному прикосновенію и голосу, который шепталъ мнѣ надъ самымъ ухомъ, я тотчасъ узналъ Катеньку.

Совершенно безсознательно я схватилъ ея руку въ коротенькихъ рукавичкахъ за локоть и припалъ къ ней губами. Катенька, вѣрно, удивилась этому поступку и отдернула руку: этимъ движеніемъ она толкнула сломанный стулъ, стоявшій въ чуланѣ. Гриша поднялъ голову, тихо оглянувшись и, читая молитвы, сталъ крестить всѣ углы. Мы съ шумомъ и шопотомъ выбѣжали изъ чулана.

XIII.

Наталья Савишна.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія по дворамъ села Хабаровки бѣгала въ затрапезномъ платьѣ босоногая, но веселая, толстая и краснощекая дѣвка *Наташка*. По заслугамъ и просьбѣ отца ея, кларнетиста Савы, дѣдъ мой взялъ ее *сверхъ*—находиться въ числѣ женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличилась въ этой должности кротостью права и усердіемъ. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этомъ новомъ поприщѣ она заслужила похвалы и награды за свою дѣятельность, вѣрность и привязанность къ молодой госпожѣ. Но напудренная голова и чулки съ прыжками молодого, бойкаго офиціанта Фоки, имѣвшаго по службѣ частыя сношенія съ Натальей, плѣнили ея грубое, но любящее сердце. Она даже сама рѣшилась итти къ дѣдушкѣ просить позволенія выйти за Фоку замужъ. Дѣдушка принялъ ея желаніе за неблагодарность, прогнѣвался и сослалъ бѣдную Наталью въ наказаніе на скотный дворъ въ стениую деревню. Черезъ шесть мѣсяцевъ, однако, такъ какъ никто не могъ замѣнить Наталью, она была возвращена во дворъ и въ прежнюю должность. Возвратившись въ затрапезкѣ изъ изгнанія, она явилась къ дѣдушкѣ, упала ему въ ноги и про-

сила возвратить ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И дѣйствительно, она сдержала свое слово.

Съ тѣхъ поръ Наташка сдѣлалась Натальей Савишной и надѣла чепецъ; весь запасъ любви, который въ ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подлѣ матушки замѣнила ее гувернантка, она получила ключи отъ кладовой, и ей на руки сданы были бѣлье и вся провизія. Новыя обязанности эти она исполняла съ тѣмъ же усердіемъ и любовью. Она вся жила въ барскомъ добрѣ, во всемъ видѣла трату, порчу, расхищеніе и всѣми средствами старалась противодѣйствовать.

Когда матан вышла замужъ, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить Наталью Савишну за ея двадцатилѣтніе труды и привязанность, она позвала ее къ себѣ и, выразивъ въ самыхъ лестныхъ словахъ всю свою къ ней признательность и любовь, вручила ей листъ гербовой бумаги, на которомъ была написана вольная Наталья Савишнѣ, и сказала, что, несмотря на то, будетъ ли она, или нѣтъ продолжать служить въ нашемъ домѣ, она всегда будетъ получать ежегодную пенсію въ 300 рублей. Наталья Савишна молча выслушала все это, потомъ, взявъ въ руки документъ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбѣжала изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Не понимая причины такого страннаго поступка, матан, немного погодя, вошла въ комнату Натальи Савишны. Она сидѣла съ заплаканными глазами на сундукѣ, перебирая пальцами носовой платокъ, и пристально смотрѣла на валявшіеся на полу передъ пей клочки изорванной вольной.

— Что съ вами, голубушка Наталья Савишна?—спросила матан, взявъ ее за руку.

— Ничего, матушка,—отвѣчала она:—должно-быть, я вамъ чѣмъ-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что жъ, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь от слезъ, хотѣла уйти изъ комнаты. Матап удержала ее, обняла, и онѣ обѣ расплакались.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ея любовь и ласки; но теперь только умѣю цѣнить ихъ; тогда же мнѣ и въ голову не приходило, какое рѣдкое, чудесное созданіе была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себѣ; вся жизнь ея была любовь и самопожертвованіе. Я такъ привыкъ къ ея безкорыстной, нѣжной любви къ намъ, что и не воображалъ, чтобы это могло быть иначе нисколько не былъ благодаренъ ей и никогда не задавалъ себѣ вопросовъ: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, подъ предлогомъ необходимой надобности прибѣжишь отъ урока въ ея комнатку, усядешься и начнешь мечтать вслухъ, нисколько не стѣняясь ея присутствіемъ. Всегда она бывала чѣмъ-нибудь занята: или вязала чулокъ, или рылась въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, или записывала бѣлье и, слушая всякій вздоръ, который я говорилъ, „какъ, когда я буду генераломъ, я женюсь на чудесной красавицѣ, куплю себѣ рыжую лошадь, построю стеклянный домъ и выпишу родныхъ Карла Ивановича изъ Саксоніи“ и т. д., она приговаривала: „да, мой батюшка, да“. Обыкновенно, когда я вставалъ и собирался уходить, она отворяла голубой сундукъ, на крышкѣ котораго спутри—какъ теперь помню—были наклеены: крашеное изображеніе какого-то гусара, картинка съ помадной баночки и рисунокъ Володи, вынимала изъ этого сундука куренье, зажигала его и, помаловая, говорила:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда вашъ покойникъ дѣдушка—царство небесное—подъ турку ходили, такъ оттуда еще привезли. Вотъ ужъ послѣдній кусочекъ остался,—прибавляла она со вздохомъ.

Въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, было рѣшительно все. Что бы ни понадобилось, обыкно-

венно говаривали: „надо спросить у Натальи Савишны“, и дѣйствительно, порывшись немного, она находила требуемый предмет и говаривала: „вотъ и хорошо, что припрятала“. Въ сундукахъ этихъ были тысячи такихъ предметовъ, о которыхъ никто въ домѣ, кромѣ нея, не зналъ и не заботился.

Одинъ разъ я на нее разсердился. Вотъ какъ это было. За обѣдомъ, наливая себѣ квасу, я уронилъ графинъ и облилъ скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобъ она порадовалась на своего любимчика!—сказала маман.

Наталья Савишна вошла и, увидавъ лужу, которую я сдѣлалъ, покачала головой, потомъ маман сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

Послѣ обѣда я въ самомъ веселомъ расположеніи духа, припрыгивая, отправился въ залу, какъ вдругъ изъ-за двери выскочила Наталья Савишна со скатертью въ рукѣ, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ моей стороны, начала тереть меня мокрымъ по лицу, приговаривая: „Не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!“ Меня такъ это обидѣло, что я разревѣлся отъ злости.

„Какъ!—говорилъ я самъ себѣ, прохаживаясь по залѣ и захлебываясь отъ слезъ. — Наталья Савишна, просто *Наталья*, говоритъ *мнѣ* ты и еще бьетъ меня по лицу мокрою скатертью, какъ двороваго мальчишку. Нѣтъ, это ужасно!“

Когда Наталья Савишна увидала, что я распустилъ слюни, она тотчасъ же убѣжала, а я, продолжая прохаживаться, разсуждалъ о томъ, какъ бы отплатить дерзкой *Натальѣ* за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

Черезъ нѣсколько минутъ Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мнѣ и начала увѣщевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня дуру... я виновата... ужъ вы меня простите, мой голубчикъ... вотъ вамъ...

Она вынула изъ-подъ платка корнетъ, сдѣланный изъ красной бумаги, въ которомъ были двѣ карамельки и одна винная ягода, и дрожащею рукой подала его мнѣ. У меня неоставало силъ взглянуть въ лицо доброй старушкѣ; я, отвернувшись, принялъ подарокъ, и слезы потекли еще обильнѣе, но уже не отъ злости, а отъ любви и стыда.

XIV.

Разлука.

На другой день послѣ описанныхъ мною происшествій, въ двѣнадцатомъ часу утра, коляска и бричка стояли у подъѣзда. Николай былъ одѣтъ по-дорожному, то-есть штаны были всунуты въ сапоги и старый сюртукъ туго-натуго подпоясанъ кушакомъ. Онъ стоялъ въ бричкѣ и укладывалъ шинели и подушки подъ сидѣнье; когда оно ему казалось высоко, онъ садился на подушки и, припрыгивая, обминалъ ихъ.

— Сдѣлайте Божескую милость, Николай Дмитричъ, нельзя ли къ вамъ будетъ баринову щикатулку положить?—сказалъ запыхавшійся камердинеръ папа, высываясь изъ коляски.—Она маленькая...

— Вы бы прежде говорили, Михай Ивановичъ, — отвѣчалъ Николай скороговоркой и съ досадой, изъ всѣхъ силъ бросая какой-то узелокъ на дно брички. — Ей-Богу, голова и такъ кругомъ идетъ, а тутъ еще вы съ вашими щикатулками, — прибавилъ онъ, приподнявъ фуражку и утирая съ загорѣлаго лба крупныя капли пота.

Дворовые люди въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ, женщины въ затрапезныхъ, полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ, и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой. Одинъ изъ ямщиковъ — сгорбленный старикъ въ зимней шапкѣ и армякѣ — держалъ въ рукѣ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно

посматривалъ на ходъ; другой—видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ красными кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепейникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурые кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо, — положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда же вожжи и, постегивая плетенымъ кнутикомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ натужившись, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку, — даже, чтобы не пропадалъ остальной па помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу. Почтовые разномастные, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Одинъ изъ нихъ, выставляя свои косматыя, оплывшія ноги, жмурились глаза и дремали; другія отъ скуки чесали другъ друга или щипали листья и стебли жесткаго темно-зеленаго папоротника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ — одинъ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла, горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ. Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки высокихъ липъ и березъ сада и далеко относилъ падавшіе желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій.

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ящикъ поѣдетъ въ бричку и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Ивановичемъ? и для чего непременно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

„Что я за иѣженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорѣй это все кончилось: съестъ бы и ѣхать“.

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать? — сказала вошедшая съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ Наталья Савишна, обращаясь къ ташан.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукой, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движеніе; но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того, ни другого: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и madame Julie и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ: „кушать готово“, остановившись у при-толки, сказалъ: „лошади готовы“. Я замѣтилъ, что ташан вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстїи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло, — „какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь“.

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула, но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула, и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, прїютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое, неподвижное лицо Фоки и сгорбленную добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ всѣ встали,

перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ маман и нѣсколько разъ поцѣловаль ее.

— Полно, мой дружокъ!—сказаль папа.—Вѣдь не навѣкъ расстаемся.

— Все-таки грустно!—сказала маман дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхаль этотъ голосъ, увидаль ее дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забыль про все и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я поняль въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что, полагая, что она теперь обратится ко мнѣ, я совался впередъ, но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ я обняль ее и, прильнувь къ ней, плакаль, плакаль, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ „пожалуйте ручку-съ“, звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ отвращенію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловаль въ чепецъ Наталью Савишну, когда она, вся въ слезахъ, прощалась со мной.

Странно то, что я какъ теперь вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лицо и положеніе маман рѣшительно ускользають изъ моего воображенія, можетъ-быть, оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что если бъ я это сдѣлаль, ея и моя горестъ должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За подпятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что маман еще здѣсь.

„Посмотрѣть ли на нее, или нѣтъ?.. Ну, въ послѣдній разъ!“ сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время татамъ съ тою же мыслью оподопла съ противоположной стороны коляски и цѣвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы столкнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко-крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отѣхали нѣсколько сажень, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно веходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движеніе темного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляли мнѣ удовольствіе и отраду.

Отѣхавъ съ версту, я успѣлся покойнѣе и съ упорнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на ближайшій предметъ передъ глазами—заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующіяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобы узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которою я разъ-

стался, можетъ-быть, навсегда. Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили, кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

„Жалко ихъ! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими — и ту жалко. Все, все жалко! А бѣдная мама?“ И слезы опять навертывались на глаза, но не надолго.

XV.

Д ѣ т с т в о .

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Мама говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая, лицо ея не больше пуговики; но оно мнѣ все такъ же ясно видно; вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

И встаю, съ погами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька! — говоритъ мнѣ татап: — ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша, — отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоро-

вый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то пѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко-крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; татап сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своею чудесною

нѣжною ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняють ея: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ.

Она другою рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляеть меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своею грустною, очаровательною улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? — Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамашы, ты не забудешь ея? не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни; и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку. Въ эти минуты, когда я повторялъ молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои: за любимую мать, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонять другія; — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любви и надеждъ на свѣтлое счастье. Вспомнишь,

бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи, единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастнымъ, и такъ жалко станеть, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: „дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всею готовъ для него пожертвовать“. Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголь пуховой подушки и любишь, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастья всею, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — были единственными побужденіями въ жизни?

Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангель-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію.

Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?

XVI.

С т и х и.

Почти мѣсяцъ послѣ того, какъ мы переѣхали въ Москву, я сидѣлъ наверху бабушкинаго дома за большимъ столомъ и писалъ; напротивъ меня сидѣлъ рисовальный учитель и окончательно поправлялъ нарисованную чернымъ карандашомъ головку какого-то турка въ чалмѣ.

Володя, вытянув шею, стоялъ сзади учителя и смотрѣлъ ему черезъ плечо. Головка эта была первое произведеніе Володи чернымъ карандашомъ и нынче же, въ день ангела бабушки, должна была быть поднесена ей.

— А сюда вы не положите еще тѣни?—сказалъ Володя учителю, приподнимаясь на цыпочки и указывая на шею турка.

— Нѣтъ, не нужно,—сказалъ учитель, укладывая карандаши и рейсфедеръ въ задвижной ящичекъ:—теперь прекрасно, и вы больше не прикасайтесь. Ну, а вы, Николенька, — прибавилъ онъ, вставая и продолжая искоса смотрѣть на турка, — откройте, наконецъ, намъ вашъ секретъ: что вы поднесете бабушкѣ? Право, лучше было бы тоже головку. Прощайте, господа! — сказалъ онъ, взявъ шляпу, билетикъ и вышелъ.

Въ эту минуту я тоже думалъ, что лучше бы было головку, чѣмъ то, надъ чѣмъ я трудился. Когда намъ объявили, что скоро будутъ именины бабушки и что намъ должно приготовить къ этому дню подарки, мнѣ пришлось въ голову написать ей стихи на этотъ случай, и я тотчасъ же прибралъ два стиха съ римами, надѣясь такъ же скоро прибрать остальные. Я рѣшительно не помню, какимъ образомъ вошла мнѣ въ голову такая странная для ребенка мысль, но помню, что она мнѣ очень нравилась, и что на всѣ вопросы объ этомъ предметѣ я отвѣчалъ, что непременно поднесу бабушкѣ подарокъ, но никому не скажу, въ чемъ онъ будетъ состоять.

Противъ моего ожиданія, оказалось, что, кромѣ двухъ стиховъ, придуманныхъ мною сгоряча, я, несмотря на всѣ усилія, ничего дальше не могъ сочинить. Я сталъ читать стихи, которые были въ нашихъ книгахъ; но ни Дмитриевъ, ни Державинъ не помогли мнѣ; напротивъ, они еще болѣе убѣдили меня въ моей неспособности. Зная, что Карлъ Ивановичъ любилъ списывать стишки, я сталъ потихоньку рыться въ его бумагахъ и въ числѣ нѣмецкихъ стихотвореній нашелъ одно русское, принадлежавшее, должно-быть, собственно его перу.

Г-жѣ Л. Петровской, 1828, 3 іюні.

Помните близко,
Помните далеко,
Помните моего
Еще отнинѣ и до всегда
Помните еще до моего гроба
Какъ вѣренъ я любить умѣю.

Карлъ Мауеръ.

Стихотвореніе это, написанное красивымъ, круглымъ почеркомъ на тонкомъ почтовомъ листѣ, понравилось мнѣ по трогательному чувству, которымъ оно проникнуто; я тотчасъ же выучилъ его наизусть и рѣшился взять за образецъ. Дѣло пошло гораздо легче. Въ день именинъ поздравленіе изъ 12 стиховъ было готово, и, сидя за столомъ въ классной, я переписывалъ его на веленевую бумагу.

Уже два листа бумаги были испорчены... не потому, чтобъ я думалъ что-нибудь перемѣнить въ нихъ: стихи мнѣ казались превосходными, но съ третьей линейки концы ихъ начинали загибаться кверху все больше и больше, такъ что даже издалека видно было, что это написано криво и никуда не годится.

Третій листъ былъ такъ же кривъ, какъ и прежніе; но я рѣшился не переписывать больше. Въ стихотвореніи своемъ я поздравлялъ бабушку, желалъ ей много лѣтъ здравствовать и заключилъ такъ:

Стараться будемъ утѣшать
И любимъ, какъ родную мать.

Кажется, было бы очень недурно, но послѣдній стихъ какъ-то странно оскорблялъ мой слухъ.

— И лю-бимъ, какъ родну-ю мать,—твердилъ я себѣ подъ носъ.—Какую бы рѣшму вмѣсто *мать*: играть? кро-вать?.. Э, сойдетъ! все лучше Карлъ Иванычевыхъ.

И я написалъ послѣдній стихъ. Потомъ въ спальнѣ я прочелъ вслухъ все свое сочиненіе съ чувствомъ и жестами. Были стихи совершенно безъ размѣра, но я не оставивался на нихъ; послѣдній же еще сильнѣе и непріятнѣе поразилъ меня. Я сѣлъ на кровать и задумался.

„Зачѣмъ я написалъ: *какъ родную мать*. Ея вѣдь здѣсь нѣтъ, такъ не нужно было и поминать ее; правда, я бабушку люблю, уважаю, но все не то... Зачѣмъ я написалъ это? Зачѣмъ я солгалъ? Положимъ, это стихи, да все-таки не нужно было“.

Въ это самое время вошелъ портной и принесъ новые полуфрачки, — Ну, такъ и быть! — сказалъ я въ сильномъ нетерпѣннн, съ досадой сунулъ стихи подъ подушку и побѣждалъ примѣривать московское платье.

Московское платье оказалось превосходно: коричневые полуфрачки съ бронзовыми пуговками были сшиты въ обтяжку — не такъ, какъ въ деревнѣ намъ шивали, на ростъ; черныя брючки, тоже узенькія, чудо какъ хорошо обозначали мускулы и лежали на сапогахъ.

„Наконецъ-то и у меня панталоны со штрипками, настоящія!“ мечталъ я, внѣ себя отъ радости, осматривая со всѣхъ сторонъ свои ноги. Хотя мнѣ было очень узко и неловко въ новомъ платьѣ, я скрылъ это отъ всѣхъ, сказалъ, что, напротивъ, мнѣ очень покойно и что ежели есть недостатокъ въ этомъ платьѣ, такъ только тотъ, что оно немножко просторно. Послѣ этого я очень долго, стоя передъ зеркаломъ, причесывалъ свою обильно напомаженную голову; но сколько ни старался я, никакъ не могъ пригладить вихры на макушкѣ: какъ только я, желая испытать ихъ послушаніе, переставалъ прижимать ихъ щеткой, они поднимались и торчали въ разныя стороны, придавая моему лицу самое смѣшное выраженіе.

Карлъ Ивановичъ одѣвался въ другой комнатѣ, и черезъ классную пронесли къ нему синій фракъ и еще какія-то бѣлыя принадлежности. У двери, которая вела внизъ, послышался голосъ одной изъ горничныхъ бабушки; я вышелъ, чтобъ узнать, что ей нужно. Она держала на рукѣ туго накрахмаленную манишку и сказала мнѣ, что она принесла ее для Карла Ивановича и что ночь не спала, для того, чтобъ успѣть вымыть ее ко времени. Я взялся передать манишку и спросилъ: встала ли бабушка?

— Какъ же-съ! ужъ кофе откушали, и протопопъ пришелъ. Какимъ вы молодчикомъ! — прибавила она, съ улыбкой оглядывая мое платье.

Замѣчаніе это заставило меня покраснѣть; я перевернулся на одной ножкѣ, щелкнулъ пальцами и припрыгнулъ, желая этимъ дать почувствовать, что она еще не знаетъ хорошенько, какой я дѣйствительно молодчикъ.

Когда я принесъ манишку Карлу Ивановичу, она уже была не нужна ему: онъ надѣлъ другую и, перегнувшись передъ маленькимъ зеркальцемъ, которое стояло на столѣ, держался обѣими руками за пышный бантъ своего галстука и пробовалъ, свободно ли входитъ въ него и обратно его гладко выбритый подбородокъ. Обдернувъ со всѣхъ сторонъ наши платья и попросивъ Николая сдѣлать для него то же самое, онъ повелъ насъ къ бабушкѣ. Мнѣ смѣшно вспомнить, какъ сильно пахло отъ насъ троиухъ помадой въ то время, какъ мы стали спускаться по лѣстницѣ.

У Карла Ивановича въ рукахъ была коробочка своего издѣлія, у Володи—рисупокъ, у меня—стихи; у каждаго на языкѣ было привѣтствіе, съ которымъ онъ поднесетъ свой подарокъ. Въ ту минуту, какъ Карлъ Ивановичъ отворилъ дверь залы, священникъ надѣвалъ ризу, и раздались первые звуки молебна.

Бабушка была уже въ залѣ; сгорбившись и опершись на спинку стула, она стояла у стѣны и набожно молилась; подлѣ нея стоялъ папа. Онъ обернулся къ намъ и улыбнулся, замѣтивъ, какъ мы, заторопившись, прятали за спины приготовленные подарки и, стараясь быть незамѣченными, остановились у самой двери. Весь эффектъ неожиданности, на который мы разчитывали, былъ потерянъ.

Когда стали подходить къ кресту, я вдругъ почувствовалъ, что нахожусь подъ тяжелымъ вліяніемъ непреодолимой, одурѣвающей застѣнчивости, и, чувствуя, что у меня никогда не достанетъ духу поднести свой подарокъ, я спрятался за спину Карла Ивановича, который, въ са-

мыхъ отборныхъ выраженіяхъ поздравивъ бабушку, переложилъ коробочку изъ правой руки въ лѣвую, вручилъ ее именинницѣ и отошелъ нѣсколько шаговъ, чтобы дать мѣсто Володѣ. Бабушка, казалось, была въ восхищеніи отъ коробочки, оклеенной золотыми каемками, и самою ласковою улыбкой выразила свою благодарность. Замѣтно, однако, было, что она не знала, куда поставить эту коробочку, и, должно-быть, поэтому предложила папа посмотреть, какъ удивительно искусно она сдѣлана.

Удовлетворивъ своему любопытству, папа передалъ ее протопопу, которому вещь эта, казалось, чрезвычайно понравилась: онъ покачивалъ головой и съ любопытствомъ поглядывалъ то на коробочку, то на мастера, который могъ сдѣлать такую прекрасную штуку. Володя поспешъ своего турку и тоже заслужилъ самыя лестныя похвалы со всѣхъ сторонъ. Насталъ и мой чередъ: бабушка съ одобрительною улыбкой обратилась ко мнѣ.

Тѣ, которые испытали застѣнчивость, знаютъ, что чувство это увеличивается въ прямомъ отношеніи времени, а рѣшительность уменьшается въ обратномъ отношеніи, то есть чѣмъ больше продолжается это состояніе, тѣмъ дѣлается оно непреодолимѣе и тѣмъ менѣе остается рѣшительности.

Послѣдняя смѣлость и рѣшительность оставили меня въ то время, когда Карлъ Ивановичъ и Володя подносили свои подарки, и застѣнчивость моя дошла до послѣднихъ предѣловъ: я чувствовалъ, какъ кровь отъ сердца безпрестанно прилиwała мнѣ въ голову, какъ одна краска на лицѣ смѣнялась другою и какъ на лбу и на носу выступали крупныя капли пота. Уши горѣли, по всему тѣлу я чувствовалъ дрожь и испарину, переминался съ ноги на ногу и не трогался съ мѣста.

— Ну, покажи же, Николенька, что у тебя—коробочка или рисованье?—сказалъ мнѣ папа. Дѣлать было нечего: дрожащею рукой подалъ я измятый роковой свертокъ; по голосъ совершенно отказался служить мнѣ, и я молча остановился передъ бабушкой. Я не могъ придти въ себя

отъ мысли, что вмѣсто ожидаемаго рисунка при всѣхъ прочтуть мои никуда негодные стихи и слова: *какъ родную мать*, которыя ясно докажутъ, что я никогда не любилъ и забылъ ее. Какъ передать мои страданія въ то время, когда бабушка начала читать вслухъ мое стихотвореніе и когда, не разбирая, она останавливалась на срединѣ стиха, чтобы съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась насмѣшливою, взглянуть на папа, когда она приносила не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, и когда, по слабости зрѣнія не дочтя до конца, она передала бумагу папа и попросила его прочесть ей все сначала? Мнѣ казалось, что она это сдѣлала потому, что ей надоѣло читать такіе дурные и криво написанные стихи, и для того, чтобы папа могъ самъ прочесть послѣдній стихъ, столь явно доказывающій мою безчувственность. Я ожидалъ того, что онъ щелкнетъ меня по носу этими стихами и скажетъ: „Дрянной мальчишка, не забывай матери... вотъ тебѣ за это!“ Но ничего такого не случилось; напротивъ, когда все было прочтено, бабушка сказала: *charmant!* и поцѣловала меня въ лобъ.

Коробочка, рисунокъ и стихи были положены рядомъ съ двумя батистовыми платками и табакеркой съ портретомъ маман на выдвижной столикъ вольтеровскаго кресла, въ которомъ всегда сиживала бабушка.

— Княгиня Варвара Ильинична, — доложилъ одинъ изъ двухъ огромныхъ лакеевъ, ѣздившихъ за каретой бабушки.

Бабушка, задумавшись, смотрѣла на портретъ, вѣшанный въ черепаховую табакерку, и ничего не отвѣчала.

— Прикажете просить, ваше сіятельство? — повторилъ лакей.

XVII.

Княгиня Корнакова.

— Проси, — сказала бабушка, усаживаясь глубже въ кресло. Княгиня была женщина лѣтъ сорока пяти, маленькая, тщедушная, сухая и желчная, съ сѣро-зелеными,

неприятными глазками, выраженіе которыхъ явно противорѣчило неестественно-умильно сложенному ротуку. Изъ-подъ бархатной шляпки съ страусовымъ перомъ виднѣлись свѣтло-рыжеватые волосы; брови и рѣсницы казались еще свѣтлѣе и рыжеватѣе на нездоровомъ цвѣтѣ ея лица. Несмотря на это, благодаря ея непринужденнымъ движеніямъ, крошечнымъ рукамъ и особенной сухости во всеѣхъ чертахъ, общій видъ ея имѣлъ что-то благородное и энергическое.

Княгиня очень много говорила и по своей рѣчивости принадлежала къ тому разряду людей, которые всегда говорятъ такъ, какъ будто имъ противорѣчатъ, хотя бы никто не говорилъ ни слова: она то возвышала голосъ, то, постепенно понижая его, вдругъ съ новою живостью начинала говорить и оглядывалась на присутствующихъ, но непринимающихъ участія въ разговорѣ особъ, какъ будто стараясь подкрѣпить себя этимъ взглядомъ.

Несмотря на то, что княгиня поцѣловала руку бабушки, безпрестанно называла ее *ma bonne tante*, я замѣтилъ, что бабушка была ею недовольна: она какъ-то особенно поднимала брови, слушая ея рассказъ о томъ, почему князь Михайло никакъ не могъ самъ пріѣхать поздравить бабушку, несмотря на сильнѣйшее желаніе; и, отвѣчая по-русски на французскую рѣчь княгини, она сказала, особенно растягивая свои слова:

— Очень вамъ благодарна, моя милая, за вашу внимательность; а что князь Михайло не пріѣхалъ, такъ что жъ про то и говорить... у него всегда дѣлъ пронасть; да и то сказать, что ему за удовольствіе со старухой сидѣть?

И, не давая княгинѣ времени опровергнуть ея слова, она продолжала:

— Что, какъ ваши дѣтки, моя милая?

— Да слава Богу, *ma tante*, растутъ, учатся, шалятъ... особенно Этьенъ, старшій, такой повѣса становится, что ладу никакого нѣтъ; зато и умень—*un garçon qui promet*. Можете себѣ представить, *mon cousin*, — продолжала она,

обращаясь исключительно къ папа, потому что бабушка, несколько не интересуясь дѣтьми княгини, а желая похвастаться своими внуками, съ тщательностью достала мои стихи изъ-подъ коробочки и стала ихъ развертывать, — можете себѣ представить, mon cousin, что онъ сдѣлалъ на-дняхъ...

И княгиня, наклонившись къ папа, начала ему рассказывать что-то съ большимъ одушевленіемъ. Окончивъ рассказъ, котораго я не слыжалъ, она тотчасъ засмѣялась и, вопросительно глядя въ лицо папа, сказала:

— Каковъ мальчикъ, mon cousin? Онъ стоилъ, чтобъ его высѣчь; но выдумка эта такъ умна и забавна, что я его простила, mon cousin.

И княгиня, устремивъ взоры на бабушку, ничего не говоря, продолжала улыбаться.

— Развѣ вы *бьете* своихъ дѣтей, моя милая? — спросила бабушка, значительно поднимая брови и дѣлая особенное удареніе на словѣ *бьете*.

— Ахъ, ma bonne tante, — кинувъ быстрый взглядъ на папа, добренькимъ голоскомъ отвѣчала княгиня, — я знаю, какого вы мнѣнія на этотъ счетъ; но позвольте мнѣ въ этомъ одномъ съ вами не согласиться: сколько я ни думала, сколько ни читала, ни совѣтовалась объ этомъ предметѣ, все-таки опытъ привелъ меня къ тому, что я убѣдилась въ необходимости дѣйствовать на дѣтей страхомъ. Чтобы что-нибудь сдѣлать изъ ребенка, нуженъ страхъ... не такъ ли, mon cousin? А чего, je vous demande un peu, дѣти бояться больше, чѣмъ розги?

При этомъ она вопросительно взглянула на насъ, и, признаюсь, мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко въ эту минуту.

— Какъ ни говорите, а мальчикъ до 12-ти и даже до 14-ти лѣтъ все еще ребенокъ; вотъ дѣвочка — другое дѣло.

„Какое счастье, — подумалъ я, — что я не ея сынъ“.

— Да, это прекрасно, моя милая, — сказала бабушка, свертывая мои стихи и укладывая ихъ подъ коробочку,

какъ будто не считая послѣ этого княгиню достойною слышать такое произведеніе, — это очень хорошо, только скажите мнѣ пожалуйста, какихъ послѣ этого вы можете требовать деликатныхъ чувствъ отъ вашихъ дѣтей?

И, считая этотъ аргументъ неотразимымъ, бабушка прибавила, чтобы прекратить разговоръ:

— Впрочемъ, у каждаго на этотъ счетъ можетъ быть свое мнѣніе.

Княгиня не отвѣчала, но только снисходительно улыбалась, выражая этимъ, что она извиняетъ эти странные предразсудки въ особѣ, которую такъ много уважаетъ.

— Ахъ, да познакомьте же меня съ вашими молодыми людьми, — сказала она, глядя на насъ и привѣтливо улыбаясь.

Мы встали и, устремивъ глаза на лицо княгини, никакъ не знали, что же нужно сдѣлать, чтобы доказать, что мы познакомились.

— Поцѣлуйте же руку княгини, — сказалъ папа.

— Прошу любить старую тетку, — говорила она, цѣлуя Володю въ волосы, хотя я вамъ и дальняя, но я считаю по дружескимъ связямъ, а не по степенямъ родства, — прибавила она, относясь преимущественно къ бабушкѣ; но бабушка продолжала быть недовольной ею и отвѣчала:

— Э! моя милая, развѣ нынче считается такое родство?

— Этотъ у меня будетъ свѣтскій молодой человѣкъ, — сказалъ папа, указывая на Володю, — а этотъ — поэтъ, — прибавилъ онъ въ то время, какъ я, цѣлуя маленькую, сухую ручку княгини, съ необычайною ясностью воображалъ въ этой рукѣ розгу, подъ рѣзгой — скамейку и т. д. и т. д.

— Который? — спросила княгиня, удерживая меня за руку.

— А этотъ, маленькій, съ вихрами, — отвѣчалъ папа, весело улыбаясь.

„Что ему сдѣлали мои вихры... развѣ нѣтъ другого разговора?“ подумалъ я и отошелъ въ уголъ.

И имѣлъ самыя странныя понятія о красотѣ, — даже Карла Ивановича считалъ первымъ красавцемъ въ мірѣ; но очень хорошо зналъ, что я нехорошъ собой, и въ этомъ нисколько не ошибался; поэтому каждый намекъ на мою наружность больно оскорблялъ меня.

Я очень хорошо помню, какъ разъ за обѣдомъ — мнѣ было тогда шесть лѣтъ — говорили о моей наружности, какъ мама старалась найти что-нибудь хорошее въ моемъ лицѣ; говорила, что у меня умные глаза, пріятная улыбка, и, наконецъ, уступая доводамъ отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дурень; и потомъ, когда я благодарилъ ее за обѣдъ, потрепала меня по щекѣ и сказала:

— Ты это знай, Николенька, что за твое лицо тебя никто не будетъ любить; поэтому ты долженъ стараться быть умнымъ и добрымъ мальчикомъ.

Эти слова не только убѣдили меня въ томъ, что я не красавецъ, но еще и въ томъ, что я непременно буду добрымъ и умнымъ мальчикомъ.

Несмотря на это, на меня часто находили минуты отчаянія: я воображалъ, что нѣтъ счастья на землѣ для человѣка съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами, какъ я; я просилъ у Бога сдѣлать чудо—превратить меня въ красавца, и все, что имѣлъ въ настоящемъ, все, что могъ имѣть въ будущемъ, я все отдалъ бы за красивое лицо.

XVIII.

Князь Иванъ Ивановичъ.

Когда княгиня выслушала стихи и осыпала сочинителя похвалами, бабушка смягчилась, стала говорить съ ней по-французски, перестала называть ее *вы*, *моя милая*, и пригласила пріѣхать къ намъ вечеромъ со всѣми дѣтьми, на что княгиня согласилась и, посидѣвъ еще немного, уѣхала.

Гостей съ поздравленіями приѣзжало такъ много въ этотъ день, что на дворѣ, около подъѣзда, цѣлое утро не переставало стоять по нѣскольку экипажей.

— *Bonjour, chère cousine,*—сказалъ одинъ изъ гостей, войдя въ комнату и цѣлуя руку бабушки.

Это былъ человекъ лѣтъ семидесяти, высокаго роста, въ военномъ мундирѣ, съ большими эполетами, изъ-подъ воротника котораго виденъ былъ большой бѣлый крестъ, и съ спокойнымъ открытымъ выраженіемъ лица. Свобода и простота его движеній поразили меня. Несмотря на то, что только на затылкѣ его оставался полукругъ жидкихъ волосъ и что положеніе верхней губы ясно доказывало недостатокъ зубовъ, лицо его было еще замѣчательной красоты.

Князь Иванъ Ивановичъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, благодаря своему благородному характеру, красивой наружности, замѣчательной храбрости, знатной и сильной роднѣ и въ особенности счастію, сдѣлалъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ блестящую карьеру. Онъ продолжалъ служить, и очень скоро честолюбіе его было такъ удовлетворено, что ему больше нечего было желать въ этомъ отношеніи. Съ первой молодости онъ держалъ себя такъ, какъ будто готовился занять то блестящее мѣсто въ свѣтѣ, на которое впослѣдствіи поставила его судьба; поэтому, хотя въ его блестящей и нѣсколько тщеславной жизни, какъ и во всѣхъ другихъ, встрѣчались неудачи, разочарованія и огорченія, онъ ни разу не измѣнилъ ни своему всегда спокойному характеру, ни возвышенному образу мыслей, ни основнымъ правиламъ религіи и нравственности и приобрѣлъ общее уваженіе не столько на основаніи своего блестящаго положенія, сколько на основаніи своей послѣдовательности и твердости. Онъ былъ небольшого ума, но, благодаря такому положенію, которое позволяло ему свысока смотрѣть на всѣ тщеславныя тревоженія жизни, образъ мыслей его былъ возвышенный. Онъ былъ добръ и чувствителенъ, но холоденъ и нѣсколько надмененъ въ обращеніи. Это происходило оттого, что, бывъ

поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ могъ быть полезенъ многимъ, своею холодною о-онъ старался оградить себя отъ безпрестанныхъ просьбъ и заискиваній людей, которые желали только воспользоваться его вліяніемъ. Холодность эта смягчалась, однако, снисходительною вѣжливостью чело-вѣка *очень большого свѣта*. Онъ былъ хорошо образованъ и начитанъ; но образованіе его оставилось на томъ, что онъ приобрѣлъ въ молодости, то-есть въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ прочелъ все, что было написано во Франціи замѣчательнаго по части философіи и краснорѣчія въ XVIII вѣкѣ, основательно зналъ все лучшія произведенія французской литературы, такъ что могъ и любилъ часто цитировать мѣста изъ Расина, Корнеля, Боало, Мольера, Монтеня, Фенелона; имѣлъ блестящія познанія въ миѳологіи и съ пользою изучалъ во французскихъ переводахъ древніе памятники эпической поэзіи, имѣлъ достаточныя познанія въ исторіи, почерпнутыя имъ изъ Сегюра; но не имѣлъ никакого понятія ни о математикѣ дальше ариѳметики, ни о физикѣ, ни о современной литературѣ: онъ могъ въ разговорѣ прилично умолчать или сказать нѣсколько общихъ фразъ о Гѣте, Шиллерѣ и Байронѣ, но никогда не читалъ ихъ. Несмотря на это французско-классическое образованіе, котораго остается теперь уже такъ мало образчиковъ, разговоръ его былъ простъ, и простота эта одинаково скрывала его незнаніе нѣкоторыхъ вещей и выказывала пріятный тонъ и терпимость. Онъ былъ большой врагъ всякой оригинальности, говоря, что оригинальность есть уловка людей дурного тона. Общество было для него необходимо, гдѣ бы онъ ни жилъ: въ Москвѣ или за границей онъ всегда жила въ одинаково открыто и въ извѣстные дни принималъ у себя весь городъ. Онъ былъ на такой ногѣ въ городѣ, что пригласительный билетъ отъ него могъ служить паспортомъ во все гостинныя, что многія молоденькія и хорошенькія дамы охотно подставляли ему свои розовенькія щечки, которыя онъ цѣловалъ какъ будто съ отеческимъ чувствомъ, и что иные, повидимому, очень

важные и порядочные люди были въ неописанной радости, когда допускались къ партіи князя.

Уже мало оставалось для князя такихъ людей, какъ бабушка, которые были бы съ нимъ одного круга, одинаковаго воспитанія, взгляда на вещи и однихъ лѣтъ, поэтому онъ особенно дорожилъ своею старинною дружескою связью съ нею и оказывалъ ей всегда большое уваженіе.

Я не могъ наглядѣться на князя: уваженіе, которое ему всѣ оказывали, большіе эполеты, особенная радость, которую изъявила бабушка, узидѣвъ его, и то, что онъ одинъ, повидимому, не боялся ея, обращался съ ней совершенно свободно и даже имѣлъ смѣлость называть ее *ma cousine*, внушили мнѣ къ нему уваженіе равное, если не большее тому, которое я чувствовалъ къ бабушкѣ. Когда ему показали мои стихи, онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Почемъ знать, *ma cousine*, можетъ быть, это будетъ другой Державинъ.

При этомъ онъ такъ больно ущипнулъ меня за щеку, что если я не вскрикнулъ, такъ только потому, что догадался принять это за ласку.

Гости разъѣхались, папа и Володя вышли: въ гостиной остались князь, бабушка и я.

— Отчего это наша милая Наталья Николаевна не пріѣхала? — спросилъ вдругъ князь Иванъ Ивановичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ah! *mon cher*, — отвѣчала бабушка, понизивъ голосъ и положивъ руку на рукавъ его мундира, — она вѣрно бы пріѣхала, если бы была свободна дѣлать, что хочетъ. Она пишетъ мнѣ, что будто *Pierre* предлагалъ ей ѣхать, но что она сама отказалась, потому что доходовъ у нихъ будто бы совсѣмъ не было нынѣшній годъ; и пишетъ: „притомъ мнѣ и не зачѣмъ переѣзжать нынѣшній годъ всѣмъ домомъ въ Москву. Любочка еще слишкомъ мала, а насчетъ мальчиковъ, которые будутъ жить у васъ, я еще покойнѣе, чѣмъ ежели бы они были со мною“. Все это прекрасно! — продолжала бабушка такимъ тономъ, ко-

торый ясно доказывалъ, что она вовсе не находила, чтобъ это было прекрасно. — Мальчиковъ давно пора было при-слать сюда, чтобы они могли чему-нибудь учиться и при-ныкать къ свѣту; а то какое же имъ могли дать воспи-таніе въ деревнѣ?.. вѣдь старшему скоро тринадцать лѣтъ, а другому одиннадцать. Вы замѣтили, *mon cousin*, они здѣсь совершенно какъ дикіе... въ комнату войти не умѣютъ.

— Я, однако, не понимаю, — отвѣчалъ князь, — отчего эти всегдашнія жалобы на разстройство обстоятельствъ? У *него* — очень хорошее состояніе, а Наташину Хабаровку, въ которой мы съ вами во время оно игравали на театрѣ, я знаю какъ свои пять пальцевъ — чудесное имѣніе! и всегда должно приносить прекрасный доходъ.

— Я вамъ скажу, какъ истинному другу, — прервала его бабушка, съ грустнымъ выраженіемъ: — мнѣ кажется, что все это отговорки для того только, чтобъ *ему* жить здѣсь одному, шлаться по клубамъ, по обѣдамъ и Богъ знаетъ что дѣлать; а она ничего не подозрѣваетъ. Вы знаете, какая это ангельская доброта, — она *ему* во всемъ вѣритъ. Онъ увѣрилъ ее, что дѣтей нужно везти въ Мос-кву, а ей одной, съ глупой гувернанткой, оставаться въ деревнѣ — она повѣрила; скажи онъ ей, что дѣтей нужно сѣчь такъ же, какъ сѣчетъ своихъ княгиня Варвара Ильинична, она бы и тутъ, кажется, согласилась, — ска-зала бабушка, поворачиваясь въ своемъ креслѣ, съ ви-домъ совершеннаго презрѣнія. — Да, мой другъ, — продол-жала бабушка послѣ минутнаго молчанія, взявъ въ руки одинъ изъ двухъ платковъ, чтобы утереть показавшуюся слезу, — я часто думаю, что *онъ* не можетъ ни цѣнить, ни понимать ее, и что, несмотря на всю ея доброту, любовь къ нему и стараніе скрыть свое горе — я очень хорошо знаю это — она не можетъ быть съ нимъ счастлива; и помяните мое слово, если онъ не...

Бабушка закрыла лицо платкомъ.

— Eh! ma bonne amie, — сказалъ князь съ упрекомъ, — я вижу, вы нисколько не стали благоразумнѣе — вѣчно

сокрушаетесь и плачете о воображаемомъ горѣ. Ну, какъ вамъ не совѣстно? я *его* давно знаю и знаю за внимательнаго, добраго и прекраснаго мужа и главное — за благороднѣйшаго человѣка, un parfait honnête homme.

Невольно подслушавъ разговоръ, котораго мнѣ не должно было слушать, я на цыпочкахъ и въ сильномъ волненіи выбрался изъ комнаты.

XIX.

И В И Н Ы.

— Володя! Володя! Ивины! — закричалъ я, увидѣвъ въ окно трехъ мальчиковъ въ синихъ бекешахъ съ бровными воротниками, которые, слѣдуя за молодымъ гувернеромъ - щеголемъ, переходили съ противоположнаго тротуара къ нашему дому.

Ивины приходились намъ родственниками и были почти однихъ съ нами лѣтъ; вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Москву мы познакомились и сошлись съ ними.

Второй Ивинъ, Сережа, былъ смуглый, курчавый мальчикъ со вздернутымъ, твердымъ носикомъ, очень свѣжими, красными губами, которыя рѣдко совершенно закрывали немного выдавшійся верхній рядъ бѣлыхъ зубовъ, темно-голубыми прекрасными глазами и необыкновенно бойкимъ выраженіемъ лица. Онъ никогда не улыбался, но или смотрѣлъ совершенно серьезно, или отъ души смѣялся своимъ звонкимъ, отчетливымъ и чрезвычайно увлекательнымъ смѣхомъ. Его оригинальная красота поразила меня съ перваго взгляда. Я почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе. Видѣть его было достаточно для моего счастья; и одно время всѣ силы моей души были сосредоточены въ этомъ желаніи: когда мнѣ случалось провести дня три или четыре, не видавъ его, я начиналъ скучать, и мнѣ становилось грустно до слезъ. Всѣ мечты мои во снѣ и наяву были о немъ: ложась спать, я желалъ, чтобъ онъ мнѣ приснился; закрывая глаза, я видѣлъ его передъ собою и лелѣялъ этотъ призракъ, какъ

лучшее наслажденіе. Никому въ мірѣ я не рѣшился бы повѣрить этого чувства: такъ много я дорожилъ имъ. Можетъ-быть, потому, что ему надоѣло чувствовать безпрестанно устремленные на него мои безпокойные глаза, или просто, не чувствуя ко мнѣ никакой симпатіи, онъ замѣтно больше любилъ играть и говорить съ Володей, чѣмъ со мною; но я все-таки былъ доволенъ, ничего не желалъ, ничего не требовалъ и всеѣмъ готовъ былъ для него пожертвовать. Кромѣ страстнаго влеченія, которое онъ внушалъ мнѣ, присутствіе его возбуждало во мнѣ

въ не менѣ сильной степени другое чувство — страхъ огорчить его, оскорбить чѣмъ-нибудь, не понравиться ему: можетъ-быть, потому, что лицо его имѣло надменное выраженіе, или потому, что, презирая свою наружность, я слишкомъ много цѣнилъ въ другихъ преимущества красоты, или, что вѣрнѣе всего, потому, что это есть непремѣнный признакъ любви, я чувствовалъ къ нему столько же страха, сколько и любви. Въ первый разъ какъ Сережа заговорилъ со мной, я до того растерялся отъ такого неожиданнаго счастія, что поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и ничего не могъ отвѣтить ему. У него была дурная привычка,

когда онъ задумывался, останавливать глаза на одной точкѣ и безпрестанно мигать, подергивая при этомъ носомъ и бровями. Все находили, что эта привычка очень портитъ его, но я находилъ ее до того милою, что невольно привыкъ дѣлать то же самое, и черезъ нѣсколько дней послѣ моего съ нимъ знакомства бабушка спросила: не болятъ ли у меня глаза, что я ими хлопаю какъ филинъ. Между нами никогда не было сказано ни слова о любви; но онъ чувствовалъ свою власть надо мною и безсознательно, но тиранически употреблялъ ее въ нашихъ дѣтскихъ отношеніяхъ; я же, какъ ни желалъ высказать ему все, что было у меня на душѣ, слишкомъ боялся его, чтобы рѣшиться на откровенность, старался казаться равнодушнымъ и безропотно подчинялся ему. Иногда вліяніе его казалось мнѣ тяжелымъ, несноснымъ; но выйти изъ-подъ него было не въ моей власти.

Мнѣ грустно вспомнить объ этомъ свѣжемъ, прекрасномъ чувствѣ безкорыстной и безпредѣльной любви, которое такъ и умерло, не излившись и не найдя сочувствія.

Странно, отчего, когда я былъ ребенкомъ, я старался быть похожимъ на большого, а съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть имъ, часто желалъ быть похожимъ на него. Сколько разъ это желаніе—не быть похожимъ на маленькаго въ моихъ отношеніяхъ съ Сережей—останавливало чувство, готовое излиться, и заставляло лицемѣрить. Я не только не смѣлъ поцѣловать его, чего мнѣ иногда очень хотѣлось, взять его за руку, сказать, какъ я радъ его видѣть, но не смѣлъ даже называть его Сережа, а непременно Сергѣй: такъ ужъ было заведено у насъ. Каждое выраженіе чувствительности доказывало ребячество и то, что тотъ, кто позволялъ себѣ его, былъ еще *мальчишка*. Не пройдя еще черезъ тѣ горькія испытанія, которыя доводятъ взрослыхъ до осторожности и холодности въ отношеніяхъ, мы лишали себя чистыхъ наслажденій нѣжной дѣтской привязанности по одному только странному желанію подражать *большимъ*.

Еще въ лакейской встрѣтилъ я Ивиныхъ, поздоровался съ ними и опрометью пустился къ бабушкѣ: я объявилъ ей о томъ, что пріѣхали Ивины, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто это извѣстіе должно было вполнѣ осчастливить ее. Потомъ, не спуская глазъ съ Сережи, я послѣдовалъ за нимъ въ гостиную и слѣдилъ за всѣми его движеніями. Въ то время, какъ бабушка сказала, что онъ очень выросъ, и устремила на него свои пронзительные глаза, я испытывалъ то чувство страха и надежды, которое долженъ испытывать художникъ, ожидая приговора надъ своимъ произведеніемъ отъ уважаемаго судьи.

Молодой гувернеръ Ивиныхъ, Herr Frost, съ позволенія бабушки, сошелъ съ нами въ палисадникъ, сѣлъ на зеленую скамью, живописно сложилъ ноги, поставивъ между ними палку съ бронзовымъ набалдашникомъ, и съ видомъ человѣка, очень довольнаго своими поступками, закурилъ сигару.

Herr Frost былъ нѣмецъ, но нѣмецъ совершенно не того покроя, какъ нашъ добрый Карлъ Ивановичъ: въ-первыхъ, онъ правильно говорилъ по-русски, съ дурнымъ выговоромъ — по-французски и пользовался вообще, въ особенности между дамами, репутаціей очень ученаго человѣка; во-вторыхъ, онъ носилъ рыжіе усы, большую рубиновую булавку въ черномъ атласномъ шарфѣ, концы котораго были просунуты подъ помочи, и свѣтло-голубые панталоны съ отливомъ и со штрипками; въ-третьихъ, онъ былъ молодъ, имѣлъ красивую, самодовольную наружность и необыкновенно видныя мускулистыя ноги. Замѣтно было, что онъ особенно дорожилъ этимъ послѣднимъ преимуществомъ: считалъ его дѣйствіе неотразимымъ въ отношеніи особъ женскаго пола и, должно-быть, съ этою цѣлью старался выставлять свои ноги на самое видное мѣсто и, стоя или сидя на мѣстѣ, всегда приводилъ въ движеніе свои икры. Это былъ типъ молодого русскаго нѣмца, который хочетъ быть молодцомъ и волокитой.

Въ палисадникѣ было очень весело. Игра въ разбойники шла какъ нельзя лучше; но одно обстоятельство чуть-чуть не разстроило всего. Сережа былъ разбойникъ: погнавшись за проѣзжающими, онъ споткнулся и на всемъ бѣгу ударился колѣномъ о дерево такъ сильно, что я думалъ, онъ расшибется вдребезги. Несмотря на то, что я былъ жандармомъ и моя обязанность состояла въ томъ, чтобы ловить его, я подошелъ и съ участіемъ сталъ спрашивать, больно ли ему. Сережа разсердился на меня: сжалъ кулаки, топнулъ ногой и голосомъ, который ясно доказывалъ, что опъ очень больно ушибся, закричалъ мнѣ:

— Ну, что это? послѣ этого игры никакой нѣтъ! Ну, что жъ ты меня не ловишь? что жъ ты меня не ловишь?— повторялъ онъ нѣсколько разъ, искоса поглядывая на Володю и старшаго Ивина, которые, представляя проѣзжающихъ, припрыгивая, бѣжали по дорожкѣ, и вдругъ взвизгнувъ и съ громкимъ смѣхомъ бросился ловить ихъ.

Не могу передать, какъ поразилъ и плѣнилъ меня этотъ геройскій поступокъ; несмотря на страшную боль, онъ не только не заплакалъ, но не показалъ и виду, что ему больно, и ни на минуту не забылъ игры.

Вскорѣ послѣ этого, когда къ нашей компаніи присоединился еще Илинъка Грапъ и мы до обѣда отправились наверхъ, Сережа имѣлъ случай еще болѣе плѣнить и поразить меня своимъ удивительнымъ мужествомъ и твердостью характера.

Илинъка Грапъ былъ сынъ бѣднаго иностранца, который когда-то жилъ у моего дѣда, былъ чѣмъ-то ему обязанъ и почиталъ теперь своимъ непремѣннымъ долгомъ присылать очень часто къ намъ своего сына. Если онъ полагалъ, что знакомство съ нами можетъ доставить его сыну какую-нибудь честь или удовольствіе, то онъ совершенно ошибался въ этомъ отношеніи, потому что мы не только не были дружны съ Илинъкой, но обращали на него вниманіе только тогда, когда хотѣли посмѣяться надъ нимъ. Илинъка Грапъ былъ мальчикъ лѣтъ трина-

дцати, худой, высокій, блѣдный, съ птичьей рожицей и добродушно-покорнымъ выраженіемъ. Онъ былъ очень блѣдно одѣтъ, но зато всегда напомаженъ такъ обильно, что мы увѣряли, будто у Грапа въ солнечный день помада таетъ на головѣ и течетъ подь курточку. Когда я теперь вспоминаю его, я нахожу, что онъ былъ очень услужливый, тихій и добрый мальчикъ; тогда же онъ мнѣ казался такимъ презрѣннымъ существомъ, о которомъ не стоило ни жалѣть, ни даже думать.

Когда игра въ разбойники прекратилась, мы пошли наверхъ, начали *возиться* и щеголять другъ передъ другомъ разными гимнастическими штуками. Илинъка съ робкой улыбкой удивленія поглядывалъ на насъ и, когда ему предлагали попробовать то же, отказывался, говоря, что у него совсѣмъ нѣтъ силы. Сережа былъ удивительно милъ; онъ снялъ курточку, лицо и глаза его разгорѣлись, онъ безпрестанно хохоталъ и затѣивалъ новыя шалости: перепрыгивалъ черезъ три стула, поставленные рядомъ, черезъ всю комнату перекатывался колесомъ, становился кверху ногами на лексиконы Татищева, положенные имъ въ видѣ пьедестала на средину комнаты, и при этомъ выдѣлывалъ ногами такія уморительныя штуки, что невозможно было удержаться отъ смѣха. Послѣ этой последней штуки онъ задумался, помигалъ глазами и вдругъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ подошелъ къ Илинъкѣ: „Попробуйте сдѣлать это, право, это не трудно“. Грапъ, замѣтивъ, что общее вниманіе обращено на него, покраснѣлъ и чуть слышнымъ голосомъ увѣрялъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать.

— Да что жъ, въ самомъ дѣлѣ, отчего онъ ничего не хочетъ показать? Что онъ за дѣвочка... непременно надо, чтобъ онъ сталъ на голову!

И Сережа взялъ его за руку.

— Непременно, непременно на голову!—закричали мы всѣ, обступивъ Илинъку, который въ эту минуту замѣтно испугался и поблѣднѣлъ, схватили его за руки и повлекли къ лексиконамъ.

— Пустите меня, я самъ! курточку разорвете! — кричала несчастная жертва. Но эти крики отчаянія еще болѣе воодушевляли насъ; мы помирали со смѣху; зеленая курточка трещала на всѣхъ швахъ.

Володя и старшій Ивинъ нагнули ему голову и поставили ее на лексиконы; я и Сережа схватили бѣднаго мальчика за тоненькія ноги, которыми онъ махалъ въ разныя стороны, засучили ему панталоны до колѣнъ и съ громкимъ смѣхомъ векинули ихъ кверху; младшій Ивинъ поддержалъ равновѣсіе всего туловища.

Случилось такъ, что послѣ шумнаго смѣха мы вдругъ всѣ замолчали, и въ комнатѣ стало такъ тихо, что слышно было только тяжелое дыханіе несчастнаго Грапа. Въ эту минуту я не совсѣмъ былъ убѣжденъ, что все это очень смѣшно и весело.

— Вотъ теперь молодецъ! — сказалъ Сережа, хлопнувъ его рукой.

Илинъка молчалъ и, стараясь вырваться, кидалъ ногами въ разныя стороны. Однимъ изъ такихъ отчаянныхъ движеній онъ ударилъ каблукомъ по глазу Сережу такъ больно, что Сережа тотчасъ же оставилъ его ноги, схватился за глазъ, изъ котораго потекли невольныя слезы, и изъ всѣхъ силъ толкнулъ Илинъку. Илинъка, не будучи болѣе поддерживаемъ нами, какъ что-то безжизненное, грохнулся на землю и отъ слезъ могъ только выговорить:

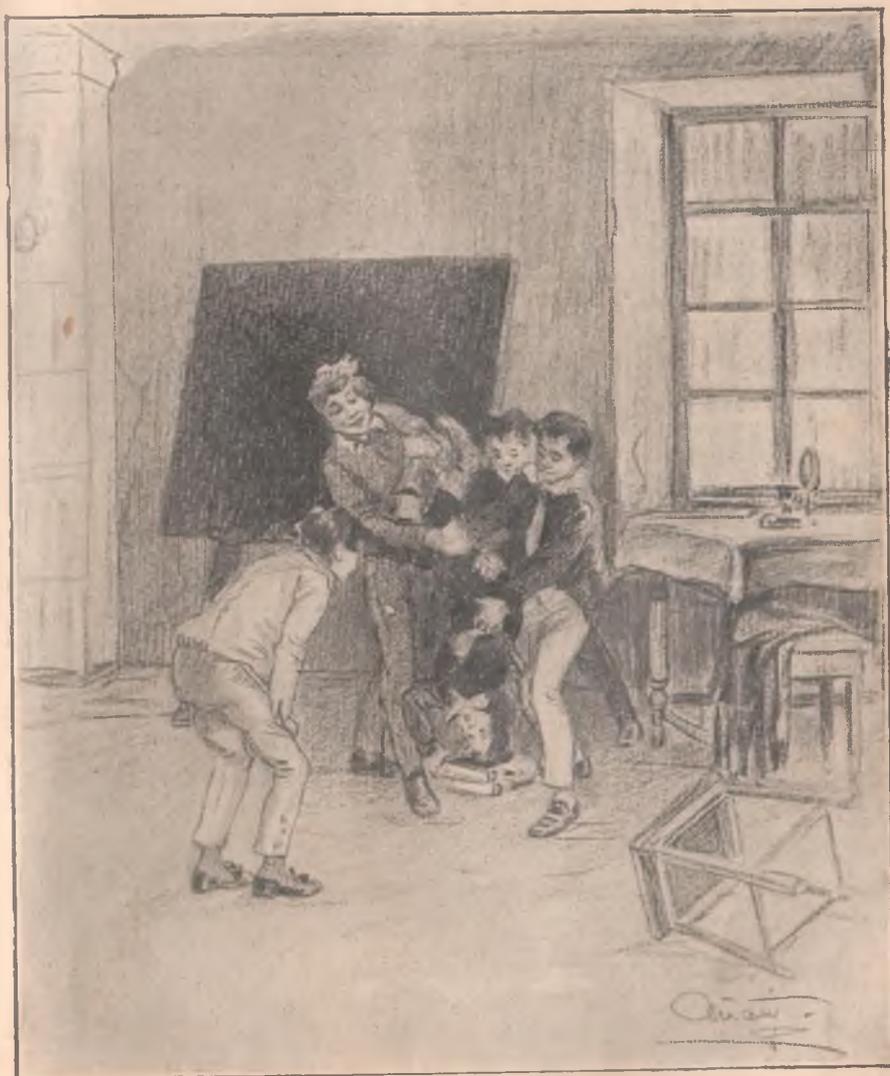
— За что вы меня тираните?

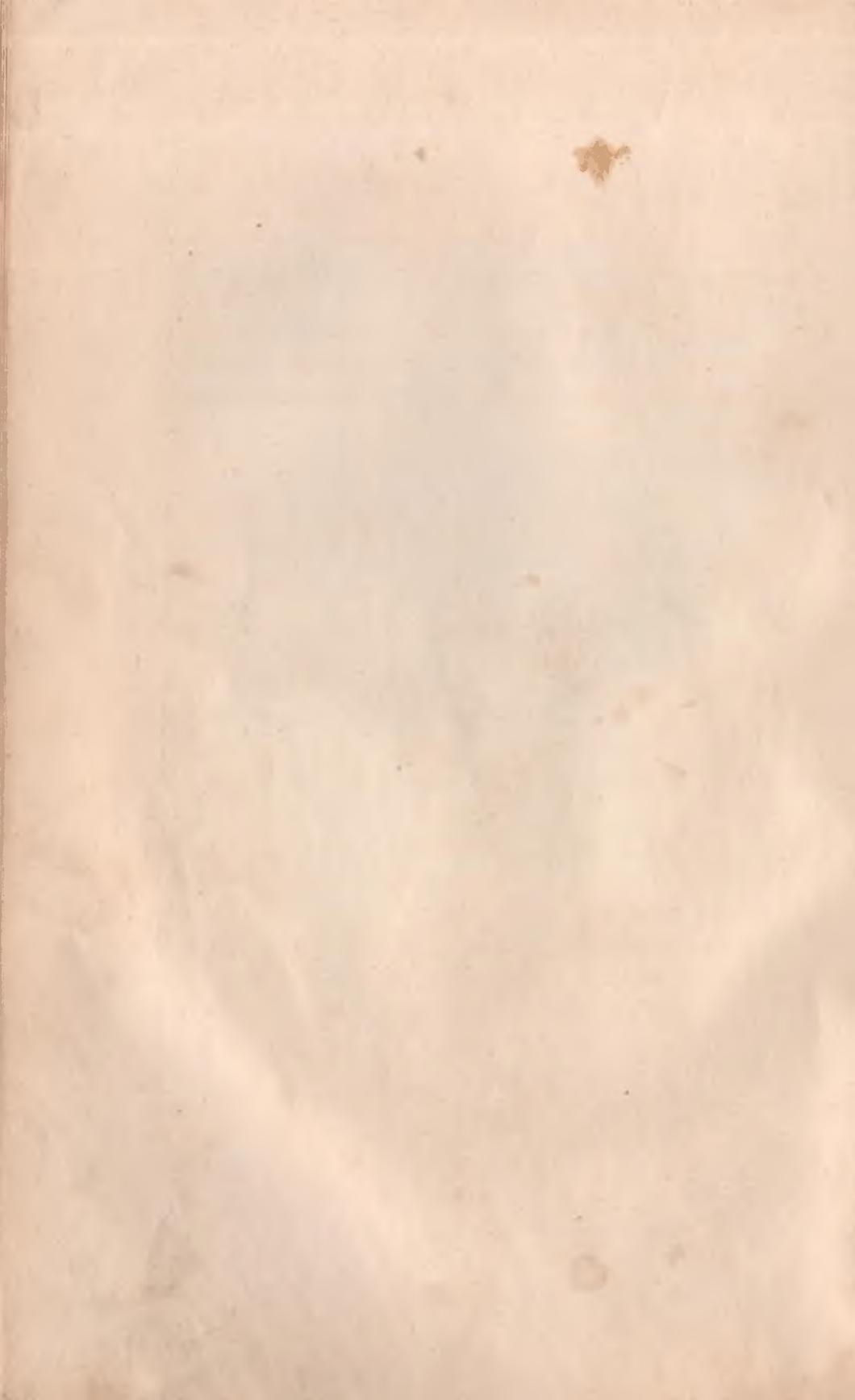
Плачевная фигура бѣднаго Илинъки, съ заплаканнымъ лицомъ, взъерошенными волосами и засученными панталонами, изъ-подъ которыхъ видны были нечищенные голенища, поразила насъ; мы всѣ молчали и старались принужденно улыбаться.

Первый опомнился Сережа.

— Вотъ баба, нюня, — сказалъ онъ, слегка трогая его ногою: — съ нимъ шутить нельзя... Ну, полно, вставайте.

— Я вамъ сказалъ, что ты негодный мальчишка, — злобно выговорилъ Илинъка и, отвернувшись прочь, громко зарыдалъ.

— А-а! каблуками бить да еще браниться!— закричалъ Сережа, схвативъ въ руки лексиконъ, и взмахнулъ надъ головою несчастнаго, который и не думалъ защищаться, а только закрывалъ руками голову.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!.. Бросимъ его, коли онъ шутокъ не понимаетъ... Пойдемте внизъ,—сказалъ Сережа, неестественно засмѣявшись.

Я съ участіемъ посмотрѣлъ на бѣдняжку, который, лежа на полу и спрятавъ лицо въ лексиконахъ, плакалъ такъ, что, казалось, еще немного, и онъ умретъ отъ конвульсій, которыя дергали все его тѣло.

— Э, Сергѣй,—сказалъ я ему, — зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Вотъ хорошо!.. я не заплакалъ, надѣюсь, сегодня, какъ разбилъ себѣ ногу почти до кости.

„Да, это правда, — подумалъ я. — Илинъка больше ничего, какъ плакса, а вотъ Сережа — такъ это молодець... что это за молодець!..“

Я не сообразилъ того, что бѣдняжка плакалъ вѣрно не столько отъ физической боли, сколько отъ той мысли, что пять мальчиковъ, которые, можетъ-быть, нравились ему, безъ всякой причины всѣ согласились ненавидѣть и гнать его.

Я рѣшительно не могу объяснить себѣ жестокости своего поступка. Какъ я не подошелъ къ нему, не защитилъ и не утѣшилъ его? Куда дѣвалось чувство состраданія, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыдъ при видѣ выброшеннаго изъ гнѣзда галчонка или щепка, котораго несутъ, чтобы кинуть за заборъ, или курицы, которую несетъ поваренокъ для супа?

Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мнѣ любовью къ Сережѣ и желаніемъ казаться передъ нимъ такимъ же молодцомъ, какъ и онъ самъ? Незавидныя же были эти любовь и желаніе казаться молодцомъ! Они произвели единственныя темныя пятна на страницахъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній.

XX.

Собираются гости.

Судя по особенной хлопотливости, замѣтной въ буфетѣ, по яркому освѣщенію, придававшему какой-то новый, праздничный видъ всѣмъ, уже мнѣ давно знакомымъ предметамъ въ гостиной и залѣ, и въ особенности судя по тому, что не даромъ же прислалъ князь Иванъ Ивановичъ свою музыку, ожидалось не малое количество гостей къ вечеру.

При шумѣ каждаго мимо ѣхавшаго экипажа я подбѣгалъ къ окну, приставлялъ ладони къ вискамъ и къ стеклу и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ на улицу. Изъ мрака, который сперва скрывалъ всѣ предметы въ окнѣ, показывались понемногу: напротивъ—давно знакомая лавочка съ фонаремъ, наискось—большой домъ съ двумя внизу освѣщенными окнами, посрединѣ улицы—какой-нибудь *Ванька* съ двумя сѣдоками или пустая коляска, шагомъ возвращающаяся домой; но вотъ къ крыльцу подѣхала карета, и я въ полной увѣренности, что это Ивины, которые обѣщались приѣхать рано, бѣгу встрѣчать ихъ въ переднюю. вмѣсто Ивиныхъ, за ливрейною рукой, отворившею дверь, показались двѣ особы женскаго пола: одна—большая въ синемъ салопѣ съ собольимъ воротникомъ, другая—маленькая, вся закутанная въ зеленую шаль, изъ-подъ которой виднѣлись только маленькія ножки въ мѣховыхъ ботинкахъ. Не обращая на мое присутствіе въ передней никакого вниманія, хотя я счелъ долгомъ при появленіи этихъ особъ поклониться имъ, маленькая молча подошла къ большой и остановилась передъ нею. Большая размотала платокъ, закрывавшій всю голову маленькой, разстегнула на ней салопъ, и когда ливрейный лакей получилъ эти вещи подъ сохраненіе и снялъ съ нея мѣховыя ботинки, изъ закутанной особы вышла чудесная двѣнадцатилѣтняя дѣвочка въ коротенькомъ, открытомъ кисейномъ платьицѣ, бѣлыхъ

панталончикахъ и крошечныхъ черныхъ башмачкахъ. На бѣленькой шейкѣ была черная бархатная ленточка; головка вся была въ темно-русыхъ кудряхъ, которые спереди такъ хорошо шли къ ея прекрасному личику, а сзади—къ голымъ плечикамъ, что никому, даже самому Карлу Ивановичу, я не повѣрилъ бы, что они выются такъ оттого, что съ утра были завернуты въ кусочки *Московскихъ Вѣдомостей* и что ихъ прижигали горячими желѣзными щипцами. Казалось, она такъ и родилась съ этой курчавою головкой.

Поразительною чертой въ ея лицѣ была необыкновенная величина выпуклыхъ, полузакрытыхъ глазъ, которые составляли странный, но пріятный контрастъ съ крошечнымъ ротикомъ. Губки были сложены, а глаза смотрѣли такъ серьезно, что общее выраженіе ея лица было такое, отъ котораго не ожидаешь улыбки и улыбка котораго бываетъ тѣмъ обворожительнѣе.

Стараясь быть незамѣченнымъ, я шмыгнулъ въ дверь залы и почелъ нужнымъ прохаживаться взадъ и впередъ, притворившись, что нахожусь въ задумчивости и совсѣмъ не знаю о томъ, что пріѣхали гости. Когда гости вышли на половину залы, я какъ будто опомнился, расшаркался и объявилъ имъ, что бабушка въ гостиной. Г-жа Валахина, лицо которой мнѣ очень понравилось, въ особенности потому, что я нашель въ немъ большое сходство съ лицомъ ея дочери, Сонечки, благосклонно кивнула мнѣ головой.

Бабушка, казалось, была очень рада видѣть Сонечку, подозвала ее ближе къ себѣ, поправила на головѣ ея одну бумку, которая спадывала на лобъ, и, пристально всматриваясь въ ея лицо, сказала: „quelle charmante enfant!“ Сонечка улыбнулась, покраснѣла и сдѣлалась такъ мила, что я тоже покраснѣлъ, глядя на нее.

— Надѣюсь, ты не будешь скучать у меня, мой дружокъ,—сказала бабушка, приподнявъ ея личико за подбородокъ.—Прошу же веселиться и танцовать какъ можно больше. Вотъ ужъ и есть одна дама и два кавалера, —

прибавила она, обращаясь къ г-жѣ Валахиной и дотрогиваясь до меня рукою.

Это сближеніе было мнѣ такъ пріятно, что заставило покраснѣть еще разъ.

Чувствуя, что застѣнчивость моя увеличивается, и услыхавъ шумъ еще подѣхавшаго экипажа, я почелъ нужнымъ удалиться. Въ передней нашелъ я княгиню Корнакову съ сыномъ и невѣроятнымъ количествомъ дочерей. Дочери все были на одно лицо — похожи на княгиню и дурны; поэтому ни одна не останавливала вниманія. Снимая салоны и хвосты, онѣ все вдругъ говорили тоненькими голосками, суетились и смѣялись чему-то, — должно-быть, тому, что ихъ было такъ много. Этьенъ былъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, высокій, мясистый, съ испитою фізіономіей, впалыми, посинѣлыми внизу глазами и съ огромными не по лѣтамъ руками и ногами; онъ былъ неуклюжъ, имѣлъ голосъ непріятный и неровный, но казался очень довольнымъ собою и былъ точно такимъ, какимъ могъ быть, по моимъ понятіямъ, мальчикъ, котораго сѣкутъ розгами.

Мы довольно долго стояли другъ противъ друга и, не говоря ни слова, внимательно вематривались; потомъ, подвинувшись поближе, кажется, хотѣли поцѣловаться, но, посмотрѣвъ еще въ глаза другъ другу, почему-то раздумали. Когда платья всехъ сестеръ его прошумѣли мимо насъ, чтобы чѣмъ-нибудь начать разговоръ, я спросилъ, тѣсно ли имъ было въ каретѣ.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ мнѣ небрежно, — я вѣдь никогда не ѣзжу въ каретѣ, потому что, какъ только я сяду, меня сейчасъ начинаетъ тошнить, и маменька это знаетъ. Когда мы ѣдемъ куда-нибудь вечеромъ, я всегда сажусь на козлы — гораздо веселѣе: все видно, Филиппъ даетъ мнѣ править, иногда и кнутъ я беру. Этакъ проѣзжающихъ, знаете, иногда... — прибавилъ онъ съ выразительнымъ жестомъ: — прекрасно!

— Ваше сіятельство, — сказалъ лакей, входя въ переднюю, — Филиппъ спрашиваетъ, куда вы кнутъ изволили дѣть.

— Какъ куда дѣль? Да я ему отдалъ.

— Онъ говоритъ, что не отдавали.

— Ну, такъ на фонарь повѣсилъ.

— Филиппъ говоритъ, что и на фонарь нѣтъ, а вы скажите лучше, что взяли да потеряли, а Филиппъ будетъ изъ своихъ денежекъ отвѣчать за ваше баловство,—продолжалъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, раздосадованный лакей.

Лакей, который съ виду былъ человекъ почтенный и угрюмый, казалось, горячо принималъ сторону Филиппа и былъ намѣренъ во что бы то ни стало разъяснить это дѣло. По невольному чувству деликатности, какъ будто ничего не замѣчая, я отошелъ въ сторону; но присутствующіе лакеи поступили совсѣмъ иначе: они подступили ближе, съ одобреніемъ посматривая на стараго слугу.

— Ну, потерялъ, такъ потерялъ, — сказала Этьень, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ объясненій, — что стоитъ ему кнуть, такъ я и заплачу. Вотъ уморительно! — прибавилъ онъ, подходя ко мнѣ и увлекая меня въ гостиную.

— Нѣтъ, позвольте, баринъ, чѣмъ-то вы заплатите? Знаю я, какъ вы платите: Марья Васильевна вотъ ужъ вы восьмой мѣсяць двугривенный все платите, мнѣ тоже ужъ, кажется, второй годъ, Петрушкѣ...

— Замолчишь ли ты! — крикнулъ молодой князь, поблѣднѣвъ отъ злости.—Вотъ я все это скажу.

— Все скажу, все скажу! — проговорилъ лакей. — Не хорошо, ваше сіятельство! — прибавилъ онъ особенно выразительно въ то время, какъ мы входили въ залу, и пошелъ съ сапогами къ ларю.

— Вотъ такъ, такъ! — слышался за нами чей-то одобрителный голосъ въ передней.

Бабушка имѣла особенный даръ, прилагая съ извѣстнымъ тономъ и въ извѣстныхъ случаяхъ множественныя и единственныя мѣстоименія второго лица, высказывать свое мнѣніе о людяхъ. Хотя она употребляла *вы* и *ты* наоборотъ общепринятому обычаю, въ ея устахъ эти

отѣнки принимали совсѣмъ другое значеніе. Когда молодой князь подошелъ къ ней, она сказала ему нѣсколько словъ, называя его *вы*, и взглянула на него съ выраженіемъ такого пренебреженія, что, если бъ я былъ на его мѣстѣ, я растерялся бы совершенно; но Этьенъ былъ, какъ видно, мальчикъ не такого *сложенія*: онъ не только не обратилъ никакого вниманія на пріемъ бабушки, но даже и на всю ея особу, а раскланялся всему обществу если не ловко, то совершенно развязно. Сонечка занимала все мое вниманіе: я помню, что, когда Володя, Этьенъ и я разговаривали въ залѣ на такомъ мѣстѣ, съ котораго видна была Сонечка и она могла видѣть и слышать насъ, я говорилъ съ удовольствіемъ; когда мнѣ случалось сказать, по моимъ понятіямъ, смѣшное или молодецкое словцо, я произносилъ его громче и оглядывался на дверь въ гостиную; когда же мы перешли на другое мѣсто, съ котораго насъ нельзя было ни слышать, ни видѣть изъ гостиной, я молчалъ и не находилъ больше никакого удовольствія въ разговорѣ.

Гостиная и зала понемногу наполнялась гостями; въ числѣ ихъ, какъ и всегда бываетъ на дѣтскихъ вечерахъ, было нѣсколько большихъ дѣтей, которыя не хотѣли пропустить случая повеселиться и потанцовать, какъ будто для того только, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ дома.

• Когда пріѣхали Ивины, вмѣсто удовольствія, которое я обыкновенно испытывалъ при встрѣчѣ съ Сережей, я почувствовалъ какую-то странную досаду на него за то, что онъ увидитъ Сонечку и покажется ей.

XXI.

До мазурки.

— Э! да у васъ, видно, будутъ танцы, — сказалъ Сережа, выходя изъ гостиной и доставая изъ кармана новую пару лайковыхъ перчатокъ: — надо перчатки надѣвать.

„Какъ же быть? а у насъ перчатокъ-то нѣтъ, — подумалъ я, — надо пойти наверхъ поискать“.

Но хотя я перерылъ всё комоды, я нашель только въ одномъ паши дорожныя зеленыя рукавицы, а въ другомъ—одну лайковую перчатку, которая никакъ не могла годиться мнѣ: во-первыхъ, потому, что была чрезвычайно стара и грязна, во-вторыхъ, потому, что была для меня слишкомъ велика, а главное потому, что на ней недоставало средняго пальца, отрѣзаннаго, должно-быть, еще очень давно Карломъ Ивановичемъ для больной руки. Я надѣль, однако, на руку этотъ остатокъ перчатки и пристально разсматриваль то мѣсто средняго пальца, которое всегда было замарано чернилами.

— Вотъ если бъ здѣсь была Наталья Савишна, у нея вѣрно бы нашлись и перчатки. Внизъ итти нельзя въ такомъ видѣ, потому что если меня спросятъ, отчего я не танцую, что мнѣ сказать? И здѣсь оставаться тоже нельзя, потому что меня непременно хватятся. Что мнѣ дѣлать?—говориль я, размахивая руками.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—сказаль вбѣжавшій Володя.—Иди ангажируй даму... сейчасъ начнется.

— Володя,—сказаль я ему, показывая руку съ двумя просунутыми въ грязную перчатку пальцами, голосомъ, выражавшимъ положеніе, близкое къ отчаянію, — Володя, ты и не подумаль объ этомъ!

— О чемъ?—сказаль онъ съ нетерпѣніемъ.—А! о перчаткахъ,—прибавиль онъ совершенно равнодушно, замѣтивъ мою руку,—и точно, нѣтъ; надо спросить у бабушки... что она скажетъ?—и, нимало не задумавшись, побѣжалъ внизъ.

Хладнокровіе, съ которымъ онъ отзывался объ обстоятельстве, казавшемся мнѣ столь важнымъ, успокоило меня, и я посиѣшилъ въ гостиную, совершенно позабывъ объ уродливой перчаткѣ, которая была надѣта на моей лѣвой рукѣ.

Осторожно подойдя къ креслу бабушки и слегка до-трогиваясь до ея мантили, я шопотомъ сказаль ей:

— Бабушка! что намъ дѣлать? У насъ перчатокъ нѣтъ!

— Что, мой другъ?

— У насъ перчатокъ нѣтъ, — повторилъ я, подвигаясь ближе и ближе и положивъ обѣ руки на ручку кресель.

— А это что? — сказала она, вдругъ схвативъ меня за лѣвую руку. — *Voyez, ma chère,* — продолжала она, обращаясь къ г-жѣ Валахиной, — *voyez comme ce jeune homme s'est fait élégant pour danser avec votre fille.*

Бабушка крѣпко держала меня за руку и серьезно, но вопросительно посматривала на присутствующихъ до тѣхъ поръ, пока любопытство всѣхъ гостей было удовлетворено и смѣхъ сдѣлался общимъ.

Я былъ бы очень огорченъ, если бы Сережа видѣлъ меня въ то время, какъ я, сморщившись отъ стыда, напрасно пытался вырвать свою руку, но дядедь Сонечкой, которая до того расхохоталась, что слезы навернулись ей на глаза и всѣ кудряшки распрыгались около ея раскраснѣвшагося личика, мнѣ нисколько не было совѣстно. Я понималъ, что смѣхъ ея былъ слишкомъ громокъ и естественъ, чтобы быть насмѣшливымъ; напротивъ, то, что мы посмѣялись вмѣстѣ и глядя другъ на друга, какъ будто сблизило меня съ нею. Эпизодъ съ перчаткой, хотя и могъ кончиться дурно, принесъ мнѣ ту пользу, что поставилъ меня на свободную ногу въ кругу, который казался мнѣ всегда самымъ страшнымъ, — въ кругу гостиной; я не чувствовалъ уже ни малѣйшей застѣнчивости въ залѣ.

Страданіе людей застѣнчивыхъ происходитъ отъ неизвѣстности о мнѣніи, которое о нихъ составили; какъ только мнѣніе это ясно выражено — какое бы оно ни было — страданіе прекращается.

Что это какъ мила была Сонечка Валахина, когда она противъ меня танцевала французскую кадрили съ неуклюжимъ молодымъ княземъ! Какъ мило она улыбалась, когда въ „*chaîne*“ подавала мнѣ ручку! Какъ мило, въ тактъ, прыгали на головѣ ея русые кудри и какъ наивно

дѣлала она „jeté assemblé“ своими крошечными ножками! Въ пятой фигурѣ, когда моя дама перебѣжала отъ меня на другую сторону, и когда я, выжидая тактъ, приготовлялся дѣлать соло, Сонечка серьезно сложила губки и стала смотрѣть въ сторону. Но напрасно она за меня боялась: я смѣло сдѣлалъ *chassé en avant, chassé en arrière, glissade* и, въ то время, какъ подходилъ къ ней, игривымъ движеніемъ показавъ ей перчатку съ друмя торчавшими пальцами. Она расхохоталась ужасно и еще милѣе засмѣнила ножками по паркету. Еще помню я, какъ, когда мы дѣлали кругъ и всѣ взялись за руки, она нагнула головку и, не вынимая своей руки изъ моей, почесала носикъ о свою перчатку. Все это какъ теперь передъ моими глазами, и еще слышится мнѣ кадрили изъ „Дѣвы Дуная“, подъ звуки которой все это происходило.

Наступила и вторая кадрили, которую я танцовалъ съ Сонечкой. Усѣвшись рядомъ съ нею, я почувствовалъ чрезвычайную неловкость и рѣшительно не зналъ, о чемъ съ ней говорить. Когда молчаніе мое сдѣлалось слишкомъ продолжительно, я сталъ бояться, чтобы она не приняла меня за дурака, и рѣшился во что бы то ни стало вывести ее изъ такого заблужденія на мой счетъ. „*Vous êtes une habitante de Moscou?* — сказалъ я ей и послѣ утвердительнаго отвѣта продолжалъ: — *et moi, je n'ai encore jamais fréquenté la capitale*“, разсчитывая въ особенности на эффектъ слова „*fréquenter*“. Я чувствовалъ, однако, что, хотя это начало было очень блестяще и вполне доказывало мое высокое знаніе французскаго языка, продолжать разговоръ въ такомъ духѣ я не въ состояніи. Еще не скоро долженъ былъ прійти нашъ чередъ танцовать, а молчаніе возобновилось: я съ безпокойствомъ поглядывалъ на нее, желая знать, какое произвелъ впечатлѣніе, и ожидая отъ нея помощи. „Гдѣ вы нашли такую уморительную перчатку?“ спросила она меня вдругъ; и этотъ вопросъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе и облегченіе. Я объяснилъ, что перчатка принадлежала

Карлу Иванычу, распространился даже нѣсколько иронически о самой особѣ Карла Иваныча, о томъ, какой онъ бываетъ смѣшной, когда снимаетъ красную шапочку, и о томъ, какъ онъ разъ въ зеленой бекешѣ упалъ съ лошади прямо въ лужу, и т. п. Кадриль прошла незамѣтно. Все это было хорошо; но зачѣмъ я съ насмѣшкой отзывался о Карлѣ Иванычѣ? Неужели я потерялъ бы доброе мнѣніе Сонечки, если бы я описалъ ей его съ тѣми любовью и уваженіемъ, которыя я къ нему чувствовалъ.

Когда кадрили кончилась, Сонечка сказала мнѣ „merci“ съ такимъ милымъ выраженіемъ, какъ будто я дѣйствительно заслужилъ ей благодарность. Я былъ въ восторгѣ, не помнилъ себя отъ радости и самъ не могъ узнать себя: откуда взялись у меня смѣлость, увѣренность и даже дерзость? „Нѣтъ вещи, которая бы могла меня сконфузить!—думалъ я, беззаботно разгуливая по залѣ. — Я готовъ на все!“

Сережа предложилъ мнѣ быть съ нимъ *vis-a-vis*. „Хорошо, — сказалъ я, — хотя у меня нѣтъ дамы, я найду“. Окинувъ залу рѣшительнымъ взглядомъ, я замѣтилъ, что всѣ дамы были взяты, исключая одной большой дѣвицы, стоявшей у двери гостиной. Къ пей подходилъ высокій молодой человѣкъ, какъ я заключилъ, съ цѣлью пригласить ее; онъ былъ отъ нея въ двухъ шагахъ, я же — на противоположномъ концѣ залы. Во мгновеніе ока, граціозно скользя по паркету, пролетѣлъ я все раздѣляющее меня отъ нея пространство и, шаркнувъ ногой, твердымъ голосомъ пригласилъ ее на контрдансъ. Большая дѣвица, покровительственно улыбаясь, подала мнѣ руку, а молодой человѣкъ остался безъ дамы.

Я имѣлъ такое сознаніе своей силы, что даже не обратилъ вниманія на досаду молодого человѣка; но послѣ узналъ, что молодой человѣкъ этотъ спрашивалъ, кто тотъ взѣрошенный мальчикъ, который проскочилъ мимо его и передъ носомъ отнялъ даму.

XXII.

М а з у р к а.

Молодой человекъ, у котораго я отбилъ даму, танцевалъ мазурку въ первой парѣ. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, держа даму за руку, и вмѣсто того, чтобы дѣлать „pas de Basques“, которымъ насъ учила Мими, просто побѣжалъ впередъ; добѣжавъ до угла, пріостановился, раздвинулъ ноги, стукнулъ каблукомъ, повернулся и, прыгивая, побѣжалъ дальше.

Такъ какъ дамы на мазурку у меня не было, я сидѣлъ за высокимъ кресломъ бабушки и наблюдалъ.

„Что жъ онъ это дѣлаетъ? — разсуждалъ я самъ съ собой. — Вѣдь это вовсе не то, чему учила насъ Мими; она увѣряла, что мазурку всѣ танцуютъ на цыпочкахъ, плавно и кругообразно разводя ногами; а выходитъ, что танцуютъ совсѣмъ не такъ. Вонъ и Ивины, и Этьенъ, и всѣ танцуютъ, а „pas de Basques“ не дѣлаютъ; и Володя нашъ перенялъ новую манеру. Недурно!.. А Сонечка-то какая милочка! вонъ она пошла...“ Мнѣ было чрезвычайно весело.

Мазурка клонилась къ концу; нѣсколько пожилыхъ мужчинъ и дамъ подходили прощаться съ бабушкой и уѣзжали; лакеи, избѣгая танцующихъ, осторожно пронесли приборы въ заднія комнаты; бабушка замѣтно устала, говорила какъ бы нехотя и очень протяжно; музыканты въ тридцатый разъ лѣниво начинали тотъ же мотивъ. Большая дѣвица, съ которой я танцевалъ, дѣлая фигуру, замѣтила меня и, предательски улыбувшись — должно-быть, желая тѣмъ угодить бабушкѣ, — подвела ко мнѣ Сонечку и одну изъ безчисленныхъ княженъ. „Rose ou hortie?“ сказала она мнѣ.

— Ахъ, ты здѣсь! — сказала, поворачиваясь въ своемъ креслѣ, бабушка. — Иди же, мой дружокъ, иди.

Хотя мнѣ въ эту минуту больше хотѣлось спрятаться съ головой подъ кресло бабушки, чѣмъ выходить изъ-за

него, какъ было отказаться? Я всталъ, сказалъ „rose“ и робко взглянулъ на Сонечку. Не успѣлъ я опомниться, какъ чья-то рука въ бѣлой перчаткѣ очутилась въ моей, и княжна съ пріятнѣйшею улыбкой пустилась впередъ, нисколько не подозрѣвая того, что я рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ своими ногами.

Я зналъ, что „pas de Basques“ неумѣстны, неприличны и даже могутъ совершенно осрамить меня; по знакомые звуки мазурки, дѣйствуя на мой слухъ, сообщили извѣстное направленіе акустическимъ нервамъ, которые, въ свою очередь, передали это движеніе ногамъ; и эти послѣднія, совершенно невольно и къ удивленію всѣхъ зрителей, стали выдѣлывать фатальныя, круглыя и плавныя па на цыпочкахъ. Покуда мы шли прямо, дѣло еще шло кое-какъ, но на поворотѣ я замѣтилъ, что, если не приму своихъ мѣръ, непременно уйду впередъ. Во избѣжаніе такой непріятности, я пріостановился, съ намѣреніемъ сдѣлать то самое *колпицо*, которое такъ красиво дѣлалъ молодой человекъ въ первой парѣ. Но въ ту самую минуту, какъ я раздвинулъ ноги и хотѣлъ уже припрыгнуть, княжна, торопливо обѣгая вокругъ меня, съ выраженіемъ тупого любопытства и удивленія посмотрѣла на мои ноги. Этотъ взглядъ убилъ меня. Я до того растерялся, что вмѣсто того, чтобы танцевать, затопталъ ногами на мѣстѣ самымъ страннымъ, ни съ тактомъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ образомъ и, наконецъ, совершенно остановился. Всѣ посмотрѣли на меня; кто съ удивленіемъ, кто съ любопытствомъ, кто съ насмѣшкой, кто съ состраданіемъ; одна бабушка смотрѣла совершенно равнодушно.

— Il ne fallait pas danser, si vous ne savez pas!—сказалъ сердитый голосъ папа надъ моимъ ухомъ, и, слегка оттолкнувъ меня, опъ взялъ руку моей дамы, прошелъ съ нею туръ по-старинному, при громкомъ одобреніи зрителей, и привелъ ее на мѣсто. Мазурка тотчасъ же кончилась.

„Господи! за что Ты наказываешь меня такъ ужасно!

.....

Все презираютъ меня и всегда будутъ презирать... Мнѣ закрыта дорога ко всему: къ дружбѣ, любви, почестямъ... все пропало!! Зачѣмъ Володя дѣлалъ мнѣ знаки, которые все видѣли и которые не могли помочь мнѣ? зачѣмъ эта противная княжна такъ посмотрѣла на мои ноги? зачѣмъ Сонечка... она милочка, но зачѣмъ она улыбалась въ это время? зачѣмъ папа покраснѣлъ и схватилъ меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня? О, это ужасно! Вотъ будь тутъ мамаша, она не покраснѣла бы за своего Николеньку...“ И мое воображеніе унеслось далеко за этимъ милымъ образомъ. Я вспомнилъ дугъ передъ домомъ, высокія липы сада, чистый прудъ, надъ которымъ вьются ласточки, синее небо, на которомъ остановились бѣлыя, прозрачныя тучи, пахучія копны свѣжаго сѣна, и еще много спокойныхъ, радужныхъ воспоминаній носились въ моемъ разстроеномъ воображеніи.

XXIII.

Послѣ мазурки.

За ужиномъ молодой человѣкъ, танцовавшій въ первой парѣ, сѣлъ за нашъ дѣтскій столъ и обращалъ на меня особенное вниманіе, что не мало польстило бы моему самолюбію, если бы я могъ послѣ случившагося со мной несчастія чувствовать что-нибудь. Но молодой человѣкъ, какъ кажется, хотѣлъ во что бы то ни стало развеселить меня: онъ заигрывалъ со мной, называлъ меня молодцомъ и, какъ только никто изъ большихъ не смотрѣлъ на насъ, подливалъ мнѣ въ рюмку вина изъ разныхъ бутылокъ и непремѣнно заставлялъ выпивать. Къ концу ужина, когда дворецкій налилъ мнѣ только четверть бокальчика шампанскаго изъ завернутой въ салфетку бутылки и когда молодой человѣкъ настоялъ на томъ, чтобъ онъ налилъ мнѣ полный, и заставилъ меня его выпить залпомъ, я почувствовалъ пріятную теплоту по всему тѣлу, особенную пріязнь къ моему веселому покровителю и чему-то очень расхохотался.

Вдругъ раздались изъ залы звуки гротфатера, и стали вставать изъ-за стола. Дружба наша съ молодымъ чело-вѣкомъ тотчасъ же и кончилась: онъ ушелъ къ большимъ, а я, не смѣя слѣдовать за нимъ, подошелъ съ любопыт-ствомъ прислушиваться къ тому, что говорила Валахина съ дочерью.

— Еще полчасика,—убѣдительно говорила Сонечка.

— Право, нельзя, мой ангелъ.

— Ну, для меня, пожалуйста,—говорила она, ласкаясь.

— Ну, развѣ тебѣ весело будетъ, если я завтра буду больна?—сказала г-жа Валахина и имѣла неосторожность улыбнуться.

— А, позволила! останемся? — заговорила Сонечка, прыгая отъ радости.

— Что съ тобой дѣлать? Иди же, танцуй... вотъ тебѣ и кавалеръ,—сказала она, указывая на меня.

Сонечка подала мнѣ руку, и мы побѣжали въ залу.

Выпитое вино, присутствіе и веселость Сонечки заста-вили меня совершенно забыть несчастное приключеніе мазурки. Я выдѣлывалъ ногами самыя забавныя штуки: то, подражая лошади, бѣжалъ маленькою рысцою, гордо поднимая ноги, то топоталъ ими на мѣстѣ, какъ баранъ, который сердится на собаку, при этомъ хохоталъ отъ души и нисколько не заботился о томъ, какое впечатлѣ-ніе произвожу на зрителей. Сонечка тоже не переставала смѣяться: она смѣялась тому, что мы кружились, взяв-шись рука за руку, хохотала, глядя на какого-то стараго барина, который, медленно поднимая ноги, перешагнулъ черезъ платокъ, показывая видъ, что ему было очень трудно это сдѣлать, и помирала со смѣху, когда я вспрыгивалъ чуть не до потолка, чтобы показать свою ловкость.

Проходя черезъ бабушкинъ кабинетъ, я взглянулъ на себя въ зеркало: лицо было въ поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше, чѣмъ когда-нибудь; но общее вы-раженіе лица было такое веселое, доброе и здоровое, что я самъ себя поправилъ.

„Если бъ я былъ всегда такой, какъ теперь, — подумалъ я,—я бы еще могъ понравиться“.

Но когда я опять взглянулъ на прекрасное личико моей дамы, въ немъ было, кромѣ того выраженія веселости, здоровья и беззаботности, которое понравилось мнѣ въ моемъ, столько изящной и нѣжной красоты, что мнѣ сдѣлалось досадно на самого себя: я понялъ, какъ глупо мнѣ надѣяться обратить на себя вниманіе такого чудеснаго созданія.

Я не могъ надѣяться на взаимность, да и не думалъ о ней: душа моя и безъ того была преисполнена счастіемъ. Я не понималъ, чтобы за чувство любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было требовать еще большаго счастья и желать чего-нибудь, кромѣ того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мнѣ и такъ было хорошо. Сердце билось, какъ голубь, кровь безпрестанно приливала къ нему и хотѣлось плакать.

Когда мы проходили по коридору, мимо темнаго чулана подъ лѣстницей, я взглянулъ на него и подумалъ: „что бы это было за счастье, если бы можно было весь вѣкъ прожить съ ней въ этомъ темномъ чуланѣ, и чтобы никто не зналъ, что мы тамъ живемъ!“

— Не правда ли, что нынче очень весело? — сказалъ я тихимъ дрожащимъ голосомъ и прибавилъ шагу, испугавшись не столько того, что сказалъ, сколько того, что намѣренъ былъ сказать.

— Да... очень!— отвѣчала она, обративъ ко мнѣ головку съ такимъ откровенно-добрымъ выраженіемъ, что я пересталъ бояться.

— Особенно послѣ ужина... Но если бы знали, какъ мнѣ жалко (я хотѣлъ сказать грустно, но не посмѣя), что вы скоро уѣзжаете и мы больше не увидимся.

— Отчего же не увидимся?— сказала она, пристально всматриваясь въ кончики своихъ башмачковъ и проводя пальчикомъ по рѣшетчатымъ ширмамъ, мимо которыхъ мы проходили.—Каждый вторникъ и пятницу мы съ мамашей ѣздимъ на Тверской бульваръ. Вы развѣ не ходите гулять?

— Непремѣнно будемъ проситься во вторникъ, и если меня не пустятъ, я одинъ убѣгу—безъ шапки. Я дорогу знаю.

— Знаете что? — сказала вдругъ Сонечка. — Я съ одними мальчиками, которые къ намъ ѣздятъ, всегда говорю *ты*; давайте и съ вами говорить *ты*. Хочешь?— прибавила она, встряхнувъ головкой и взглянувъ мнѣ прямо въ глаза.

Въ это время мы входили въ залу, и начиналась другая, живая часть гросфатера.

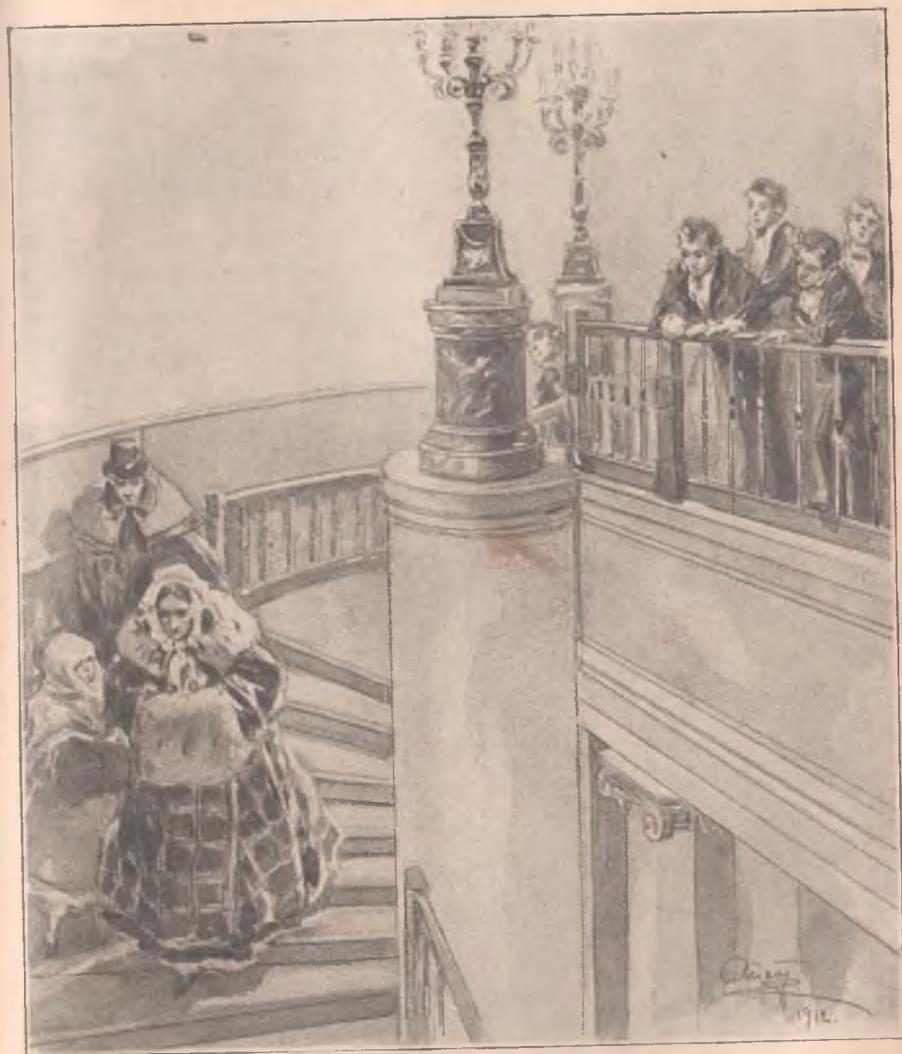
— Давай... те,—сказалъ я въ то время, когда музыка и шумъ могли заглушить мои слова.

— Давай, *ты*, а не давайте, — поправила Сонечка и засмѣялась.

Гросфатеръ кончился, а я не успѣлъ сказать ни одной фразы съ *ты*, хотя не переставалъ придумывать такія, въ которыхъ мѣстоименіе это повторялось бы нѣсколько разъ. У меня не доставало на это смѣлости. „Хочешь?“, „давай ты“, звучало въ моихъ ушахъ и производило какое-то опьянѣніе: я ничего и никого не видалъ, кромѣ Сонечки. Видѣлъ я, какъ подобрали ея локоны, заложили ихъ за уши и открыли части лба и висковъ, которыхъ я не видалъ еще; видѣлъ я, какъ укутали ее въ зеленую шаль такъ плотно, что виднѣлся только кончикъ ея носика; замѣтилъ, что если бъ она не сдѣлала своими розовенькими пальчиками маленькаго отверстія около рта, то непременно бы задохнулась, и видѣлъ, какъ она, спускаясь съ лѣстницы за своею матерью, быстро повернулась къ намъ, кивнула головкой и исчезла за дверью.

Володя, Ивины, молодой князь, я, мы все были влюблены въ Сонечку и, стоя на лѣстницѣ, провожали ее глазами. Кому въ особенности кивнула она головкой, я не знаю; но въ ту минуту я твердо былъ убѣжденъ, что это сдѣлано было для меня.

Прощаясь съ Ивиными, я очень свободно, даже нѣсколько холодно поговорилъ съ Сережей и пожалъ ему руку. Если онъ понялъ, что съ нынѣшняго дня потерялъ

мою любовь и свою власть надо мной, онъ, вѣрно, пожалѣлъ объ этомъ, хотя и старался казаться совершенно равнодушнымъ.

Я въ первый разъ въ жизни измѣнилъ въ любви и въ первый разъ испыталъ сладость этого чувства. Мнѣ было отрадно перемѣнить изношенное чувство привычной преданности на свѣжее чувство любви, исполненной тайственности и неизвѣстности. Сверхъ того, въ одно и то же время разлюбить и полюбить—значить полюбить вдвое сильнѣе, чѣмъ прежде.

XXIV.

Въ постели.

„Какъ могъ я такъ страстно и такъ долго любить Серезу? — разсуждалъ я, лежа въ постели. — Нѣтъ, онъ никогда не понималъ, не умѣлъ цѣнить и не стоилъ моеѣ любви... а Сонечка? что это за прелесть! „Хочешь?“, „тебѣ начинать“.

Я вскочилъ на четвереньки, живо представляя себѣ ея личико, закрылъ голову одѣяломъ, подвернулъ его подъ себя со всѣхъ сторонъ и, когда нигдѣ не оставалось отверстій, улегся и, ощущая пріятную теплоту, погружился въ сладкія мечты и воспоминанія. Устремивъ неподвижные взоры въ подкладку стеганого одѣяла, я видѣлъ ее такъ же ясно, какъ часъ тому назадъ; я мысленно разговаривалъ съ нею, и разговоръ этотъ, хотя не имѣлъ ровно никакого смысла, доставлялъ мнѣ неописанное наслажденіе, потому что *ты, тебѣ, съ тобой, твои* встрѣчались въ немъ безпрестанно.

Мечты эти были такъ ясны, что я не могъ заснуть отъ сладостнаго волненія, и мнѣ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь избыткомъ своего счастья.

— Милочка! — сказалъ я почти вслухъ, круто поворачиваясь на другой бокъ.—Володя, ты спишь!?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ соннымъ голосомъ, — а что?

— Я влюбленъ, Володя! Рѣшительно влюбленъ въ Сонечку.

— Ну, такъ что жъ?—отвѣчалъ онъ мнѣ, потягиваясь.

— Ахъ, Володя, ты не можешь себѣ представить, что со мной дѣлается... вотъ я сейчасъ лежалъ, увернувшись подъ одѣяломъ, и такъ ясно, такъ ясно видѣлъ ее, разговаривалъ съ ней, что это просто удивительно. И еще знаешь ли что: когда я лежу и думаю о ней, Богъ знаетъ отчего, дѣлается грустно и ужасно хочется плакать.

Володя пошевелился.

— Только одного я бы желалъ, — продолжалъ я:— это—чтобы всегда съ нею быть, всегда ее видѣть, и больше ничего. А ты влюбленъ? признайся по правдѣ, Володя?

Странно, что мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ были влюблены въ Сонечку и чтобы всѣ рассказывали это.

— Тебѣ какое дѣло?—сказалъ Володя, поворачиваясь ко мнѣ лицомъ,—можетъ-быть.

— Ты не хочешь спать, ты притворялся!—закричалъ я, замѣтивъ по его блестящимъ глазамъ, что онъ нисколько не думалъ о снѣ, и откинулъ одѣяло.—Давай лучше толковать о ней. Не правда ли, что прелесть?.. такая прелесть, что скажи она мнѣ: „Николенька, выпрыгни въ окно или бросься въ огонь“, ну, вотъ, клянусь,—сказалъ я,—сейчасъ прыгну, и съ радостью. Ахъ, какая прелесть!—прибавилъ я, живо воображая ее передъ собой, и, чтобы исполнѣ насладиться этимъ образомъ, порывисто перевернулся на другой бокъ и засунулъ голову подъ подушку.—Ужасно хочется плакать, Володя.

— Вотъ дуракъ!—сказалъ онъ, улыбаясь и потомъ помолчавъ немного:—я такъ совсѣмъ не такъ, какъ ты: я думаю, что, если бы можно было, я сначала хотѣлъ бы сидѣть съ пей рядомъ и разговаривать...

— А! такъ ты тоже влюбленъ?—перебилъ я его.

— Потомъ,—продолжалъ Володя, нѣжно улыбаясь,—потомъ расцѣловалъ бы ея пальчики, глазки, губки, носикъ, ножки—всю бы расцѣловалъ.

— Глупости!—закричалъ я изъ-подъ подушекъ.

— Ты ничего не понимаешь, — презрительно сказалъ Володя.

— Нѣтъ, я понимаю, а вотъ ты не понимаешь и говоришь глупости,—сказалъ я сквозь слезы.

— Только плакать-то ужъ не зачѣмъ. Настоящая дѣвочка!

XXV.

П и с ь м о.

16-го апрѣля, почти шесть мѣсяцевъ послѣ описаннаго мною дня, отецъ вошелъ къ намъ наверхъ во время классовъ и объявилъ, что нынче въ ночь мы ѣдемъ съ нимъ въ деревню. Что-то защемило у меня въ сердцѣ при этомъ извѣстїи, мысль моя тотчасъ же обратилась къ матушкѣ.

Причиною такого неожиданнаго отъѣзда было слѣдующее письмо:

„Петровское, 12 апрѣля.

„Сейчасъ только, въ десять часовъ вечера, получила я твое доброе письмо отъ 3-го апрѣля и, по моей всегдашней привычкѣ, отвѣчаю тотчасъ же. Федоръ привезъ его еще вчера изъ города, но такъ какъ было поздно, онъ подаль его Мими нынче утромъ. Мими же, подъ предлогомъ, что я была нездорова и разстроена, не давала мнѣ его цѣлый день. У меня точно былъ маленькій жаръ, и, признаться тебѣ по правдѣ, вотъ ужъ четвертый день, что я не такъ-то здорова и не встаю съ постели.

„Пожалуйста, не пугайся, милый другъ: я чувствую себя довольно хорошо и, если Иванъ Васильичъ позволить, завтра думаю встать.

„Въ пятницу на прошлой недѣлѣ я поѣхала съ дѣтьми кататься; но подлѣ самага выѣзда на большую дорогу, около того мостика, который всегда наводилъ на меня ужасъ, лошади завязли въ грязи. День былъ пре-

красный, и мнѣ вздумалось пройтись пѣшкомъ до большой дороги, покуда вытаскивали коляску. Дойдя до часовни, я очень устала и сѣла отдохнуть, а такъ какъ, покуда собирались люди, чтобы вытащить экипажъ, прошло около получаса, мнѣ стало холодно, особенно ногамъ, потому что на мнѣ были ботинки на тонкихъ подошвахъ, и я ихъ промочила. Послѣ обѣда я почувствовала ознобъ и жаръ, но по заведенному порядку продолжала ходить, а послѣ чая сѣла играть съ Любочкой въ четыре руки. (Ты не узнаешь ея: такіе сдѣлала она успѣхи!) Но представь себѣ мое удивленіе, когда я замѣтила, что не могу счесть такта. Нѣсколько разъ я принималась считать, но все въ головѣ у меня рѣшительно путалось, и я чувствовала странный шумъ въ ушахъ. Я считала: разъ, два, три, потомъ вдругъ: восемь, пятнадцать, и главное — видѣла, что вру, и никакъ не могла поправиться. Наконецъ Мими пришла мнѣ на помощь и почти насильно уложила въ постель. Вотъ тебѣ, мой другъ, подробный отчетъ въ томъ, какъ я запемогла и какъ сама въ томъ виновата. На другой день у меня былъ жаръ довольно сильный, и пріѣхалъ нашъ добрый, старый Иванъ Васильчъ, который до сихъ норъ живетъ у насъ и общается скоро выпустить меня на свѣтъ Божій. Чудесный старикъ этотъ Иванъ Васильчъ! Когда у меня былъ жаръ и бредъ, опъ цѣлую ночь, не смыкая глазъ, просидѣлъ около моей постели, теперь же, такъ какъ знаетъ, что я пишу, сидитъ съ дѣвочками въ диванной, и мнѣ слышно изъ спальни, какъ имъ рассказываетъ нѣмецкія сказки, и какъ онѣ, слушая его, помираютъ со смѣху.

«La belle Flamande, какъ ты называешь ее, гостить у меня уже вторую недѣлю, потому что мать ея уѣхала куда-то въ гости, и своими попеченіями доказываетъ самую искреннюю привязанность. Она повѣряетъ мнѣ все свои сердечныя тайны. Съ ея прекраснымъ лицомъ, добрымъ сердцемъ и молодостью изъ нея могла бы выйти во всехъ отношеніяхъ прекрасная дѣвушка, если бы она была въ хорошихъ рукахъ; но въ томъ обществѣ, въ.

которомъ она живетъ, судя по ея рассказамъ, она совершенно погибнетъ. Мнѣ приходило въ голову, что, если бы у меня не было такъ много своихъ дѣтей, я бы хорошее дѣло сдѣлала, взявъ ее.

„Любочка сама хотѣла писать тебѣ, но изорвала уже третій листъ бумаги и говоритъ: „я знаю, какой папа насмѣшникъ: если сдѣлать хоть одну ошибочку, онъ вѣкъ покажетъ“. Катенька все такъ же мила, Мими такъ же добра и скучна.

„Теперь поговоримъ о серьезномъ: ты мнѣ пишешь, что дѣла твои идутъ нехорошо эту зиму, и что тебѣ необходимо будетъ взять хабаровскія деньги. Мнѣ даже странно, что ты спрашиваешь на это моего согласія. Развѣ то, что принадлежитъ мнѣ, не принадлежитъ столько же и тебѣ?

„Ты такъ добръ, милый другъ, что изъ страха огорчить меня скрываешь настоящее положеніе своихъ дѣлъ; но я догадываюсь: вѣрно ты проигралъ очень много, и нисколько, божусь тебѣ, не огорчаюсь этимъ; поэтому, если только дѣло это можно исправить, пожалуйста, много не думай о немъ и не мучь себя напрасно. Я привыкла не только не рассчитывать для дѣтей на твой выигрышъ, но, извини меня, даже и на все твое состояніе. Меня такъ же мало радуетъ твой выигрышъ, какъ огорчаетъ проигрышъ; меня огорчаетъ только твоя несчастная страсть къ игрѣ, которая отнимаетъ у меня часть твоей нѣжной привязанности и заставляетъ говорить тебѣ такія горькія истины, какъ теперь, а Богу извѣстно, какъ мнѣ это больно! Я не перестая молить Его объ одномъ, чтобъ Онъ избавилъ насъ... не отъ бѣдности (что бѣдность?), а отъ того ужаснаго положенія, когда интересы дѣтей, которые я должна буду защищать, придутъ въ столкновеніе съ нашими. До сихъ поръ Господь исполнялъ мою молитву: ты не переходилъ одной черты, послѣ которой мы должны будемъ или жертвовать состояніемъ, которое принадлежитъ уже не намъ, а нашимъ дѣтямъ, или... и подумать страшно, а ужасное несчастіе это всегда угрожаетъ

намъ. Да, это тяжелый крестъ, который послалъ намъ обоимъ Господь!

„Ты пишешь мнѣ еще о дѣтяхъ и возвращаешься къ нашему давнишнему спору: просишь меня согласиться на то, чтобъ отдать ихъ въ учебное заведеніе. Ты знаешь мое предубѣжденіе противъ такого воспитанія...

„Не знаю, милый другъ, согласишься ли ты со мной, но во всякомъ случаѣ умоляю тебя, изъ любви ко мнѣ, дать мнѣ обѣщаніе, что покуда я жива и послѣ моей смерти, если Богу угодно будетъ разлучить насъ, этого никогда не будетъ.

„Ты мнѣ пишешь, что тебѣ необходимо будетъ съѣздить въ Петербургъ по нашимъ дѣламъ. Христось съ тобой, мой дружокъ, поѣзжай и возвращайся поскорѣе. Намъ всѣмъ безъ тебя такъ скучно! Весна чудо какъ хороша: балконную дверь ужъ выставили, дорожка къ оранжереѣ четыре дня тому назадъ была совершенно суха, персики во всемъ цвѣту, кое-гдѣ только остался снѣгъ, ласточки прилетѣли, и нынче Любочка принесла мнѣ первые весенніе цвѣты. Докторъ говоритъ, что дня черезъ три я буду совсѣмъ здорова и мнѣ можно будетъ подышать свѣжимъ воздухомъ и погрѣться на апрѣльскомъ солнышкѣ. Прощай же, милый другъ, не безпокойся пожалуйста ни о моей болѣзни, ни о своемъ проигрышѣ; кончай скорѣе дѣла и пріѣзжай къ намъ съ дѣтьми на цѣлое лѣто. Я дѣлаю чудные планы о томъ, какъ мы проведемъ его, и недостаетъ только тебя, чтобы имъ осуществиться“.

Слѣдующая часть письма была написана по-французски связнымъ и неровнымъ почеркомъ на другомъ клочкѣ бумаги. Я перевожу его слово въ слово:

„Не вѣрь тому, что я написала тебѣ о моей болѣзни: никто не подозреваетъ, до какой степени она серьезна. Я одно знаю, что мнѣ больше не вставать съ постели. Не теряй ни одной минуты, пріѣзжай сейчасъ же и привози дѣтей. Можетъ-быть, я успѣю еще разъ обнять и благословить ихъ: это мое одно послѣднее желаніе. Я знаю,

какой ужасный ударъ наносишь тебѣ, но все равно рано или поздно, отъ меня или отъ другихъ ты получишь бы его; постараемся же съ твердостью и надеждою на милосердіе Божіе перенести это несчастіе. Покоримся волѣ Его.

„Не думай, чтобы то, что я пишу, было бредомъ больного воображенія; напротивъ, мысли мои чрезвычайно ясны въ эту минуту, и я совершенно спокойна. Не утѣшай же себя напрасно надеждою, чтобы это были ложныя, неясныя предчувствія боязливой души. Нѣтъ, я чувствую, я знаю — и знаю потому, что Богу было угодно открыть мнѣ это — мнѣ осталось жить очень недолго.

„Кончится ли вмѣстѣ съ жизнью моя любовь къ тебѣ и дѣтямъ? Я поняла, что это невозможно. Я слишкомъ сильно чувствую въ эту минуту, чтобы думать, что то чувство, безъ котораго я не могу понять существованія, могло бы когда-нибудь уничтожиться. Душа моя не можетъ существовать безъ любви къ вамъ, а я знаю, что она будетъ существовать вѣчно, уже по одному тому, что такое чувство, какъ моя любовь, не могло бы возникнуть, если бы оно должно было когда-нибудь прекратиться.

„Меня не будетъ съ вами; но я твердо увѣрена, что любовь моя никогда не оставитъ васъ, и эта мысль такъ отрадна для моего сердца, что я спокойно и безъ страха ожидаю приближающейся смерти.

„Я спокойна, и Богу извѣстно, что всегда смотрѣла и смотрю на смерть, какъ на переходъ къ жизни лучшей; но отчего жъ слезы давятъ меня? Зачѣмъ лишать дѣтей любимой матери? Зачѣмъ наносить тебѣ такой тяжелый неожиданный ударъ? Зачѣмъ мнѣ умирать, когда ваша любовь дѣлала для меня жизнь безпредѣльно счастливою?

„Да будетъ Его святая воля.

„Я не могу писать больше отъ слезъ. Можетъ-быть, я не увижу тебя. Благодарю же тебя, мой безцѣнный другъ, за все счастіе, которымъ ты окружилъ меня въ этой жизни; я тамъ буду просить Бога, чтобы Онъ наградилъ тебя. Прощай, милый другъ; помни, что меня не будетъ, но любовь моя никогда и нигдѣ не оставитъ тебя.

Прощай, Володя, прощай, мой ангелъ, прощай, Веніаминъ мой, Николенька!

„Неужели они когда-нибудь забудутъ меня?!“

Въ этомъ письмѣ была вложена французская записочка Мими слѣдующаго содержанія:

„Печальныя предчувствія, о которыхъ она говоритъ вамъ, слишкомъ подтвердились словами доктора. Вчера ночью она велѣла отправить это письмо тотчасъ на почту. Думая, что она сказала это въ бреду, я ждала до сегодняшняго утра и рѣшилась его распечатать. Только что я распечатала, какъ Наталья Николаевна спросила меня, что я сдѣлала съ письмомъ, и приказала мнѣ сжечь его, если оно не отправлено. Она все говоритъ о немъ и увѣряетъ, что оно должно убить васъ. Не откладывайте вашей поѣздки, если вы хотите видѣть этого ангела, покуда еще онъ не оставилъ насъ. Извините это маранье. Я не спала три ночи. Вы знаете, какъ я люблю ее!“

Наталья Савишна, которая всю ночь 11-го апрѣля провела въ спальнѣ матушки, рассказывала мнѣ, что, написавъ первую часть письма, маман положила его подлѣ себя на столикъ и започивала.

„Я сама,—говорила Наталья Савишна,—признаюсь, задремала на креслѣ, и чулокъ вывалился у меня изъ рукъ. Только слышу я сквозь сонъ—часу этакъ въ первомъ,—что она какъ будто разговариваетъ; я открыла глаза, смотрю: она, моя голубушка, сидитъ на постели, сложила вотъ этакъ ручки, а слезы въ три ручья такъ и текутъ. „Такъ все копчено?“ только она и сказала и закрыла лицо руками.

„Я вскочила, стала спрашивать: что съ вами?“

„— Ахъ, Наталья Савишна, если бы вы знали, кого я сейчасъ видѣла!“

„Сколько я ни спрашивала, больше она мнѣ ничего не сказала, только приказала подать столикъ, пописала еще что-то, при себѣ приказала запечатать письмо и сейчасъ же отправить. Послѣ ужъ все пошло хуже да хуже.“

XXVI.

Что ожидало насъ въ деревнѣ.

25-го апрѣля мы выходили изъ дорожной коляски у крыльца петровскаго дома. Выѣзжая изъ Москвы, папа былъ задумчивъ, и когда Володя спросилъ у него, не больна ли маман, онъ съ грустью посмотрѣлъ на него и молча кивнулъ головой. Во время путешествія онъ замѣтно успокоился; но по мѣрѣ приближенія къ дому лицо его все болѣе и болѣе принимало печальное выраженіе, и когда, выходя изъ коляски, онъ спросилъ у выбѣжавшаго запыхавшагося Фоки: „гдѣ Наталья Николаевна?“ голосъ его былъ нетвердъ и въ глазахъ были слезы. Добрый старикъ Фока, украдкой взглянувъ на насъ, опустилъ глаза и, отворяя дверь въ переднюю, отвернувшись, отвѣчалъ:

— Шестой день ужъ не изволили выходить изъ спальни.

Милка, которая, какъ я послѣ узналъ, съ самаго того дня, въ который занемогла маман, не переставала жалобно вить, весело бросилась къ отцу—прыгала на него, взвизгивала, лизала его руки; но онъ оттолкнулъ ее и прошелъ въ гостиную, оттуда въ диванную, изъ которой дверь вела прямо въ спальню. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ этой комнатѣ, тѣмъ болѣе по всеѣмъ тѣлодвиженіямъ было замѣтно его безпокойство: войдя въ диванную, онъ шелъ на цыпочкахъ, едва переводилъ дыханіе и перекрестился, прежде чѣмъ рѣшился взяться за замокъ затворенной двери. Въ это время изъ коридора выбѣжала нечесаная заплаканная Мими. „Ахъ! Петръ Александрычъ!—сказала она шопотомъ, съ выраженіемъ истиннаго отчаянія, и потомъ, замѣтивъ, что папа поворачиваетъ ручку замка, она прибавила чуть слышно:—здѣсь нельзя пройти—ходъ изъ тѣхъ дверей“.

О, какъ тяжело все это дѣйствовало на мое, настроенное къ горю страшнымъ предчувствіемъ, дѣтское воображеніе!

Мы пошли въ дѣвичью. Въ коридорѣ попался намъ на дорогѣ дурачокъ Акимъ, который всегда забавлялъ насъ своими гримасами; но въ эту минуту не только онъ мнѣ не казался смѣшнымъ, но ничто такъ больно не поразило меня, какъ видъ его бессмысленно-равнодушнаго лица. Въ дѣвичьей двѣ дѣвушки, которыя сидѣли за какою-то работой, привстали, чтобы поклониться намъ, съ такимъ печальнымъ выраженіемъ, что мнѣ сдѣлалось страшно. Пройдя еще комнату Мими, папа отворилъ дверь спальни, и мы вошли. Направо отъ двери были два окна, завѣшенные платками; у одного изъ нихъ сидѣла Наталья Савишна съ очками на носу и вязала чулокъ. Она не стала цѣловать насъ, какъ то обыкновенно дѣлывала, а только привстала, посмотрѣла на насъ черезъ очки, и слезы потекли у нея градомъ. Мнѣ очень не понравилось, что всѣ при первомъ взглядѣ на насъ начинаютъ плакать, тогда какъ прежде были совершенно спокойны.

Налѣво отъ двери стояли ширмы, за ширмами — кровать, столикъ, шкапчикъ, уставленный лѣкарствами, и большое кресло, на которомъ дремалъ докторъ; подлѣ кровати стояла молодая, очень бѣлокурая, замѣчательной красоты дѣвушка въ бѣломъ утреннемъ капотѣ и, немного засучивъ рукава, прикладывала ледъ къ головѣ тамап, которую мнѣ не было видно въ эту минуту. Дѣвушка эта была *la belle Flamande*, про которую писала тамап и которая впоследствии играла такую важную роль въ жизни всего нашего семейства. Какъ только мы вошли, она отняла одну руку отъ головы тамап и поправила на груди складки своего капота, потомъ шопотомъ сказала: „въ забытъ“.

Я былъ въ сильномъ горѣ въ эту минуту, но невольно замѣчалъ всѣ мелочи. Въ комнатѣ было почти темно, жарко и пахло вмѣстѣ мятой, одеколономъ, ромашкой и гофманскими каплями. Запахъ этотъ такъ поразилъ меня, что не только когда я слышу его, но когда лишь вспоминаю о немъ, воображеніе мгновенно переноситъ меня въ эту

мрачную, душную комнату и воспроизводитъ всё мельчайшія подробности ужасной минуты.

Глаза маман были открыты, но она ничего не видѣла... О, никогда не забуду я этого страшнаго взгляда! Въ немъ выражалось столько страданія!

Насъ увели.

Когда я потомъ спрашивалъ у Натальи Савишны о послѣднихъ минутахъ матушки, вотъ что она мигъ сказала:

„Когда васъ увели, она еще долго металась, моя голубушка, точно вотъ здѣсь ее давило что-то; потомъ спустила головку съ подушекъ и задремала такъ тихо, спокойно, точно ангелъ небесный. Только я вышла посмотрѣть, что питье не несутъ,—прихожу, а ужъ она, моя сердечная, все вокругъ себя раскидала и все манитъ къ себѣ вашего папеньку; тотъ нагнется къ ней, а ужъ силъ, видно, недостааетъ сказать, что хотѣлось: только откроетъ губки и опять начнетъ охать: „Боже мой! Господи!.. Дѣтей! дѣтей!“ Я хотѣла было за вами бѣжать, да Иванъ Васильичъ остановилъ, говорить: это хуже встревожить еѣ, лучше не надо. Послѣ ужъ только подниметъ ручку и опять опуститъ. И что она этимъ хотѣла, Богъ ее знаетъ! Я такъ думаю, что это она васъ заочно благословляла, да видно не привелъ ее Господь предъ послѣднимъ концомъ взглянуть на своихъ дѣточекъ. Потомъ она приподнялась, моя голубушка, сдѣлала вотъ такъ ручки и вдругъ заговорила, да такимъ голосомъ, что я и вспомнить не могу: „Матерь Божія, не оставь ихъ!..“ Тутъ ужъ боль подступила ей подъ самое сердце; по глазамъ видно было, что ужасно мучилась бѣдняжка; упала на подушки, ухватилась зубами за простыню, а слезы-то, мой батюшка, такъ и текутъ“.

— Ну, а потомъ? — спросилъ я.

Наталья Савишна не могла больше говорить: она отъвернулась и горько заплакала.

Маман скончалась въ ужасныхъ страданіяхъ.

XXVII.

Г о р е.

На другой день, поздно вечеромъ, мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на нее. Преодоливъ невольное чувство страха, я тихо отворилъ дверь и на цыпочкахъ вошелъ въ залу.

Посрединѣ комнаты на столѣ стоялъ гробъ, вокругъ него нагорѣвшія свѣчи въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ; въ дальнемъ углу сидѣлъ дьячокъ и тихимъ, однообразнымъ голосомъ читалъ псалтирь.

Я остановился у двери и сталъ смотрѣть, но глаза мои были такъ заплаканы и нервы такъ разстроены, что я ничего не могъ разобрать; все какъ-то страшно сливалось вмѣстѣ: свѣтъ, парча, бархатъ, большіе подсвѣчники, розовая, обшитая кружевами подушка, вѣничикъ, чепчикъ съ лентами и еще что-то прозрачное воскового цвѣта. Я сталъ на стулъ, чтобы разсмотрѣть ея лицо; но на томъ мѣстѣ, гдѣ оно находилось, мнѣ опять представился тотъ же блѣдно-желтоватый, прозрачный предметъ. Я не могъ вѣрить, чтобъ это было ея лицо. Я сталъ вглядываться въ него пристальнѣе и мало-по-малу сталъ узнавать въ немъ знакомыя милыя черты. Я вздрогнулъ отъ ужаса, когда убѣдился, что это была она; но отчего закрытые глаза такъ впали? отчего эта страшная блѣдность и на одной щекѣ черноватое пятно подъ прозрачною кожей? отчего выраженіе всего лица такъ строго и холодно? отчего губы такъ блѣдны и складъ ихъ такъ прекрасенъ, такъ величественъ и выражаетъ такое неземное спокойствіе, что холодная дрожь пробѣгаетъ по моей спинѣ и волосамъ, когда я вглядываюсь въ него?..

Я смотрѣлъ и чувствовалъ, что какая-то непонятная, непреодолимая сила притягиваетъ мои глаза къ этому безжизненному лицу. Я не спускалъ съ него глазъ, а воображеніе рисовало мнѣ картины, цвѣтушія жизнью и счастіемъ. Я забывалъ, что мертвое тѣло, которое лежало

передо мной и на которое я бессмысленно смотрѣлъ, какъ на предметъ, не имѣющій ничего общаго съ моими воспоминаніями, была она. Я воображалъ ее то въ томъ, то въ другомъ положеніи: живою, веселою, улыбающеюся; потомъ вдругъ меня поражала какая-нибудь черта въ блѣдномъ лицѣ, на которомъ остановились мои глаза: я вспоминалъ ужасную дѣйствительность, содрогался, но не переставалъ

смотрѣть. И снова мечты замѣняли дѣйствительность, и снова сознание дѣйствительности разрушало мечты. Наконецъ воображеніе устало, оно перестало обманывать меня; сознание дѣйствительности тоже исчезло, и я совершенно забылся. Не знаю, сколько времени пробылъ я въ этомъ положеніи, не знаю, въ чемъ состояло оно; знаю только то, что на время я потерялъ сознание своего существова-

нія и испытывалъ какое-то высокое, неизъяснимо-пріятное и грустное наслажденіе.

Можетъ-быть, отлетая къ міру лучшему, ея прекрасная душа съ грустью оглянулась на тотъ, въ которомъ она оставляла насъ; она увидѣла мою печаль, сжалась надъ нею и на крыльяхъ любви съ небесною улыбкой сожалѣнія спустилась на землю, чтобъ утѣшить и благословить меня.

Дверь скрипнула, и въ комнату вошелъ дьячокъ на смѣну. Этотъ шумъ разбудилъ меня, и первая мысль, которая пришла мнѣ, была та, что, такъ какъ я не плачу и стою на стулѣ въ позѣ, не имѣющей ничего трогательнаго, дьячокъ можетъ принять меня за безчувственнаго мальчика, который изъ жалости или любопытства забрался на стулъ: я перекрестился, поклонился и заплакалъ.

Вспоминая теперь свои впечатлѣнія, я нахожу, что только одна эта минута самозабвенія была настоящимъ горемъ. Прежде и послѣ погребенія я не переставалъ плакать и былъ грустенъ, по мнѣ совѣстно вспомнить эту грусть, потому что къ ней всегда примѣшивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желаніе показать, что я огорченъ больше всѣхъ, то заботы о дѣйствиіи, которое я произвожу на другихъ, то безцѣльное любопытство, которое заставляло дѣлать наблюденія надъ чепцомъ Мими и лицами присутствующихъ. Я презиралъ себя за то, что не испытываю исключительно одного чувства горести, и старался скрывать всѣ другія: отъ этого печаль моя была неискренна и неестественна. Сверхъ того, я испытывалъ какое-то наслажденіе, зная, что я несчастливъ, старался возбуждать сознаніе несчастія, и это эгонистическое чувство больше другихъ заглушало во мнѣ истинную печаль.

Проспавъ эту ночь крѣпко и спокойно, какъ всегда бываетъ послѣ сильнаго огорченія, я проснулся съ высохшими слезами и успокоившимися нервами. Въ десять часовъ насъ позвали къ панихидѣ, которую служили передъ выносомъ. Комната была наполнена дворовыми и крестьянами, которые, всѣ въ слезахъ, пришли проститься

съ своей барыней. Во время службы я прилично плакалъ, крестился и кланялся въ землю, но не молился въ душѣ и былъ довольно хладнокровенъ; заботился о томъ, что новый полуфрачекъ, который на меня надѣли, очень жалтъ мнѣ подъ мышками; думалъ о томъ, какъ бы не запачкать слишкомъ панталонъ на колѣняхъ, и украдкою дѣлалъ наблюденія надъ всеми присутствовавшими. Отецъ стоялъ у изголовья гроба, былъ блѣденъ какъ платокъ и съ замѣтнымъ трудомъ удерживалъ слезы. Его высокая фигура въ черномъ фракѣ, блѣдное выразительное лицо и, какъ всегда, граціозныя и увѣренныя движенія, когда онъ крестился, кланялся, доставая рукою землю, бралъ свѣчу изъ рукъ священника или подходилъ ко гробу, были чрезвычайно эффектны; но, не знаю почему, мнѣ не нравилось въ немъ именно то, что онъ могъ казаться такимъ эффектнымъ въ эту минуту. Мими стояла, прислонившись къ стѣнѣ, и, казалось, едва держалась на ногахъ; платье на ней было измято и въ пуху, чепецъ сбитъ на сторону; опухшіе глаза были красны, голова ея тряслась; она не переставала рыдать раздирающимъ душу голосомъ и безпрестанно закрывала лицо платкомъ и руками. Мнѣ казалось, что она это дѣлала для того, чтобы, закрывъ лицо отъ зрителей, на минуту отдохнуть отъ притворныхъ рыданій. Я вспомнилъ, какъ накацунѣ она говорила отцу, что смерть маман для нея такой ужасный ударъ, котораго она никакъ не надѣется перенести, что она лишила ее всего, что этотъ ангелъ (такъ называла она маман) передъ самою смертію не забылъ ея и изъявилъ желаніе обезпечить навсегда будущность ея и Катеньки. Она проливала горькія слезы, рассказывая это, и, можетъ-быть, чувство горести ея было истинно, но оно не было чисто и исключительно. Любочка, въ черномъ платиціѣ, обшитомъ пперезами, вся мокрая отъ слезъ, опустила головку, изрѣдка взглядывала на гробъ, и лицо ея выражало при этомъ только дѣтскій страхъ. Катенька стояла подлѣ матери и, несмотря на ея вытянутое личико, была такая же розовенькая, какъ и всегда. Откровенная натура Володи

была откровенна и въ горести: онъ то стоялъ задумавшись, уставивъ неподвижные взоры на какой-нибудь предметъ, то ротъ его вдругъ начиналъ кривиться, и онъ поспѣшно крестился и кланялся. Всѣ посторонніе, бывшіе на похоропахъ, были мнѣ несносны. Утѣшительныя фразы, которыя они говорили отцу—что ей тамъ будетъ лучше, что она была не для этого міра, возбуждали во мнѣ какую-то досаду.

Какое они имѣли право говорить и плакать о ней? Нѣкоторые изъ нихъ, говоря про насъ, называли насъ *сиротами*. Точно безъ нихъ не знали, что дѣтей, у которыхъ нѣтъ матери, называютъ этимъ именемъ! Имъ, вѣрно, нравилось, что они первые даютъ намъ его, точно такъ же, какъ обыкновенно торопятся только что вышедшую замужъ дѣвушку въ первый разъ назвать *madame*.

Въ дальнемъ углу залы, почти спрятавшись за отворенною дверью буфета, стояла на колѣняхъ сгорбленная, сѣдая старушка. Соединивъ руки и поднявъ глаза къ небу, она не плакала, но молилась. Душа ея стремилась къ Богу, она просила Его соединить ее съ тою, кого она любила больше всего на свѣтѣ, и твердо падѣялась, что это будетъ скоро.

„Вотъ кто истинно любилъ ее!“ подумалъ я, и мнѣ стало стыдно за самого себя.

Панихида кончилась; лицо покойницы было открыто, и всѣ присутствующіе, исключая насъ, одинъ за другимъ стали подходить къ гробу и прикладываться.

Одна изъ послѣднихъ подошла проститься съ покойницей какая-то крестьянка, съ хорошенькою пятилѣтнею дѣвочкой на рукахъ, которую, Богъ знаетъ зачѣмъ, она принесла сюда. Въ это время я печально уронилъ свой мокрый платокъ и хотѣлъ поднять его; но только что я нагнулся, меня поразилъ страшный, пронзительный крикъ, исполненный такого ужаса, что, проживи я сто лѣтъ, я никогда его не забуду, и когда вспомню, всегда пробѣжитъ холодная дрожь по моему тѣлу. Я поднялъ голову—на табуретъ подлѣ гроба стояла та же крестьянка и съ

трудо́мъ удержи́вала въ рукахъ дѣвочку, которая, отмахиваясь ручонками, откинувъ назадъ испуганное личико и уставивъ выпученные глаза на лицо покойной, кричала страшнымъ, неистовымъ голосомъ. Я вскрикнулъ голосомъ, который, я думаю, былъ еще ужаснѣе того, который поразилъ меня, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Только въ эту минуту я понялъ, отъ чего происходилъ тотъ сильный, тяжелый запахъ, который, смѣшиваясь съ запахомъ ладана, наполнялъ комнату; и мысль, что то лицо, которое за нѣсколько дней было исполнено красоты и нѣжности, лицо той, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, могло возбуждать ужасъ, какъ будто въ первый разъ открыла мнѣ горькую истину и наполнила душу отчаяніемъ.

XXVIII.

Послѣднія грустныя воспоминанія.

Мамаи уже не было, а жизнь наша шла все тѣмъ же чередомъ: мы ложились и вставали въ тѣ же часы и въ тѣхъ же комнатахъ; утренній, вечерній чай, обѣдъ, ужинъ,—все было въ обыкновенное время: столы, стулья стояли на тѣхъ же мѣстахъ; ничего въ домѣ и въ нашемъ образѣ жизни не перемѣнилось; только ея не было.

Мнѣ казалось, что послѣ такого несчастья все должно бы было измѣниться; нашъ обыкновенный образъ жизни казался мнѣ оскорбленіемъ ея памяти и слишкомъ живо напоминалъ ея отсутствіе.

Наканунѣ погребенія, послѣ обѣда, мнѣ захотѣлось спать и я пошелъ въ комнату Натальи Савишны, рассчитывая помѣститься на ея постели, на мягкомъ пуховикѣ, подъ теплымъ стеганымъ одѣяломъ. Когда я вошелъ, Наталья Савишна лежала на своей постели и, должно-быть, спала; услыжавъ шумъ моихъ шаговъ, она приподнялась, откинула шерстяной платокъ, которымъ отъ мухъ была покрыта ея голова, и, поправляя чепецъ, усѣлась на край кровати.

Такъ какъ еще прежде довольно часто случалось, что послѣ обѣда я приходилъ спать въ ея комнату, она догадалась, зачѣмъ я пришелъ, и сказала мнѣ, приподнимаясь съ постели:

— Что? вѣрно отдохнуть пришли, мой голубчикъ? Ложитесь.

— Что вы, Наталья Савишна!—сказалъ я, удерживая ее за руку:—я совсѣмъ не за этимъ... Я такъ пришелъ... да вы и сами устали: лучше ложитесь вы.

— Нѣтъ, батюшка я ужъ выспалась, — сказала она мнѣ (я зналъ, что она не спала трое сутокъ).— Да и не до сна теперь,—прибавила она съ глубокимъ вздохомъ.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ Натальей Савишной о нашемъ несчастіи; я зналъ ея искренность и любовь, и потому поплакать съ нею было бы для меня отрадой.

— Наталья Савишна,—сказалъ я, помолчавъ немного и усаживаясь на постель,—ожидали ли вы этого?

Старушка посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ и любопытствомъ, должно-быть, не понимая, для чего я спрашиваю у нея это.

— Кто могъ ожидать этого?—повторилъ я.

— Ахъ, мой батюшка,—сказала она, кинувъ на меня взглядъ самаго нѣжнаго состраданія,—не то, чтобъ ожидать, а я и теперь подумать-то не могу. Ну, ужъ мнѣ, старухѣ, давно бы пора сложить старыя кости на покой; а то вотъ до чего довелось дожить: стараго барина, вашего дѣдушку—вѣчная память!—князя Николая Михайловича, двухъ братьевъ, сестру Аннушку, всѣхъ схоронила, и всѣ моложе меня были, мой батюшка, а вотъ теперь—видно, за грѣхи мои—и ее пришлось пережить. Его святая воля! Онъ затѣмъ и взялъ ее, что она достойна была, а Ему добрыхъ и тамъ нужно.

Эта простая мысль отрадно поразила меня, и я ближе придвинулся къ Натальѣ Савишнѣ. Она сложила руки на груди и взглянула кверху; впалые влажные глаза ея выражали великую, но спокойную печаль. Она твердо

надѣялась, что Богъ не надолго разлучилъ ее съ тою, на которой столько лѣтъ была сосредоточена вся сила ея любви.

— Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я ее еще няньчила, пеленала, и она меня Нашей называла. Бывало, прибѣжитъ ко мнѣ, обхватить ручонками и начнетъ цѣловать и приговаривать: „Нашикъ мой, красавчикъ мой, индюшечка ты моя“. А я, бывало, пошучу — говорю: „не-правда, матушка, вы меня не любите; вотъ дай только вырастете большія, выйдете замужъ и Нашу свою забудете“. Она, бывало, задумается. Нѣтъ, говорить, я лучше замужъ не пойду, если нельзя Нашу съ собой взять; я Нашу никогда не покину. А вотъ покинула же и не дождалась. И любила же она меня, покойница! Да кого она и не любила, правду сказать! Да, батюшка, вашу маменьку вамъ забывать нельзя; это не человѣкъ былъ, а ангель небесный. Когда ея душа будетъ въ царствіи небесномъ, она и тамъ будетъ васъ любить и тамъ будетъ на васъ радоваться.

— Отчего же вы говорите, Наталья Савишна: когда будетъ въ царствіи небесномъ? — спросилъ я. — Вѣдь она, я думаю, и теперь ужъ тамъ.

— Нѣтъ, батюшка, — сказала Наталья Савишна, понизивъ голосъ и усаживаясь ближе ко мнѣ на постели, — теперь ея душа здѣсь.

И она указывала вверхъ. Она говорила почти шопотомъ и съ такимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, что я невольно поднималъ глаза кверху, смотрѣлъ на картины и искалъ чего-то.

— Прежде чѣмъ душа праведника въ рай идетъ, она еще сорокъ мытарствъ проходитъ, мой батюшка, сорокъ дней и можетъ еще въ своемъ домѣ быть...

Долго еще говорила она въ томъ же родѣ и говорила съ такою простотою и увѣренностью, какъ будто рассказывала вещи самыя обыкновенныя, которыя сама видала и насчетъ которыхъ никому и въ голову не могло придти ни малѣйшаго сомнѣнія. Я слушалъ ее, притаивъ

дыханіе, и, хотя не понималъ хорошенько того, что она говорила, вѣрилъ ей совершенно.

— Да, батюшка, теперь она здѣсь, смотритъ на насъ, слушаетъ, можетъ-быть, что мы говоримъ, — заключила Наталья Савишна.

И, опустивъ голову, замолчала. Ей понадобилась платокъ, чтобъ утереть надавншія слезы; она встала, взглянула мнѣ прямо въ лицо и сказала дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— На много ступеней подвинулъ меня этимъ къ Себѣ Господь. Что мнѣ теперь здѣсь осталось? для кого мнѣ жить? кого любить?

— А пасъ развѣ вы не любите?—сказалъ я съ упрямомъ и едва удерживаясь отъ слезъ.

— Богу извѣстно, какъ я васъ люблю, моихъ голубчиковъ, но ужъ такъ любить, какъ я ее любила, никого не любила, да и не могу любить.

Она не могла больше говорить, отвернулась отъ меня и громко зарыдала.

И не думалъ уже спать; мы молча сидѣли другъ противъ друга и плакали.

Въ комнату вошелъ Фока; замѣтивъ наше положеніе и, должно-быть, не желая тревожить пасъ, онъ, молча и робко поглядывая, остановился у дверей.

— Зачѣмъ ты, Фокаша?—спросила Наталья Савишна, утираясь платкомъ.

— Изюму полтора, сахару четыре фунта и сарачинскаго ишена три фунта для кутьи-съ.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка,—сказала Наталья Савишна, торопливо попохала табаку и скорыми шажками пошла къ сундуку. Послѣдніе слѣды печали, произведенной нашимъ разговоромъ, исчезли, когда она принялась за свою обязанность, которую считала весьма важной.

— На что четыре фунта?—говорила она ворчливо, доставая и отвѣшивая сахаръ на безменѣ, — и три съ половиной довольно будетъ.

И она сняла съ вѣсовъ нѣсколько кусочковъ.

— А это па что похоже, что вчера только восемь фунтовъ пшена отпустила, опять спрашиваютъ! Ты какъ хочешь, Фока Демидычъ, а я пшена не отпущу. Этотъ Ванька радъ, что теперь суматоха въ домѣ: онъ думаетъ, авось не замѣтятъ. Нѣтъ, я потачки за барское добро не дамъ. Ну, выдавное ли это дѣло—восемь фунтовъ?

— Какъ же быть-съ? Онъ говоритъ, все вышло.

— Ну, па, возьми, па! пусть возьметъ!

Меня поразило тогда этотъ переходъ отъ трогательнаго чувства, съ которымъ она со мной говорила, къ ворчливости и мелочнымъ расчетамъ. Разсуждая объ этомъ впоследствии, я понялъ, что, несмотря на то, что у нея дѣлалось въ душѣ, у нея доставало довольно присутствія духа, чтобы заниматься своимъ дѣломъ, а сила привычки тянула ее къ обыкновеннымъ занятіямъ. Горе такъ сильно подѣйствовало на нее, что она не находила нужнымъ скрывать, что можетъ заниматься посторонними предметами; она даже и не поняла бы, какъ можетъ придти такая мысль.

Тщеславіе есть чувство самое несообразное съ истинною горестью, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство это такъ крѣпко привито къ натурѣ человѣка, что очень рѣдко даже самое сильное горе изгоняетъ его. Тщеславіе въ горести выражается желаніемъ казаться или огорченнымъ, или несчастнымъ, или твердымъ, и эти низкія желанія, въ которыхъ мы не признаемся, но которыя почти никогда—даже въ самой сильной печали—не оставляютъ насъ, лишаютъ ее силы, достоинства и искренности. Наталья же Савишна была такъ глубоко поражена своимъ несчастіемъ, что въ душѣ ея не оставалось ни одного желанія, и она жила только по привычкѣ.

Выдавъ Фокѣ требуемую провизию и напомнивъ ему о пирогѣ, который надо бы приготовить для угощенія причта, она отпустила его, взяла чулокъ и опять сѣла подлѣ меня.

Разговоръ начался про то же, и мы еще разъ заплакали и еще разъ утерли слезы.

Бесѣды съ Натальей Савишной повторялись каждый день; ея тихія слезы и спокойныя набожныя рѣчи доставляли мнѣ отраду и облегченіе.

Но скоро насъ разлучили: черезъ три дня послѣ хорошаго мы всемоу домоу пріѣхали въ Москву, и мнѣ суждено было никогда больше не видать ея.

Бабушка получила ужасную вѣсть только съ нашимъ пріѣздомъ, и горестъ ея была необыкновенна. Насъ не пускали къ ней, потому что она цѣлую педѣлю была въ безпамятствѣ, доктора боялись за ея жизнь, тѣмъ болѣе, что она не только не хотѣла принимать никакого лѣкарства, но ни съ кѣмъ не говорила, не спала и не принимала никакой пищи. Иногда, сидя одна въ комнатѣ на своемъ креслѣ, она вдругъ начинала смѣяться, потомъ рыдать безъ слезъ, съ ней дѣлались конвульсіи и она кричала неистовымъ голосомъ безсмысленныя или ужасныя слова. Это было первое сильное горе, которое поразило ее, и это горе привело ее въ отчаяніе. Ей нужно было обвинять кого-нибудь въ своемъ несчастіи, и она говорила страшныя слова, грозила кому-то, съ необыкновенною силой вскакивала съ кресла, скорыми, большими шагами ходила по комнатѣ и потомъ падала безъ чувствъ.

Однѣй разъ я вошелъ въ ея комнату; она сидѣла, но обыкновенно, на своемъ креслѣ и, казалось, была спокойна; но меня поразилъ ея взглядъ. Глаза ея были очень открыты, но зорь неопредѣленъ и тупъ: она смотрѣла прямо на меня, но, должно-быть, не видала. Губы ея начали медленно улыбаться, и она заговорила трогательнымъ, нѣжнымъ голосомъ: „Поди сюда, мой дружокъ, подойди, мой ангелъ“. Я думалъ, что она обращается ко мнѣ, и подошелъ ближе, но она смотрѣла не на меня. „Ахъ, коли бы ты знала, душа моя, какъ я мучилась и какъ теперь рада, что ты пріѣхала...“ Я понялъ, что она воображала видѣть татанъ, и остановился. „А мнѣ сказали, что тебя нѣтъ,—продолжала она нахмурившись,—вотъ вздоръ! Развѣ ты можешь умереть прежде меня?“ И она захохотала страшнымъ истерическимъ хохотомъ.

Только люди, способные сильно любить, могут испытывать и сильныя огорченія; но та же потребность любить служить для нихъ противодѣйствиемъ горести и исцѣляетъ ихъ. Отъ этого моральная природа человѣка еще живучѣе природы физической. Горе никогда не убиваетъ.

Черезъ недѣлю бабушка могла плакать, и ей стало лучше. Первою мыслью ея, когда она пришла въ себя, были мы, и любовь ея къ намъ увеличилась. Мы не отходили отъ ея кресла; она тихо плакала, говорила про маман и нѣжно ласкала насъ.

Въ голову никому не могло придти, глядя на печаль бабушки, чтобъ она преувеличивала ее, и выраженія этой печали были сильны и трогательны; но, не знаю почему, я больше сочувствовалъ Натальѣ Савишнѣ, и до сихъ поръ убѣжденъ, что никто такъ искренно и чисто не любилъ и не сожалѣлъ о маман, какъ это простодушное и любящее созданіе.

Со смертью матери окончилась для меня счастливая пора дѣтства и началась новая эпоха—эпоха отрочества; но такъ какъ воспоминанія о Натальѣ Савишнѣ, которой я больше не видалъ и которая имѣла такое сильное и благое вліяніе на мое направленіе и развитіе чувствительности, принадлежатъ къ первой эпохѣ, скажу еще нѣсколько словъ о ней и ея смерти.

Послѣ нашего отъѣзда, какъ мнѣ потомъ рассказывали люди, оставшіеся въ деревнѣ, она очень скучала отъ бездѣлья. Хотя все сундуки были еще на ея рукахъ и она не переставала рыться въ нихъ, перекладывать, развѣшивать, раскладывать, по ей не доставало шуму и суетливости барскаго, обитаемаго господами, деревенскаго дома, къ которому она съ дѣтства привыкла. Горе, перемѣна образа жизни и отсутствіе хлопотъ скоро развили въ ней старческую болѣзнь, къ которой она имѣла склонность. Ровно черезъ годъ послѣ смерти матушки у нея открылась водяная и она слегла въ постель.

Тяжело, я думаю, было Натальѣ Савишнѣ жить и еще тяжелѣе умереть одной въ большомъ пустомъ петров-

скомъ домѣ, безъ родныхъ, безъ друзей. Всѣ въ домѣ любили и уважали Наталью Савишну; но она ни съ кѣмъ не имѣла дружбы и гордилась этимъ. Она полагала, что въ ея положеніи—экономки, пользующейся довѣренностью своихъ господъ и имѣющей на рукахъ столько сундуковъ со всякимъ добромъ—дружба съ кѣмъ-нибудь непременно повела бы ее къ лицепріятію и преступной снисходительности; поэтому или, можетъ-быть, потому, что не имѣла ничего общаго съ другими слугами, она удалялась всѣхъ и говорила, что у нея въ домѣ нѣтъ ни кумовьевъ, ни сватовъ и что за барское добро она никому потачки не дастъ.

Повѣряя Богу въ теплой молитвѣ свои чувства, она искала и находила утѣшеніе; но иногда, въ минуты слабости, которымъ мы всѣ подвержены, когда лучшее утѣшеніе для человѣка доставляютъ слезы и участіе живого существа, она клала себѣ на постель свою собачонку моську (которая лизала ея руки, уставивъ на нее свои желтые глаза), говорила съ ней и тихо плакала, лаская ее. Когда моська начинала жалобно выть, она старалась успокоить ее и говорила: „Полно, я и безъ тебя знаю, что скоро умру“.

За мѣсяць до своей смерти она достала изъ своего сундука бѣлаго коленкору, бѣлой кисеи и розовыхъ лентъ; съ помощью своей дѣвушки сшила себѣ бѣлое платье, чепчикъ и до малѣйшихъ подробностей распорядилась всѣмъ, что нужно было для ея похоронъ. Она тоже разобрала барскіе сундуки и съ величайшею отчетливостью, по описи, передала ихъ приказчицѣ; потомъ достала два шелковыхъ платья, старинную шаль, подаренныя ей когда-то бабушкой, дѣдушкинъ военный мундиръ, шитый золотомъ, тоже отдалшій въ ея полную собственность. Благодаря ея заботливости, шитье и галуны на мундирѣ были совершенно свѣжи и сукно не тронута молью. Передъ кончиной она изъявила желаніе, чтобъ одно изъ этихъ платьевъ—розовое—было отдано Володѣ на халатъ или бешметъ, другое—шосовое, въ клѣткахъ—мнѣ, для того же употребленія, а шаль—Любочкѣ. Мундиръ она

завѣщала тому изъ насъ, кто прежде будетъ офицеромъ. Все остальное свое имущество и деньги, исключая сорока рублей, которые она отложила на погребеніе и поминаніе, она предоставила получить своему брату. Братъ ей, еще давно отпущенный на волю, проживалъ въ какой-то дальней губерніи и велъ жизнь самую распутную, потому при жизни своей она не имѣла съ нимъ никакихъ сношеній.

Когда братъ Натальи Савишна явился для полученія наслѣдства, и всего имущества покойной оказалось на двадцать пять рублей ассигнаціями, онъ не хотѣлъ вѣрить этому и говорилъ, что не можетъ быть, чтобы старуха, которая шестьдесятъ лѣтъ жила въ богатомъ домѣ, все на рукахъ имѣла, весь свой вѣкъ жила скупно и надъ всякою тряпкой тряслась, — чтобы она ничего не оставила. Но это дѣйствительно было такъ.

Наталья Савишна два мѣсяца страдала отъ своей болѣзни и переносила страданія съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ; не ворчала, не жаловалась, а только, по своей привычкѣ, безпрестанно поминала Бога. За часъ передъ смертью она съ тихой радостью исповѣдалась, причастилась и соборовалась масломъ.

У всѣхъ домашнихъ она просила прощенія за обиды, которыя могла причинить имъ, и просила духовника своего, отца Василія, передать всѣмъ намъ, что не знаемъ, какъ благодарить насъ за наши милости, и проситъ насъ простить ее, если по глупости своей огорчила кого-нибудь, „но воровкой никогда не была и могу сказать, что барскою ниткой не поживилась“. Это было одно качество, которое она цѣнила въ себѣ.

Надѣвъ приготовленный капотъ и чепчикъ и облокотившись на подушки, она до самаго конца не переставала разговаривать съ священникомъ, вспоминала, что ничего не оставила бѣднымъ, достала десять рублей и просила его раздать ихъ въ приходѣ; потомъ перекрестилась, легла и въ послѣдній разъ вздохнула, съ радостною улыбкой произнося имя Божіе.

Она оставляла жизнь безъ сожалѣнія, не боялась смерти и приняла ее какъ благо. Часто это говорятъ, но какъ рѣдко дѣйствительно бываетъ! Наталья Савишна могла не бояться смерти потому, что она умирала съ непоколебимою вѣрой и исполнивъ законъ Евангелія. Вся жизнь ея была чистая, безкорыстная любовь и самоотверженіе.

Что жъ! ежели ея вѣрованія могли бы быть возвышеннѣе, ея жизнь направлена къ болѣе высокой цѣли,— развѣ эта чистая душа отъ этого меньше достойна любви и удивленія?

Она совершила лучшее и величайшее дѣло въ этой жизни—умерла безъ сожалѣнія и страха.

Ее похоронили, по ея желанію, недалеко отъ часовни, которая стоитъ на могилѣ матушки. Заросшія кропивой и репейникомъ бугорокъ, подъ которымъ она лежитъ, огороженъ черною рѣшеткой, и я никогда не забываю изъ часовни подойти къ этой рѣшеткѣ и положить земной поклонъ.

Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черною рѣшеткой. Въ душѣ моей вдругъ пробуждаются тяжелыя воспоминанія. Мнѣ приходитъ мысль: неужели Провидѣніе для того только соединило меня съ этими двумя существами, чтобы вѣчно заставить сожалѣть о нихъ?..

ОТРОЧЕСТВО.

ОТРОЧЕСТВО.

Повѣсть.

I.

Поѣздка на долгихъ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу петровскаго дома: одинъ—карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и *самъ* приказчикъ Яковъ на козлахъ; другой—бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей, а недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шанки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

„Ну, Христосъ съ вами! трогай!“ Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шанки и крестятся. „Но, но! съ Богомъ!“ Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи одна за другой бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ, связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ сознанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

Рѣдко проводилъ я нѣсколько дней—не скажу весело: мнѣ еще какъ-то совѣтно было предаваться веселью,—

но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня передъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на который и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простыя дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни изъ страха оскорбить какъ-нибудь ея память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бывають люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать, и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василя видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло, векакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвши какъ ракъ, раздуваетъ Митька-форейторъ; на дворѣ сыро и туманно, какъ будто паръ поднимается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба и соломенныя крыши просторныхъ павѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцевитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними видѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ, и слышно ихъ мѣрное жеваніе. Какая-нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкою рысцою отправляется въ другую сторону двора. Хлопотунья-хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонной сосѣдкой. Фи-

липпъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное съ окладистою бородой лицо Филиппа и на толстые жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движеніе. Маша съ различными предметами, которые она платьемъ старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще перебѣгаетъ мимо насъ; наконецъ отворяется дверь, и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну выѣзжать ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнія, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ, и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховый чайный ящикъ съ треугольною крышкою, который отдаютъ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обмнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкою и дикою лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящей росой зелени; кое-гдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракета или молодая березка съ мелкими клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и мелкую

зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсенъ жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ сѣдѣннаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать—признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я по какимъ-нибудь обстоятельствамъ забываю исполнить этотъ обрядъ, со мной случается какое-нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваюсь въ уголь брички, читаю молитвы, крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду, въ разсѣянности, повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, видируются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными оборванными опучами и обуты въ тяжелыя лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ одна за другой, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе, и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска четверкой на почтовыхъ быстро несетъ навстрѣчу. Двѣ секунды—и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго и что ихъ никогда, можетъ-быть, и не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя косматыя лошади въ хомутахъ съ захлестнутыми за шлеи постромками, и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапо-

гахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которой на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка чуть слышно побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень-ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лицо и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, беспечнаго довольства, что мнѣ кажется верхомъ счастья быть ямщикомъ, ѣздить обратнымъ путемъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ, далеко за оврагомъ виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленою крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? Отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ воевъ, запряженныхъ тройками сытыхъ, толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороной. „Что везете?“ спрашиваетъ Василій у перваго извозчика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально-безмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. „Съ какимъ товаромъ?“ обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго подъ новою рогожей лежитъ другой извозчикъ. Русая голова съ краснымъ лицомъ и рыжеватою бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно-презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается—и мнѣ приходятъ мысли, что вѣрно эти извозчики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ...

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на кривыя цифры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно беспокоить меня, я, нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовыя столбы и цифры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія

насчетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. „Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати шести, а до Липецъ сорокъ одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько?“ и т. д.

— Василій,—говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ *удить рыбу* на козлахъ,—пусти меня на козлы, голубчикъ.—Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами; онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изученныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филипъ?—нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ?

— А Неручинская ничего не везетъ,—говорю я.

— Дьячка нельзя налѣво впрягать,—говоритъ Филипъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе:—не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую пристяжку запрягать. Налѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филипъ съ этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая вожжой изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и, несмотря на то что Дьячокъ старается изъ всѣхъ силъ и воротить всю бричку, Филипъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть неизвѣстно для чего свою шляпу на одинъ бокъ, хоть она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такою счастливою минутой и прошу Филипа дать мнѣ *поправить*. Филипъ даетъ мнѣ сначала одну вожжу, потомъ другую; наконецъ всѣ шесть вожжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Фи-

липпу, спрашиваю у него, хорошо ли, но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говорить, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня вожжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуться, какъ мыльные пузыри, выше и выше сходятся и принимаютъ темно-сѣрые тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій съ удивительною ловкостью на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ вотрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы все выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отпавляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣе. Иногда во время жары, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ въ бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пицить при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ ужъ запахло деревней—дымомъ, дегтемъ, баранками, слышались звуки говора, шаговъ и колесъ: бубенчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однѣхъ рубашонкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро сѣменя въ

пыли босыми ножонками, несмотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить проѣзжающихъ. Тпруу! ворота скрипятъ, вальки цѣпляются за воротнища, и мы въѣжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

II.

Г р о з а.

Солнце склонялось къ западу и косыми жаркими лучами невыносимо жгло мнѣ шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленныхъ краевъ брички; густая пыль поднималась по дорогѣ и наполняла воздухъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, который бы относилъ ее. Впереди насъ, на одинаковомъ разстояніи, мѣрно покачивался высокій запыленный кузовъ кареты съ важами, изъ-за котораго виднѣлись изрѣдка кнутъ, которымъ помахивалъ кучеръ, его шляпа и фуражка Якова. Я не зналъ, куда дѣваться: ни черное отъ пыли лицо Володи, дремавшаго возлѣ меня, ни движенія спины Филиппа, ни длинная тѣнь нашей брички, подъ косымъ угломъ бѣжавшая за нами, не доставляли мнѣ развлеченія. Все мое вниманіе было обращено на верстовые столбы, которые я замѣчалъ издалека, и на облака, прежде разсыпанные по небосклону, которыя, принявъ зловѣщія черныя тѣни, теперь собирались въ одну большую мрачную тучу. Изрѣдка погромывивалъ дальній громъ. Это послѣднее обстоятельство болѣе всего усиливало мое нетерпѣніе скорѣе пріѣхать на постоянный дворъ. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни осталось еще верстъ десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся Богъ знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освѣ-

шаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самаго горизонта. Изрѣдка вдаль вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, постепенно усиливающийся, приближающійся и переходящій въ прерывистые раскаты, обнимающіе весь небосклонъ. Василій приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички; кучера надѣваютъ армяки и при каждомъ ударѣ грома снимаютъ шапки и крестятся; лошади настораживаютъ уши, раздуваютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце; вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бѣло-мутнаго цвѣта, ярко выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ березъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самую грудь лошадей; галки съ растрепанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожанаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропуская къ намъ порывы влажнаго вѣтра, и, размахиваясь, бьются о кузовъ брички. Молнія вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновеніе освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся къ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. Гнѣвъ Божій! какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорѣе и скорѣе; по спинамъ Василия и Филиппа, который нетерпѣливо помахиваетъ вожжами, я замѣчаю, что они боятся. Бричка шибко катится подъ гору и стучить по дощатому мосту; я боюсь пошевелиться и съ минуты на минуту ожидаю нашей общей гибели.

Тпру! оторвался валежъ, и на мосту, несмотря на безпрерывные оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Прислонивъ голову къ краю брички, я съ захватывающимъ дыханіемъ замираніемъ сердца безнадежно слѣжу за движеніями толстыхъ черныхъ пальцевъ Филиппа, который медлительно захлестываетъ петлю и выравниваетъ постромки, толкая пристяжную и ладонью и кнутовищемъ.

Тревожныя чувства тоски и страха увеличивались во мнѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ грозы, но когда пришла величественная минута безмолвія, обыкновенно предшествующая разраженію грозы, чувства эти дошли до такой степени, что, продолжись это состояніе еще четверть часа, я увѣренъ, что умеръ бы отъ волненія. Въ это самое время изъ-подъ моста вдругъ появляется въ одной грязной дырjавой рубахѣ какое-то человѣческое существо съ опухшимъ, бессмысленнымъ лицомъ, качающеюся, ничѣмъ непокрытою, обстриженной головой, кривыми безмускульными ногами и съ какою-то красною, глянцовитою культишкою вмѣсто руки, которую онъ суетъ прямо въ бричку.

„Ба-а-шка! убо-го-му Хри-ста ра-ди“, звучитъ болѣзненный голосъ, и нищій съ каждымъ словомъ крестится и кланяется въ поясъ.

Не могу выразить чувства холоднаго ужаса, охватившаго мою душу въ эту минуту. Дрожь пробѣгала по моимъ волосамъ, а глаза съ бессмыслиемъ страха были устремлены на нищаго.

Василій, въ дорогѣ подающій милостыню, даетъ наставленія Филиппу насчетъ укрѣпленія валька и, только когда уже готово и Филиппъ, собирая вожжи, лѣзетъ на козлы, начинаетъ что-то доставать изъ бокового кармана.

Но только что мы трогаемся, ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и безъ малѣйшаго промежутка сопровождается такимъ оглушительнымъ трескомъ грома, что, кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ еще усиливается; гривы и хвосты лошадей, шинель Василя и края фартука принимаютъ одно направление и отчаянно развѣваются отъ порывовъ неистоваго вѣтра. На кожаный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдругъ какъ будто кто-то забарабанилъ надъ нами, и вся окрестность огласилась равномернымъ шумомъ падающаго дождя. По движеніямъ локтей Василя я замѣчаю, что онъ развязываетъ кошелекъ; нищій, продолжая креститься и кланяться, бѣжитъ подлѣ самыхъ колесъ, такъ что, того и гляди, раздавятъ его. „Подай Христа ради“. Наконецъ мѣдный грошъ летитъ мимо насъ, и жалкое созданіе въ обтянувшемъ его худые члены, промокшемъ до нитки рубищѣ, качаясь отъ вѣтра, въ недоумѣніи останавливается посреди дороги и исчезаетъ изъ моихъ глазъ.

Косой дождь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, лить какъ изъ ведра; съ фризовой спины Василя текли потоки въ лужу мутной воды, образовавшуюся на фартукѣ. Сначала сбитая катышками пыль превратилась въ жидкую грязь, которую мѣсили колеса; толчки стали меньше, и по глинистымъ колеямъ потекли мутные ручьи. Молнія свѣтила шире и блѣднѣе, и раскаты грома уже были не такъ поразительны за равномернымъ шумомъ дождя.

Но вотъ дождь становится мельче; туча начиняетъ раздѣляться на волнистыя облака, свѣтлѣтъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно быть солнце, и сквозь сѣровато-бѣлые края тучи чуть виднѣется клочокъ ясной лазури. Черезъ минуту робкій лучъ солнца уже блеститъ въ лужахъ дороги, на полосахъ падающаго, какъ сквозь сито, мелкаго, прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Черная туча такъ же грозно застилаетъ противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь

ея. Я испытываю невыразимо отрадное чувство надежды жизни, быстро замѣняющее во мгнѣ тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается такъ же, какъ и освѣженная, повеселѣвшая природа. Василій откидываетъ воротникъ шинели, снимаетъ фуражку и отряхиваетъ ее; Володя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно впиваю въ себя освѣженный, душистый воздухъ. Блестящій, обмытый кузовъ кареты съ важами и чемоданами покачивается передъ нами, спины лошадей, шлеи, вожжи, шины колесъ — все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги необозримое озимое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрою землею и зеленью и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго горизонта; съ другой стороны осиновая роща, поросшая орѣховымъ и черемушнымъ подсѣдомъ, какъ бы въ избыткѣ счастья стоитъ, не шелохнется и медленно роняетъ съ своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣтлыя капли дождя на сухіе прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселою пѣснью и быстро надаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое движеніе маленькихъ птичекъ, и изъ середины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіалки, прѣлаго листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу успѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтки распутившейся черемухи, бью себя ими по лицу и ушиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ. Не обращая даже вниманія на то, что къ сапогамъ моимъ липнутъ огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бѣгу къ окну кареты.

— Любочка! Катенька! — кричу я, подавая туда нѣсколько вѣтокъ черемухи, — посмотрите, какъ хорошо!

Дѣвочки пищатъ, ахаютъ; Мими кричитъ, чтобъ я ушелъ, а то меня непременно раздавятъ.

— Да ты попохай, какъ пахнетъ! — кричу я.

III.

Новый взглядъ.

Катенька сидѣла подлѣ меня въ бричкѣ и, склонивъ свою хорошенькую головку, задумчиво слѣдила за убѣгающею подъ колесами пыльною дорогой. Я молча смотрѣлъ на нее и удивлялся тому не дѣтски-грустному выраженію, которое въ первый разъ встрѣчалъ на ея розовенькомъ личикѣ.

— А вотъ скоро мы и приѣдемъ въ Москву,—сказала я.—Какъ ты думаешь, какая она?

— Не знаю,—отвѣчала она нехотя.

— Ну, все-таки какъ ты думаешь: больше Серпухова или нѣтъ?..

— Что?

— Я ничего.

Но по тому инстинктивному чувству, которымъ одинъ человѣкъ угадываетъ мысли другого и которое служить путеводною нитью разговора, Катенька поняла, что мнѣ больно ея равнодушіе; она подняла голову и обратилась ко мнѣ:

— Папа говорилъ вамъ, что мы будемъ жить у бабушки?

— Говорилъ; бабушка хочетъ совсѣмъ съ нами жить.

— И всѣ будемъ жить?

— Разумѣется; мы будемъ жить наверху въ одной половинѣ, вы—въ другой половинѣ, а папа—во флигелѣ, а обѣдать будемъ всѣ вмѣстѣ внизу у бабушки.

— Мама говоритъ, что бабушка такая важная, сердитая?

— Нѣтъ! Это только такъ кажется сначала. Она важная, но совѣмъ не сердитая; напротивъ, очень добрая, веселая. Коли бы ты видѣла, какой балъ былъ въ ея именины!

— Все-таки я боюсь ея; да, впрочемъ, Богъ знаетъ, будемъ ли мы...

Катенька вдругъ замолчала и опять задумалась.

— Что-о?—спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Ничего, я такъ.

— Нѣтъ, ты что-то сказала: „Богъ знаетъ“...

— Такъ ты говорилъ, какой былъ балъ у бабушки.

— Да, вотъ жалко, что васъ не было; гостей было пропасть, человѣкъ тысяча, музыка, генералы, и я танцеваль... Катенька! — сказалъ я вдругъ, останавливаясь на серединѣ своего описанія, — ты не слушаешь?

— Нѣтъ, слышу; ты говорилъ, что ты танцеваль.

— Отчего ты такая скучная?

— Не всегда же веселою быть.

— Нѣтъ, ты очень перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали изъ Москвы. Скажи, по правдѣ, — прибавилъ я съ рѣшительнымъ видомъ, поворачиваясь къ ней: — отчего ты стала какая-то странная?

— Будто я странная? — отвѣчала Катенька съ одушевленіемъ, которое доказывало, что мое замѣчаніе интересовало ее. — Я совѣмъ не странная.

— Нѣтъ, ты ужъ не такая, какъ прежде, — продолжалъ я: — прежде видно было, что ты во всемъ съ нами заодно, что ты насъ считаешь какъ родными и любишь такъ же, какъ и мы тебя, а теперь ты стала такая серьезная, удаляешься отъ насъ...

— Совѣмъ пѣть...

— Нѣтъ, дай мнѣ договорить, — перебилъ я, уже начиная ощущать легкое щекотанье въ носу, предшествующее слезамъ, которыя всегда наворачивались мнѣ на глаза, когда я высказывалъ давно сдержанную задуманную мысль: — ты удаляешься отъ насъ, разговариваешь только съ Мими, какъ будто не хочешь насъ знать.

— Да вѣдь нельзя же всегда оставаться одинаковыми: надобно когда-нибудь и перемѣниться,—отвѣчала Катенька, которая имѣла привычку объяснять все какою-то фаталистическою необходимостью, когда не знала, что говорить.

Я помню, что разъ, поссорившись съ Любочкой, которая назвала ее *глупой дивочкой*, она отвѣчала: „не вѣдь же умиымъ быть, надо и глупымъ быть“; но меня не удовлетворилъ отвѣтъ, что надо же и перемѣниться когда-нибудь, и я продолжалъ допрашивать:

— Для чего же это надо?

— Вѣдь не всегда же мы будемъ жить вмѣстѣ,—отвѣчала Катенька, слегка краснѣя и пристально вглядываясь въ спину Филиппа.—Маменька могла жить у покойницы вашей маменьки, которая была ея другомъ; а съ графиней, которая, говорятъ, такая сердитая, еще, Богъ знаетъ, сойдутся ли онѣ? Кромѣ того, все-таки когда-нибудь да мы разоидемя: вы богаты—у васъ есть Петровское, а мы бѣдныя—у маменьки ничего нѣтъ.

„Вы богаты—мы бѣдны...“—эти слова и понятія, связанные съ ними, показались мнѣ необыкновенно странны. Бѣдными по моимъ тогдашнимъ понятіямъ могли быть только нище и мужики, и это понятіе бѣдности я никакъ не могъ соединить въ своемъ воображеніи съ граціозною, хорошенькою Катенькой. Мнѣ казалось, что Мими и Катенька ежели всегда жили, то всегда и будутъ жить съ нами и дѣлить все поровну. Иначе и быть не могло.

Теперь же тысячи новыхъ, неясныхъ мыслей касательно одинокаго положенія ихъ заронились въ моей головѣ, и мнѣ стало такъ совѣстно, что мы богаты, а онѣ бѣдны, что я покраснѣлъ и не могъ рѣшиться взглянуть на Катеньку.

„Что жъ такое, что мы богаты, а онѣ бѣдны?—думалъ я.—И какимъ образомъ изъ этого вытекаетъ необходимость разлуки? Отчего же намъ не раздѣлить поровну того, что мы имѣемъ?“ Но я понималъ, что съ Катенькой не годится говорить объ этомъ, и какой-то практической

инстинктъ въ противоположность этимъ логическимъ размышленіямъ уже говорилъ мнѣ, что она права и что неугодно бы было объяснить ей свою мысль.

— Неужели точно ты уѣдешь отъ насъ? — сказали я. — Какъ же это мы будемъ жить врозь?

— Что же дѣлать, мнѣ самой больно; только ежели это случится, я знаю, что я сдѣлаю...

— Въ актрисы пойдешь... вотъ глупости! — подхватилъ я, зная, что быть актрисой было всегда любимой мечтой ея.

— Нѣтъ, это я говорила, когда была маленькою...

— Такъ что же ты сдѣлаешь?

— Пойду въ монастырь и буду тамъ жить, буду ходить въ черненькомъ платицѣ, въ бархатной шапочкѣ.

Катенька заплакала.

Случалось ли вамъ, читатель, въ извѣстную пору жизни вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто все предметы, которые вы видѣли до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстною еще стороною? Такого рода моральная перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ во время нашего путешествія, съ котораго я и считаю начало моего отрочества.

Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т.-е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не все интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь — людей, ничего не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это; но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ.

Мысль переходитъ въ убѣжденіе только однимъ извѣстнымъ путемъ, часто совершенно неожиданнымъ и особеннымъ отъ путей, которые, чтобы пріобрѣсти то же убѣжденіе, проходятъ другіе умы. Разговоръ съ Катенькой, сильно тронувшей меня и заставившей задуматься надъ ея будущимъ положеніемъ, былъ для меня этимъ путемъ.

Когда я глядѣлъ на деревни и города, которые мы проѣзжали, въ которыхъ въ каждомъ домѣ жило, по крайней мѣрѣ, такое же семейство, какъ паше, на женщинъ, дѣтей, которыя съ минутнымъ любопытствомъ смотрѣли на экипажъ и навсегда исчезали изъ глазъ, на лавочниковъ, мужиковъ, которые не только не кланялись намъ, какъ я привыкъ видѣть это въ Петровскомъ, но не удостоивали насъ даже взглядомъ, — мнѣ въ первый разъ пришлось въ голову вопросъ: что же ихъ можетъ занимать, ежели они нисколько не заботятся о насъ? И изъ этого вопроса возникли другіе: какъ и чѣмъ они живутъ? какъ воспитываютъ своихъ дѣтей? учатъ ли ихъ? пускаютъ ли играть? какъ наказываютъ и т. д.

IV.

Въ Москвѣ.

Съ пріѣздомъ въ Москву переменна моего взгляда на предметы, лица и свое отношеніе къ нимъ стала еще ощутительнѣе.

При первомъ свиданіи съ бабушкой, когда я увидаль ея худое морщинистое лицо и потухшіе глаза, чувство подобострастнаго уваженія и страха, которые я къ ней испытывалъ, замѣнилось состраданіемъ; а когда она, припавъ лицомъ къ головѣ Любочки, зарыдала такъ, какъ будто передъ ея глазами былъ трупъ ея любимой дочери, даже чувствомъ любви замѣнилось во мнѣ состраданіе. Мнѣ было неловко видѣть ея печаль при свиданіи съ нами; я сознавалъ, что мы сами по себѣ ничто въ ея глазахъ, что мы ей дороги только какъ воспоминаніе; я чувствовалъ, что въ каждомъ поцѣлуѣ, которымъ она покрывала мои щеки, выражалась одна мысль: ея пѣтъ, она умерла, я не увижу ея больше!

Папа, который въ Москвѣ почти совсѣмъ не занимался нами и съ вѣчно озабоченнымъ лицомъ только къ обѣду приходилъ къ намъ въ черномъ сюртукѣ или фракѣ, вмѣстѣ съ своими большими выпущенными воротничками

рубашки, халатомъ, старостами, приказчиками, прогулками на гумно и охотой, много потерялъ въ моихъ глазахъ. Карлъ Ивановичъ, котораго бабушка называла *дядькой* и который вдругъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, вздумалъ замѣнить свою почтенную, знакомую мнѣ лысину рыжимъ парикомъ съ штынымъ проборомъ почти посрединѣ головы, показался мнѣ такъ странно и смѣшонъ, что я удивлялся, какъ могъ я прежде не замѣчать этого.

Между дѣвочками и нами тоже появилась какая-то невидимая преграда; у нихъ и у насъ были уже свои секреты; какъ будто онѣ гордились передъ нами своими юбками, которыя становились длиннѣе, а мы — своими панталонами со штрипками. Мими же въ первое воскресенье вышла къ обѣду въ такомъ пышномъ платьѣ и съ такими лептами на головѣ, что ужъ сейчасъ видно было, что мы не въ деревнѣ и теперь все пойдетъ иначе.

V.

Старшій братъ.

Я былъ только годомъ и нѣсколькими мѣсяцами моложе Володи; мы росли, учились и играли всегда вмѣстѣ. Между нами не дѣлали различія старшаго и младшаго; но именно около того времени, о которомъ я говорю, я началъ понимать, что Володя не товарищъ мнѣ по годамъ, наклоностямъ и способностямъ. Мнѣ даже казалось, что Володя самъ сознаетъ свое первенство и гордится имъ. Такое убѣжденіе, можетъ-быть, и ложное, внушало мнѣ самолюбіе, страдавшее при каждомъ столкновеніи съ нимъ. Онъ во всемъ стоялъ выше меня: въ забавахъ, въ ученіи, въ ссорахъ, въ умѣннн держать себя, и все это отдаляло меня отъ него и заставляло испытывать непонятныя для меня моральныя страданія. Ежели бы, когда Володѣ въ первый разъ сдѣлали голландскія рубашки со складками, я сказалъ прямо, что мнѣ весьма досадно не имѣть такихъ, я увѣренъ, что мнѣ стало бы легче и не казалось

бы всякій разъ, когда онъ управлялъ воротнички, что онъ дѣлаетъ это для того только, чтобы оскорбить меня.

Меня мучило больше всего то, что Володя, какъ мнѣ иногда казалось, понималъ меня, но старался скрывать это.

Кто не замѣчалъ тѣхъ таинственныхъ безсловесныхъ отношеній, проявляющихся въ незамѣтной улыбкѣ, движеніи или взглядѣ между людьми, живущими постоянно вмѣстѣ: братьями, друзьями, мужемъ и женой, господиномъ и слугой, въ особенности когда люди эти не во всемъ откровенны между собой. Сколько недосказанныхъ желаній, мыслей и страха быть понятымъ выражается въ одномъ случайномъ взглядѣ, когда робко и нерѣшительно встрѣчаются ваши глаза!

Но, можетъ-быть, меня обманывала въ этомъ отношеніи моя излишняя воспріимчивость и склонность къ апализу; можетъ-быть, Володя совсѣмъ и не чувствовалъ того же, что я. Онъ былъ пылокъ, откровененъ и непостояненъ въ своихъ увлеченіяхъ. Увлекаясь самыми разнообразными предметами, онъ предавался имъ всею душой.

То вдругъ на него находила страсть къ картинкамъ: онъ самъ принимался рисовать, покупалъ на всѣ свои деньги, выпрашивалъ у рисовальнаго учителя, у папы, у бабушки; то страсть къ вещамъ, которыми онъ украшалъ свой столикъ, собирая ихъ по всему дому; то страсть къ романамъ, которые онъ доставалъ потихоньку и читалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ... Я невольно увлекался его страстями, но былъ слишкомъ гордъ, чтобы идти по его слѣдамъ, и слишкомъ молодъ и несамостоятеленъ, чтобы избрать новую дорогу. Но ничему я не завидовалъ столько, какъ счастливому, благородно-откровенному характеру Володи, особенно рѣзко выразившемуся въ ссорахъ, случившихся между нами. Я чувствовалъ, что онъ поступаетъ хорошо, но не могъ подражать ему.

Однажды, во время сильнѣйшаго пыла его страсти къ вещамъ, я подошелъ къ его столу и разбилъ нечаянно пустой разноцвѣтный флакончикъ.

— Кто тебя просилъ трогать мои вещи?—сказалъ вошедшій въ комнату Володя, замѣтивъ разстройство, произведенное мною въ симметріи разнообразныхъ украшеній его столика.—А гдѣ флакончикъ? Непремѣнно ты...

— Нечаянно уронилъ, онъ и разбился... Что жъ за бѣда?

— Сдѣлай милость, никогда *не смѣй* прикасаться къ моимъ вещамъ,—сказалъ онъ, составляя куски разбитаго флакончика и съ сокрушеніемъ глядя на нихъ.

— Пожалуйста, *не командуй*,—отвѣчалъ я.—Разбилъ, такъ разбилъ; что жъ тутъ говорить!

И я улынулся, хотя мнѣ совсѣмъ не хотѣлось улыбаться.

— Да, тебѣ ничего, а мнѣ *чего*,—продолжалъ Володя, дѣлая жестъ подергиванія плечомъ, который онъ наслѣдовалъ отъ папа.—Разбилъ, да еще и смѣется! Этакій не-носный *мальчишка*.

— Я мальчишка, а ты большой, да глупый.

— Не намѣренъ съ тобой браниться,—сказалъ Володя, слегка отталкивая меня,—убирайся.

— Не толкайся!

— Убирайся!

— Я тебѣ говорю: не толкайся!

Володя взялъ меня за руку и хотѣлъ оттащить отъ стола, но я уже былъ раздраженъ до послѣдней степени: схватилъ столъ за ножку и опрокинулъ его. „Такъ вотъ же тебѣ!“ и всѣ фарфоровыя и хрустальныя украшения съ дребезгомъ полетѣли на полъ.

— Отвратительный мальчишка! — закричалъ Володя, стараясь поддержать падающія вещи.

„Ну, теперъ все кончено между нами,—думалъ я, выходя изъ комнаты:—мы навѣкъ поссорились“.

До вечера мы не говорили другъ съ другомъ,—я чувствовалъ себя виноватымъ, боялся взглянуть на него и цѣлый день не могъ ничѣмъ заняться; Володя, напротивъ, учился хорошо и, какъ всегда, послѣ обѣда разговаривалъ и смѣялся съ дѣвочками.

Какъ только учитель кончалъ классъ, я выходилъ изъ комнаты: мнѣ страшно, неловко и совѣстно было оставаться одному съ братомъ. Послѣ вечерняго класса исторіи я взялъ тетради и направился къ двери. Проходя мимо Володи, несмотря на то, что мнѣ хотѣлось подойти и помириться съ нимъ, я надулся и старался сдѣлать сердитое лицо. Володя въ это самое время поднялъ голову и съ чуть замѣтною, добродушно-насмѣшливою улыбкой смѣло посмотрѣлъ на меня. Глаза наши встрѣтились, и я понялъ, что онъ понимаетъ меня, и то, что я понимаю, что онъ понимаетъ меня; но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться.

— Николенька!—сказалъ онъ мнѣ самымъ простымъ, нисколько не патетическимъ голосомъ,—полю сердиться. Извини меня, ежели я тебя обидѣлъ.

И онъ подалъ мнѣ руку.

Какъ будто, поднимаясь все выше и выше, что-то вдругъ стало давить меня въ груди и захватывать дыханіе; но это продолжалось только одну секунду: на глазахъ показались слезы, и мнѣ стало легче.

— Прости... ме...ня, Воло...дя,—сказалъ я, пожимая его руку.

Володя смотрѣлъ на меня, однако, такъ, какъ будто никакъ не понималъ, отчего у меня слезы на глазахъ...

VI.

Д р о б ь .

— Боже мой, порошокъ!..—воскликнула Мими задыхающимся отъ волненія голосомъ.—Что вы дѣлаете? Вы хотите ежечь домъ, погубить всѣхъ насъ...

И съ неописаннымъ выраженіемъ твердости духа Мими приказала всѣмъ посторониться, большими, рѣшительными шагами подошла къ разсыпанной дроби и, презирая опасность, могущую произойти отъ неожиданнаго взрыва, начала топтать ее ногами. Когда, по ея мнѣнію, опасность

уже миновала, она позвала Михея и приказала ему выбросить весь этотъ *порохъ* куда-нибудь подальше или всего лучше въ воду и, гордо встряхивая чепцомъ, направилась къ гостиной. „Очень хорошо за ними смотреть, нечего сказать“, проворчала она.

Когда папа пришелъ изъ флигеля и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли къ бабушкѣ, въ комнатѣ ея уже сидѣла Мими около окна и съ какимъ-то таинственно-официальнымъ выраженіемъ грозно смотрѣла мимо двери. Въ рукѣ ея находилось что-то завернутое въ нѣсколько бумажекъ. Я догадался, что это была дробь и что бабушкѣ уже все извѣстно.

Кромѣ Мими, въ комнатѣ бабушки находились еще горничная Гаша, которая, какъ замѣтно было по ея гнѣвному раскраснѣвшемуся лицу, была сильно разстроена, и докторъ Блюменталь, маленькій, рябоватый человекъ, который тщетно старался успокоить Гашу, дѣлая ей глазами и головой таинственные миротворные знаки.

Сама бабушка сидѣла нѣсколько бокомъ и раскладывала пасьянсъ — *Путешественникъ*, что всегда означало весьма неблагоприятное расположеніе духа.

— Какъ себя чувствуете нынче, маман? Хорошо почивали?—сказалъ папа, почтительно цѣлуя ея руку.

— Прекрасно, мой милый; кажется, знаете, что я всегда совершенно здорова, — отвѣчала бабушка такимъ тономъ, какъ будто вопросъ папа былъ самый неумѣстный и оскорбительный вопросъ. — Что жъ, хотите вы мнѣ дать чистый платокъ? — продолжала она, обращаясь къ Гашѣ.

— Я вамъ подала, — отвѣчала Гаша, указывая на бѣлый, какъ снѣгъ, батистовый платокъ, лежавшій на ручкѣ кресла.

— Возьмите эту грязную ветошку и дайте мнѣ чистый, моя милая.

Гаша подошла къ шифоньеркѣ, выдвинула ящикъ и такъ сильно хлопнула имъ, что стекла задрожали въ комнатѣ. Бабушка грозно оглянулась на всѣхъ насъ и продолжала пристально слѣдить за всѣми движеніями

горничной. Когда она подала ей, какъ мнѣ показалось, тотъ же самый платокъ, бабушка сказала:

— Когда же вы мнѣ натрете табакъ, моя милая?

— Время будетъ, такъ натру.

— Что вы говорите?

— Натру пынче.

— Ежели вы не хотите мнѣ служить, моя милая, вы бы такъ и сказали: я бы давно васъ отпустила.

— И отпустите, не заплачутъ,—проворчала вполголоса горничная.

Въ это время докторъ началъ было мигать ей, но она такъ гнѣвно и рѣшительно посмотрѣла на него, что онъ тотчасъ же потушился и занялся ключикомъ своихъ часовъ.

— Видите, мой милый, — сказала бабушка, обращаясь къ папа, когда Гаша, продолжая ворчать, вышла изъ комнаты, — какъ со мной говорятъ въ моемъ домѣ!

— Позвольте, татап, я самъ натру вамъ табакъ,—сказалъ папа, приведенный, повидимому, въ большое затрудненіе этимъ неожиданнымъ обращеніемъ.

— Нѣтъ, ужъ благодарю васъ: она вѣдь оттого такъ и груба, что знаетъ, никто кромѣ нея не умѣетъ стереть табакъ, какъ я люблю. Вы знаете, мой милый, — продолжала бабушка послѣ минутнаго молчанія, — что ваши дѣти нынче чуть было домъ не сожгли?

Папа съ почтительнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на бабушку.

— Да, они вотъ чѣмъ играютъ. Покажите имъ,—сказала она, обращаясь къ Мими.

Папа взялъ въ руки дробь и не могъ не улыбнуться.

— Да это дробь, татап,—сказалъ онъ;—это совсѣмъ не опасно.

— Очень вамъ благодарна, мой милый, что вы меня учите, только ужъ я стара слишкомъ...

— Нервы, нервы!—прошепталъ докторъ.

И папа тотчасъ обратился къ намъ:

— Гдѣ вы это взяли? И какъ смѣете шалить такими вещами?

— Нечего ихъ спрашивать, а надо спросить ихъ *дядьку*,—сказала бабушка, особенно презрительно выговаривая слово *дядька*,—чего онъ смотреть.

— Вольдемаръ сказалъ, что самъ Карлъ Ивановичъ далъ ему этотъ *порохъ*,—подхватила Мими.

— Ну, вотъ видите, какой онъ хорошій,—продолжала бабушка,—и гдѣ онъ, этотъ *дядька*, какъ бишь его?.. пошлите его сюда.

— Я его отпустилъ въ гости,—сказалъ папа.

— Это не резонъ: онъ всегда долженъ быть здѣсь. Дѣти не мои, а ваши, и я не имѣю права совѣтовать вамъ, потому что вы умнѣ меня,—продолжала бабушка,—но, кажется, пора бы нанять для нихъ гувернера, а не *дядьку*, нѣмецкаго мужика. Да, глупаго мужика, который ихъ ничему научить не можетъ, кромѣ дурнымъ манерамъ и тирольскимъ пѣснямъ. Очень нужно, я васъ спрашиваю, дѣтямъ умѣть пѣть тирольскія пѣсни? Впрочемъ, *теперь* некому объ этомъ подумать, и вы можете дѣлать, какъ хотите.

Слово „теперь“ значило: когда у нихъ нѣтъ матери, и вызвало грустныя воспоминанія въ сердцѣ бабушки; она опустила глаза на табакерку съ портретомъ и задумалась.

— Я давно уже думалъ объ этомъ,—поспѣшилъ сказать папа,—и хотѣлъ посоветоваться съ вами, маман: не пригласить ли намъ St.-Jérôm'a, который теперь по билетамъ даетъ имъ уроки?

— И прекрасно сдѣлаешь, мой другъ,—сказала бабушка уже не тѣмъ недовольнымъ голосомъ, которымъ говорила прежде:—St.-Jérôme, по крайней мѣрѣ, *gouverneur*, который пойметъ, какъ нужно вести *des enfants de bonne maison*, а не простой *menin*, *дядька*, который годенъ только на то, чтобы водить ихъ гулять.

— Я завтра же поговорю съ нимъ,—сказалъ папа.

И дѣйствительно, черезъ два дня послѣ этого разговора Карлъ Ивановичъ уступилъ свое мѣсто молодому щеголю-французу.

VI.

Исторія Карла Ивановича.

Поздно вечеромъ наканунѣ того дня, въ который Карлъ Ивановичъ долженъ былъ навсегда уѣхать отъ насъ, онъ стоялъ въ своемъ ваточномъ халатѣ и красной шапочкѣ подлѣ кровати и, пагнувшись надъ чемоданомъ, тщательно укладывалъ въ него свои вещи.

Обращеніе съ нами Карла Ивановича въ послѣднее время было какъ-то особенно сухо: онъ какъ будто избѣгалъ всякихъ съ нами сношеній. Вотъ и теперь, когда я вошелъ въ комнату, онъ взглянулъ на меня исподлобья и снова принялся за дѣло. Я прилегъ на свою постель, но Карлъ Ивановичъ, прежде строго запрещавшій дѣлать это, ничего не сказалъ мнѣ, и мысль, что онъ больше не будетъ ни бранить ни останавливать насъ, что ему нѣтъ теперь до насъ никакого дѣла, живо напомнила мнѣ предстоящую разлуку. Мнѣ стало грустно, что онъ разлюбилъ насъ, и хотѣлось выразить ему это чувство.

— Позвольте, я помогу вамъ, Карль Ивановичъ,— сказалъ я, подходя къ нему.

Карль Ивановичъ взглянулъ па меня и снова отвернулся, но въ бѣгломъ взглядѣ, который онъ бросилъ на меня, я прочелъ не равнодушнѣе, которымъ объяснялъ его холодность, но искреннюю, сосредоточенную печаль.

— Богъ все видитъ и все знаетъ, и на все Его святая воля, — сказалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ и тяжело вздыхая.— Да, Николенька,— продолжалъ онъ, замѣтивъ выраженіе непритворнаго участія, съ которымъ я смотрѣлъ на него,— моя судьба быть несчастливымъ съ самаго моего дѣтства и по гробовую доску. Мнѣ всегда платили зломъ за добро, которое я дѣлалъ людямъ, и моя награда не здѣсь, а оттуда,— сказалъ онъ, указывая на небо.— Когда бы вы знали мою исторію и все, что я перенесъ въ этой жизни!.. Я былъ сапожникъ, я былъ солдатъ, я былъ *дезертиръ*, я былъ фабрикантъ, я былъ учитель, и теперь нуль! и мнѣ, какъ Сыну Божію, некуда преклонить свою голову, — заключилъ онъ и, закрывъ глаза, опустился въ свое кресло.

Замѣтивъ, что Карль Ивановичъ находился въ томъ чувствительномъ расположеніи духа, въ которомъ онъ, не обращая вниманія на слушателей, высказывалъ для самого себя свои задушевные мысли, я, молча и не спускающая глазъ съ его добраго лица, сѣлъ на кровать.

— Вы не дитя, вы можете понимать. Я вамъ скажу свою исторію и все, что я перенесъ въ этой жизни. Когда-нибудь вы вспомните стараго друга, который васъ очень любилъ, дѣти!..

Карль Ивановичъ облокотился рукой о столикъ, стоявшій подлѣ него, понюхалъ табаку и, закативъ глаза къ небу, тѣмъ особеннымъ, мѣрнымъ горловымъ голосомъ, которымъ онъ обыкновенно диктовалъ намъ, началъ такъ свое повѣствованіе:

„*Я былъ несчастливъ ишо во чрева моей матери. Das Unglück verfolgte mich schon im Schosse meiner Mutter!*“ повторилъ онъ еще съ большимъ чувствомъ.

Такъ какъ Карлъ Ивановичъ не одинъ разъ, въ одинаковомъ порядкѣ, однихъ и тѣхъ же выраженія и съ постоянно неизмѣняемыми интонаціями рассказывалъ мнѣ въ послѣдствіи свою исторію, то я надѣюсь передать ее почти слово въ слово; разумѣется, исключая неправильности языка, о которой читатель можетъ судить по первой фразѣ. Была ли это дѣйствительно его исторія или произведеніе фантазіи, родившееся во время его одинокой жизни въ нашемъ домѣ, которому онъ и самъ началъ вѣрить отъ частаго повторенія, или онъ только украсилъ фантастическими фактами дѣйствительныя событія своей жизни,—я не рѣшилъ еще до сихъ поръ. Съ одной стороны, онъ съ слишкомъ живымъ чувствомъ и методическою послѣдовательностью, составляющими главные признаки правдоподобности, рассказывалъ свою исторію, чтобы можно было не вѣрить ей; съ другой стороны, слишкомъ много было поэтическихъ красотъ въ его исторіи, такъ что именно красоты эти вызывали сомнѣнія.

„Въ жилахъ моихъ течетъ благородная кровь графовъ фонъ-Зоммерблаттъ! In meinen Adern fließt das edle Blut der Grafen von Sommerblatt! Я родился шесть недѣль послѣ свадьбы. Мужъ моей матери (я звалъ его папенька) былъ арендаторъ у графа Зоммерблаттъ. Онъ не могъ позабыть стыда моей матери и не любилъ меня. У меня былъ маленькій братъ Johann и двѣ сестры; но я былъ чужой въ своемъ собственномъ семействѣ! Ich war ein Fremder in meiner eigenen Familie! Когда Johann дѣлалъ глупости, папенька говорилъ: „съ этимъ ребенкомъ Карломъ мнѣ не будетъ минуты покоя!“ и меня бранили и наказывали. Когда сестры сердились между собой, папенька говорилъ: „Карлъ никогда не будетъ послушный мальчикъ!“ и меня бранили и наказывали. Одна моя добрая маменька любила и ласкала меня. Часто она говорила мнѣ: „Карлъ, поди сюда въ мою комнату“, и она потихоньку цѣловала меня. „Бѣдный, бѣдный Карлъ,—сказала она,—никто тебя не любитъ, но я ни на кого тебя не

промѣняю. Объ одномъ тебя просить твоя маменька,— говорила она мнѣ: — учись хорошенько и будь всегда честнымъ человѣкомъ, Богъ не оставитъ тебя! Trachte nur ein ehrlicher Deutscher zu werden, — sagte sie, — und der liebe Gott wird dich nicht verlassen!“ И я старался. Когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ и я могъ итти къ причастію, моя маменька сказала моему папенькѣ: „Карлъ сталъ большой мальчикъ, Густавъ; что мы будемъ съ нимъ дѣлать?“ И папенька сказалъ: „я не знаю“. Тогда маменька сказала: „отдадимъ его въ городъ къ г. Шульцъ, пускай онъ будетъ сапожникъ!“ И папенька сказалъ: „хорошо“. Und mein Vater sagte: „gut“. Шестъ лѣтъ и семь мѣсяцевъ я жилъ въ городѣ у сапожнаго мастера, и хозяинъ любилъ меня. Онъ сказалъ: „Карлъ хорошій работникъ и скоро будетъ моимъ Geselle!“ Но... человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Въ 1796 году была назначена Conscription, и всѣ, кто могъ служить, отъ восемнадцати до двадцать перваго года, должны были собраться въ городъ.

„Папенька и братъ Johann приѣхали въ городъ, и мы вмѣстѣ пошли бросить Loos, кому быть Soldat и кому не быть Soldat. Johann вытащилъ дурной нумеро—онъ долженъ быть Soldat; я вытащилъ хорошій нумеро — я не долженъ быть Soldat. И папенька сказалъ: „у меня былъ одинъ сынъ, и съ тѣмъ я долженъ разстаться! Ich hatte einen einzigen Sohn und von diesem muss ich mich trennen!“

„Я взялъ его за руку и сказалъ: „зачѣмъ вы сказали такъ, папенька? Пойдемте со мной, я вамъ скажу что-нибудь“. И папенька пошелъ. Папенька пошелъ, и мы сѣли въ трактиръ за маленькій столикъ. „Дайте намъ пару Bierkrug“, я сказалъ, и намъ принесли. Мы выпили по стаканчикъ, и братъ Johann тоже выпилъ.

„— Папенька! — я сказалъ, — не говорите такъ, что „у васъ былъ одинъ сынъ и вы съ тѣмъ должны разстаться“. У меня сердце хочетъ *выпрыгнуть*, когда я

этого слышу. Братъ Johann не будетъ служить — я буду Soldat!.. Карль здѣсь никому не нуженъ и Карль будетъ Soldat.

„— Вы честный человекъ, Карль Ивановичъ! — сказалъ мнѣ папенька и поцѣловалъ меня. — Du bist ein braver Bursche! — sagte mir mein Vater und küsste mich.

„И я былъ солдатъ“.

VIII.

Продолженіе предыдущей.

„Тогда было страшное время, Николенька, — продолжалъ Карль Ивановичъ, — тогда былъ Наполеонъ. Онъ хотѣлъ завоевать Германію, и мы защищали свое отечество до послѣдней капли крови! Und wir vertheidigten unser Vaterland bis auf den letzten Tropfen Blut!

„Я былъ подь Ульмъ, я былъ подь Аустерлицъ! я былъ подь Ваграмъ! ich war bei Wagram!“

— Неужели вы тоже воевали? — спросилъ я, съ удивленіемъ глядя на него. — Неужели вы тоже убивали людей?

Карль Ивановичъ тотчасъ же успокоилъ меня на этотъ счетъ.

„Одинъ разъ французскій Grenadier отставалъ отъ своихъ и упалъ на дорогѣ. Я прибѣжалъ съ ружьемъ и хотѣлъ проколоть его, aber der Franzose warf sein Gewehr und rief pardon, и я пустилъ его!

„Подь Ваграмъ Наполеонъ загналъ насъ на островъ и окружилъ такъ, что никуда не было спасенія. Трое сутокъ у насъ не было провіанта, и мы стояли въ водѣ по колѣнки. Злодѣй Наполеонъ не бралъ и не пускалъ насъ! Und der Bösewicht Napoleon wollte uns nicht gefangen nehmen und auch nicht freilassen.

„На четвертые сутки насъ, слава Богу, взяли въ плѣнъ и отвели въ крѣпость. На мнѣ былъ синій панталонъ, мундиръ изъ хорошаго сукна, пятнадцать талеровъ денегъ и серебряные часы — подарокъ моего папеньки. Французскій Soldat все взялъ у меня. На мое счастье у меня были три червонца, которые маменька зашила мнѣ подъ фуфайку. Ихъ никто не нашелъ!

„Въ крѣпости я не хотѣлъ долго оставаться и рѣшился бѣжать. Одинъ разъ въ большой праздникъ я сказалъ сержанту, который смотрѣлъ за нами: „г. сержантъ, нынче большой праздникъ, я хочу вспомнить его. Принесите, пожалуйста, двѣ бутылочки мадеръ, и мы вмѣстѣ выпьемъ ее“. И сержантъ сказалъ: „хорошо“. Когда сержантъ принесъ мадеръ и мы выпили по рюмочкѣ, я взялъ его за руку и сказалъ: „г. сержантъ, можетъ-быть, и у васъ есть отецъ и мать!..“ Онъ сказалъ: „естъ, г. Мауеръ“. „Мой отецъ и мать,—я сказалъ,—восемь лѣтъ не видали меня и не знаютъ, живъ ли я, или кости мои давно лежатъ въ сырой землѣ. О, г. сержантъ! У меня есть два червонца, которые были подъ фуфайкой, возьмите ихъ и пустите меня. Будьте моимъ благодѣтелемъ, и моя маменька всю жизнь будетъ молить за васъ всемогущаго Бога“.

„Сержантъ выпилъ рюмочку мадеръ и сказалъ: „г. Мауеръ, я очень люблю и жалѣю васъ, но вы плѣнный, а я Soldat!“ Я пожалъ его руку и сказалъ: „г. сержантъ!“ Ich drückte ihm die Hand und sagte: „Herr Sergeant!“

„И сержантъ сказалъ: „вы бѣдный человекъ, и я не возьму ваши деньги, но помогу вамъ. Когда я пойду спать, купите ведро водки солдатамъ, и они будутъ спать. Я не буду смотрѣть на васъ“.

„Опъ былъ добрый человекъ. Я купилъ ведро водки, и когда Soldat были пьяны, я надѣлъ сапоги, старый шинель и потихоньку вышелъ за дверь. Я пошелъ на валъ и хотѣлъ прыгнуть, но тамъ была вода, и я не хотѣлъ испортить послѣднее платье: я пошелъ въ ворота.

„Часовой ходилъ съ ружьемъ auf und ab и смотрѣлъ на меня. „Qui vive?“ sagte er auf einmal, и я молчалъ. „Qui vive?“ sagte er zum zweiten Mal, и я молчалъ. „Qui vive?“ sagte er zum dritten Mal, и я *бѣгалъ*. Я *принулъ въ вода, влзалъ на другую сторона и пустилъ*. Ich sprang in's Wasser, kletterte auf die andere Seite und machte mich aus dem Staube.

„Цѣлую почъ я бѣжалъ по дорогѣ, но когда разсвѣло, я боялся, чтобы меня не узнали, и спрятался въ высокую рожь. Тамъ я сталъ на колѣнки, сложилъ руки, поблагодарилъ Отца Небеснаго за свое спасеніе и съ спокойнымъ чувствомъ заснулъ. Ich dankte dem Allmächtigen Gott für Seine Barmherzigkeit und mit beruhigtem Gefühl schlie- ich ein.

„Я проснулся вечеромъ и пошелъ дальше. Вдругъ большая нѣмецкая фура въ двѣ вороныя лошади догнала меня. Въ фурѣ сидѣлъ хорошо одѣтый человѣкъ, курилъ трубку и смотрѣлъ на меня. Я пошелъ потихоньку, чтобы фура обогнала меня; но я шелъ потихоньку, и фура ѣхала потихоньку, и человѣкъ смотрѣлъ на меня; я шелъ поскорѣй, и фура ѣхала поскорѣй, и человѣкъ смотрѣлъ на меня. Я сѣлъ на дорогѣ; человѣкъ остановилъ своихъ лошадей и смотрѣлъ на меня. „Молодой человѣкъ, — онъ сказалъ, — куда вы идете такъ поздно?“ Я сказалъ: „я иду въ Франкфуртъ“. — „Садитесь въ мою фуру: мѣсто есть, и я доведу васъ... Отчего у васъ ничего нѣтъ съ собой, борода ваша не брита и платье ваше въ грязи?“ сказалъ онъ мнѣ, когда я сѣлъ съ нимъ. „Я бѣдный человѣкъ, — я сказалъ, — хочу наняться гдѣ-нибудь на *фабрикѣ*; а платье мое въ грязи оттого, что я упалъ на дорогѣ“. — „Вы говорите неправду, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, — по дорогѣ теперь сухо“.

„И я молчалъ.

„— Скажите мнѣ всю правду, — сказалъ мнѣ добрый человѣкъ: — кто вы и откуда идете? Лицо ваше мнѣ поправилось, и, ежели вы честный человѣкъ, я помогу вамъ“.

„И я все сказалъ ему. Онъ сказалъ: „хорошо, молодой человекъ, поѣдемте на мою канатную фабрику. Я дамъ вамъ работу, платье, деньги, и вы будете жить у меня“.

„И я сказалъ: „хорошо“.

„Мы приѣхали на канатную фабрику, и добрый человекъ сказалъ своей жене: „вотъ молодой человекъ, который сражался за свое отечество и бѣжалъ изъ плѣна; у него нѣтъ ни дома, ни платья, ни хлѣба. Онъ будетъ жить у меня. Дайте ему чистое бѣлье и покормите его“.

„Я полтора года жилъ на канатной фабрикѣ, и мой хозяинъ такъ полюбилъ меня, что не хотѣлъ пустить. И мнѣ было хорошо. Я былъ тогда красивый мужчина, я былъ молодой, высокій ростъ, голубые глаза, римскій носъ... и madame L... (я не могу сказать ея имени), жена моего хозяина, была молоденькая, хорошенькая дама. И она полюбила меня.

Тутъ Карлъ Ивановичъ сдѣлалъ продолжительную паузу и, закативъ свои добрые голубые глаза, слегка покачивая головой, принялся улыбаться такъ, какъ улыбаются люди подъ вліяніемъ пріятныхъ воспоминаній.

„Да,—началъ онъ опять, поправляясь въ креслѣ и запахивая свой халатъ,—много я испыталъ и хорошаго и дурного въ своей жизни; но вотъ мой свидѣтель,—сказалъ онъ, указывая на шитый по канвѣ образокъ Спасителя, висѣвшій надъ его кроватью,—никто не можетъ сказать, чтобы Карлъ Ивановичъ былъ нечестный человекъ! Я не хотѣлъ черною неблагодарностью платить за добро, которое мнѣ сдѣлалъ г. L..., и рѣшился бѣжать отъ него. Вечеркомъ, когда все шли спать, я написалъ письмо своему хозяину и положилъ его на столѣ въ своей комнатѣ, взялъ свое платье, три талеръ денегъ и потихоньку вышелъ на улицу. Никто не видалъ меня, и я пошелъ по дорогѣ“.

IX.

Продолженіе.

„Я девять лѣтъ не видалъ своей маменьки и не зналъ, жива ли она, или кости ея лежать уже въ сырой землѣ. Я пошелъ въ свое отечество. Когда я пришелъ въ городъ, я спрашивалъ, гдѣ живетъ Густавъ Мауеръ, который былъ арендаторомъ у графа Зоммерблаттъ. И мнѣ сказали: „графъ Зоммерблаттъ умеръ, и Густавъ Мауеръ живетъ теперь въ большой улицѣ и держитъ лавку *ликеръ*“. Я надѣлъ свой новый жилетъ, хорошій сюртукъ—подарокъ фабриканта, хорошенько причесалъ волосы и пошелъ въ ликерную лавку моего папеньки. Сестра Mariechen сидѣла въ лавкѣ и спросила, что мнѣ нужно. Я сказалъ: „можно выпить рюмочку ликеръ?“ И она сказала: „Vater! молодой человекъ проситъ рюмочку ликеръ“. И папенька сказалъ: „подай молодому человекъ рюмочку ликеръ“. Я сѣлъ подлѣ столика, пилъ свою рюмочку ликеръ, курилъ трубочку и смотрѣлъ на папеньку, Mariechen и Johann, который тоже вошелъ въ лавку. Между разговоромъ папенька сказалъ мнѣ: „вы, вѣрно, знаете, молодой человекъ, гдѣ стоитъ теперь наше *арме*“. Я сказалъ: „я самъ иду изъ *арме*, и она стоитъ подлѣ Wien“.—„Нашъ сынъ,—сказалъ папенька,—былъ Soldat, и вотъ девять лѣтъ онъ не писалъ намъ, и мы не знаемъ, живъ онъ или умеръ. Моя жена всегда плачетъ о немъ“... Я курилъ свою трубочку и сказалъ: „какъ звали вашего сына и гдѣ онъ служилъ? можетъ-быть, я знаю его“...—„Его звали Карлъ Мауеръ, и онъ служилъ въ австрійскихъ егеряхъ“, сказалъ мой папенька. „Онъ высокій ростомъ и красивый мужчина, какъ вы“, сказала сестра Mariechen. Я сказалъ: „я знаю вашего Karl“.—„Amalia!—sagte auf einmal mein Vater,—подите сюда, здѣсь есть молодой человекъ, онъ знаетъ нашего Karl“.

И моя мила маменька выходитъ изъ задня дверью. Я сейчасъ узналъ его. „Вы знаете наша Karl!“ онъ сказалъ, по-

смотрѣлъ на мене и весь блѣдны за...дро...жалъ... „Да, я видѣлъ его“, я сказалъ и не смѣлъ поднять глаза на нее; сердце у меня *принуть* хотѣло. „Karl мой живъ!— сказала маменька,—слава Богу. Гдѣ онъ, мой милый Karl? Я бы умерла спокойно, ежели бы еще разъ посмотрѣть на него, на моего любимаго сына; но Богъ не хочетъ этого“. И онъ заплакалъ... *Я не могъ терпѣть...* „Маменька!—я сказалъ,—я вашъ Карлъ!“ *И онъ упалъ мнѣ на рука...*

Карлъ Ивановичъ закрылъ глаза, и губы его задрожали.

„Mutter!—sagte ich,—ich bin ihr Sohn, ich bin ihr Karl! Und sie stürzte mir in die Arme“, повторилъ онъ, успокоившись немного и утирая крупныя слезы, катившіяся по его щекамъ.

„Но Богу не угодно было, чтобы я кончилъ дни на своей родинѣ. Мнѣ суждено было несчастіе! Das Unglück verfolgte mich überall!.. Я жилъ на своей родинѣ только три мѣсяца. Въ одно воскресеніе я былъ въ кофейномъ домѣ, кушилъ кружку пива, курилъ свою трубочку и разговаривалъ съ своими знакомыми про Politik, про императоръ Францъ, про Napoleon, про войну, и каждый говорилъ свое мнѣніе. Подлѣ насъ сидѣлъ незнакомый господинъ въ сѣромъ Ueberrock, пилъ кофе, курилъ трубочку и ничего не говорилъ съ нами. Er rauchte sein Pfeifchen und schwieg still. Когда Nachtwächter прокричалъ десять часовъ, я взялъ свою шляпу, заплатилъ деньги и пошелъ домой. Въ половинѣ ночи кто-то застучалъ въ двери. Я проснулся и сказалъ: „кто тамъ?“ — „Macht auf“ Я сказалъ: „скажите, кто тамъ, и я отворю“. Ich sagte: „sagt wer ihr seid und ich werde aufmachen“. — „Macht auf im Namen des Gesetzes!“ сказали за дверью. И я отворилъ. Два Soldat съ ружьями стояли за дверью, и въ комнату вошелъ незнакомый человекъ въ сѣромъ Ueberrock, который сидѣлъ подлѣ насъ въ кофейномъ домѣ. Онъ былъ шпионъ. Es war ein Spion!.. „Пойдемте со мной!“ сказалъ шпионъ! „Хорошо“, я сказалъ. Я надѣлѣ

сапоги und Pantalon, надѣвалъ подтяжки и ходилъ по комнатѣ. Въ сердцѣ у меня кипѣло: я сказалъ — онъ подлець! Когда я подошелъ къ стѣнкѣ, гдѣ висѣла моя шпага, я вдругъ схватилъ ее и сказалъ: „*ты шпионъ. защищайся! du bist ein Spion: vertheidige dich!*“! Ich gab ein Hieb направо, ein Hieb налѣво и одинъ на голову. *Шпионъ упалъ!* Я схватилъ чемоданъ и деньги и прыгнулъ за окошко. Ich nahm meinen Mantelsack und Beutel und sprang zum Fenster hinaus. Ich kam nach Ems, тамъ я познакомился съ *енералъ Сазинъ*. Онъ полюбилъ меня, досталъ у посланника паспортъ и взялъ меня съ собою въ Россію учить дѣтей. Когда *енералъ Сазинъ* умеръ, ваша маменька позвала меня къ себѣ. Она сказала: „Карлъ Ивановичъ! отдаю вамъ своихъ дѣтей, любите ихъ, и я никогда не оставлю васъ, я успокою вашу старость“. Теперь ея не стало и все забыто. За мою двадцатилѣтнюю службу я долженъ теперь на старости лѣтъ итти на улицу искать свой черствый кусокъ хлѣба. *Богъ сей видитъ и сей знаетъ и на сей Его святая воля, только васъ жалко мнѣ, дѣтки!*“! заключилъ Карлъ Ивановичъ, притягивая меня къ себѣ за руку и цѣлуя въ голову.

Х.

Е д и н и ц а.

По окончаніи годичнаго траура бабушка оправилась нѣсколько отъ печали, поразившей ее, и стала изрѣдка принимать гостей, въ особенности дѣтей—нашихъ сверстниковъ и сверстницъ.

Въ день рожденія Любочки, 13-го декабря, еще передъ обѣдомъ пріѣхали къ намъ княгиня Корнакова съ дочерьми, Валахина съ Сонечкой, Илинъка Грапъ и два меньшихъ брата Ивиныхъ.

Уже звуки говора, смѣха и бѣготни долетали къ намъ снизу, гдѣ собралось все это общество, но мы не могли присоединиться къ нему прежде окончанія утреннихъ

классовъ. На таблицѣ, висѣвшей въ классной, значилось: *Lundi, de 2 à 3 maître d'histoire et de géographie*; и вотъ этого-то *maître d'histoire* мы должны были дожидаться, выслушать и проводить, прежде чѣмъ быть свободными. Было уже двадцать минутъ третьяго, а учителя исторіи не было еще ни слышно, ни видно даже на улицѣ, по которой онъ долженъ притти и на которую я смотрѣлъ съ сильнымъ желаніемъ никогда не видать его.

— Кажется, Лебедевъ нынче не придетъ, — сказалъ Володя, отрываясь на минуту отъ книги Смарагдова, по которой онъ готовилъ урокъ.

— Дай Богъ, дай Богъ... а то я ровно ничего не знаю... однако, кажется, вонъ онъ идетъ, — прибавилъ я печальнымъ голосомъ.

Володя всталъ и подошелъ къ окну.

— Нѣтъ, это не онъ, это какой-то баринъ, — сказали онъ.— Подождемъ еще до половины третьяго,—прибавилъ онъ, потягиваясь и въ то же время почесывая маковку, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, на минуту отдыхая отъ занятій.— Ежели не придетъ и въ половици третьяго, тогда можно будетъ сказать *St.-Jérôme*'у, чтобъ убрать тетради.

— И охота ему хо-о-о-о-дить,—сказалъ я, тоже потягиваясь и потрясая надъ головой книгу Кайданова, которую держалъ въ обѣихъ рукахъ.

Отъ нечего дѣлать я раскрылъ книгу въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ заданъ урокъ, и сталъ прочитывать ее. Урокъ былъ большой и трудный, я ничего не зналъ и видѣлъ, что ужъ никакъ не успѣю хоть что-нибудь запомнить изъ него, тѣмъ болѣе, что находился въ томъ раздраженномъ состояніи, въ которомъ мысли отказываются остановиться на какомъ бы то ни было предметѣ.

За прошедшій урокъ исторіи, которая всегда казалась мнѣ самымъ скучнымъ, тяжелымъ предметомъ, Лебедевъ жаловался на меня *St.-Jérôme*'у и въ тетради балловъ поставилъ мнѣ два, что считалось очень дурнымъ. *St.-Jérôme* тогда еще сказалъ мнѣ, что ежели въ слѣдующій

урокъ я получу меньше трехъ, то буду строго наказанъ. Теперь-то предстоялъ этотъ слѣдующій урокъ, и, признаюсь, я сильно трусилъ.

Я такъ увлекся перечитываніемъ незнакомаго мнѣ урока, что послышавшійся въ передней стукъ сниманія калошъ внезапно поразилъ меня. Едва успѣлъ я оглянуться, какъ въ дверяхъ показалось рябое, отвратительное для меня лицо и слишкомъ знакомая, неуклюжая фигура учителя въ синемъ застегнутомъ фракѣ съ учеными пуговицами.

Учитель медленно положилъ шапку на окно, тетради на столъ, раздвинулъ обѣими руками фалды своего фрака (какъ будто это было очень нужно) и, отдуваясь, сѣлъ на свое мѣсто.

— Ну-съ, господа,—сказалъ онъ, потирая одну о другую свои потныя руки,—пройдемте-съ сперва то, что было сказано въ прошедшій классъ, а потомъ я постараюсь познакомить васъ съ дальнѣйшими событіями среднихъ вѣковъ.

Это значило: сказывайте уроки.

Въ то время какъ Володя отвѣчалъ ему съ свободой и увѣренностью, свойственною тѣмъ, кто хорошо знаетъ предметъ, я безъ всякой цѣли вышелъ на лѣстницу, и, такъ какъ внизъ нельзя было итти, весьма естественно, что я незамѣтно для самого себя очутился на площадкѣ. Но только что я хотѣлъ помѣститься на обыкновенномъ постѣ своихъ наблюдений—за дверью, какъ вдругъ Мими, всегда бывшая причиной моихъ несчастій, наткнулась на меня. „Вы здѣсь?“ сказала она, грозно посматрѣвъ на меня, потомъ на дверь дѣвичьей и потомъ опять на меня.

Я чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ и за то, что былъ не въ классѣ, и за то, что находился въ такомъ неуказанномъ мѣстѣ, поэтому молчалъ и, опустивъ голову, являлъ въ своей особѣ самое трогательное выраженіе раскаянія.

— Нѣтъ, это ужъ ни па что не похоже! — сказала Мими. — Что вы здѣсь дѣлали? — Я помолчалъ. — Нѣтъ, это такъ не останется, — повторила она, постукивая щиколками пальцевъ о перила лѣстницы, — я все расскажу графинѣ.

Было уже безъ пяти минутъ три, когда я вернулся въ классъ. Учитель, какъ будто не замѣчая ни моего отсутствія, ни моего присутствія, объяснялъ Володѣ слѣдующій урокъ. Когда онъ, окончивъ свои толкованія, началъ складывать тетради и Володя вышелъ въ другую комнату, чтобы принести билетикъ, мнѣ пришла отрадная мысль, что все кончено и про меня забудутъ.

Но вдругъ учитель съ злодѣйскою полуулыбкой обратился ко мнѣ:

— Надѣюсь, вы выучили свой урокъ-съ, — сказалъ онъ, потирая руки.

— Выучилъ-съ, — отвѣчалъ я.

— Потрудитесь мнѣ сказать что-нибудь о крестовомъ походѣ Людовика Святого, — сказалъ онъ, покачиваясь на стулѣ и задумчиво глядя себѣ подъ ноги. — Сначала вы мнѣ скажите о причинахъ, побудившихъ короля французскаго взять крестъ, — сказалъ онъ, поднимая брови и указывая пальцемъ на чернильницу, — потомъ объясните мнѣ общія характеристическія черты этого похода, — прибавилъ онъ, дѣлая всею кистью движеніе такое, какъ будто хотѣлъ поймать что-нибудь, — и, наконецъ, вліяніе этого похода на европейскія государства вообще, — сказалъ онъ, ударяя тетрадями по лѣвой сторонѣ стола, — на французское королевство въ особенности, — заключилъ онъ, ударяя по правой сторонѣ стола и склоняя голову направо.

Я проглотилъ нѣсколько разъ слюни, прокашлялся, склонилъ голову на бокъ и молчалъ. Потомъ, взявъ перо, лежавшее на столѣ, началъ обрывать его и все молчалъ.

— Позвольте перышко, — сказалъ мнѣ учитель, протягивая руку: — оно пригодится. Ну-съ.

— Людо... кар... Людовикъ Святой былъ... былъ...
былъ... добрый и умный царь.

— Кто-съ?

— Царь. Онъ вздумалъ пойти въ Иерусалимъ и *передалъ бразды правленія* своей матери.

— Какъ ее звали-съ?

— Б...б...ланка.

— Какъ-съ? буланка?

Я усмѣхнулся какъ-то криво и неловко.

— Ну-съ, не знаете ли еще чего-нибудь?—сказалъ онъ съ усмѣшкой.

Мнѣ нечего было терять, я прокашлялся и началъ врать все, что только мнѣ приходило въ голову. Учитель молчалъ, сметая со стола пыль перышкомъ, которое онъ у меня отнялъ, пристально смотрѣлъ мимо моего уха и приговаривалъ: „хорошо-съ, очень хорошо-съ“. Я чувствовалъ, что ничего не знаю, выражаюсь совѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и мнѣ страшно больно было видѣть, что учитель не останавливаетъ и не поправляетъ меня.

— Зачѣмъ же онъ вздумалъ итти въ Иерусалимъ?—сказалъ онъ, повторяя мои слова.

— Затѣмъ... потому... оттого... затѣмъ что...

Я рѣшительно замаялся, не сказалъ ни слова больше и чувствовалъ, что, ежели этотъ злодѣй-учитель хоть годъ цѣлый будетъ молчать и вопросительно смотрѣть на меня, я все-таки не въ состояніи буду произнести болѣе ни одного звука. Учитель минуты три смотрѣлъ на меня, потомъ вдругъ проявилъ въ своемъ лицѣ выраженіе печали и чувствительнымъ голосомъ сказалъ Володѣ, который въ это время вошелъ въ комнату:

— Позвольте мнѣ тетрадку поставить баллы.

Володя подалъ ему тетрадь и осторожно положилъ билетикъ подлѣ нея.

Учитель развернулъ тетрадь и, бережно обмакнувъ перо, красивымъ почеркомъ написалъ Володѣ пять въ графѣ успѣховъ и поведенія. Потомъ, остановивъ

перо надъ графой, въ которой означались мои баллы, онъ посмотрѣлъ на меня, стряхнулъ чернила и задумался.

Вдругъ рука его сдѣлала чуть замѣтное движеніе, и въ графѣ появилась красиво начерченная единица и точка; другое движеніе—и въ графѣ поведенія другая единица и точка.

Бережно сложивъ тетрадь балловъ, учитель всталъ и подошелъ къ двери, какъ будто не замѣчая моего взгляда, въ которомъ выражались отчаяніе, мольба и упрекъ.

— Михаилъ Ларионовичъ!—сказалъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, понимая уже, что я хотѣлъ сказать ему, — такъ нельзя учиться. Я не хочу даромъ денегъ брать.

Учитель надѣлъ калоши, камлотовую шинель и съ большимъ тщаніемъ повязался шарфомъ. Какъ будто можно было о чемъ-нибудь заботиться послѣ того, что случилось со мной? Для него движеніе пера, а для меня величайшее несчастіе.

— Классъ конченъ? — спросилъ St.-Jérôme, входя въ комнату.

— Да.

— Учитель доволенъ вами?

— Да,—сказалъ Володя.

— Сколько вы получили?

— Пять.

— А Nicolas?

Я молчалъ.

— Кажется, четыре,—сказалъ Володя.

Онъ понималъ, что меня нужно было спасти хоть на нынѣшній день. Пускай накажутъ, только бы не нынче, когда у насъ гости.

— *Voyons, messieurs* (St.-Jérôme имѣлъ привычку ко всякому слову говорить: *voyons!*), *faites votre toilette et descendons.*

ХІ.

К л ю ч и к ъ .

Едва успѣли мы, сойдя внизъ, поздороваться со всѣми гостями, какъ насъ позвали къ столу. Папа былъ очень веселъ (онъ былъ въ выигрышѣ въ это время), подарилъ Любочкѣ дорогой серебряный сервизъ и за обѣдомъ вспомнилъ, что у пего во флигелѣ осталась еще бонбоньерка, приготовленная для именинницы.

— Чѣмъ человѣка послать, поди-ка лучше ты, Коко,— сказалъ онъ мнѣ.—Ключи лежатъ на большомъ столѣ въ раковинѣ, знаешь?.. Такъ возьми ихъ и самымъ большимъ ключомъ отпори второй ящикъ направо. Тамъ найдешь коробочку, конфеты въ бумагѣ и принесешь все сюда.

— А сигары принести тебѣ? — спросилъ я, зная, что онъ всегда послѣ обѣда посылалъ за ними.

— Принеси, да смотри у меня ничего не трогать! — сказалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Найдя ключи на указанномъ мѣстѣ, я хотѣлъ уже отпирать ящикъ, какъ меня остановило желаніе узнать, какую вещь отпиралъ крошечный ключикъ, висѣвшій на той же связкѣ.

На столѣ между тысячью разнообразныхъ вещей стоялъ около перилецъ шитый портфель съ всякимъ замочкомъ, и мнѣ захотѣлось попробовать, придется ли къ нему маленькій ключикъ. Испытаніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, портфель открылся, и я нашелъ въ немъ цѣлую

кучу бумагъ. Чувство любопытства съ такимъ убѣжденіемъ совѣтовало мнѣ узнать, какія были это бумаги, что я не успѣлъ прислушаться къ голосу совѣсти и принялся разсматривать то, что находилось въ портфель...

Дѣтское чувство безусловнаго уваженія ко всѣмъ старшимъ и въ особенности къ папа было такъ сильно во мнѣ, что умъ мой безсознательно отказывался вывести какія бы то ни было заключенія изъ того, что я видѣлъ. Я чувствовалъ, что папа долженъ жить въ сферѣ совершенно особенной, прекрасной, недоступной и непостижимой для меня и что стараться проникнуть тайны его жизни было бы съ моей стороны чѣмъ-то въ родѣ святотатства.

Поэтому открытія, почти нечаянно сдѣланныя мною въ портфель папа, не оставили во мнѣ никакого яснаго понятія, исключая темнаго сознанія, что я поступилъ нехорошо. Мнѣ было стыдно и неловко.

Подъ вліяніемъ этого чувства я какъ можно скорѣе хотѣлъ закрыть портфель, но мнѣ, видно, суждено было испытать всевозможныя несчастія въ этотъ достопамятный день: вложивъ ключикъ въ замочную скважину, я повернулъ его не въ ту сторону; воображая, что замокъ запертъ, я вынулъ ключъ, и—о ужасъ!—у меня въ рукахъ была только головка ключика. Тщетно я старался соединить ее съ оставшеюся въ замкѣ половиной и посредствомъ какого-то волшебства высвободить ее оттуда; надо было, наконецъ, привыкнуть къ ужасной мысли, что я совершилъ новое преступленіе, которое нынче же по возвращеніи папа въ кабинетъ должно будетъ открыться.

Жалоба Мими, единица и ключикъ! Хуже ничего не могло со мной случиться. Бабушка—за жалобу Мими, St.-Jérôme—за единицу, папа—за ключикъ... и все это обрушится на меня не позже какъ нынче вечеромъ.

— Что со мной будетъ?! А-а-ахъ, что я надѣлалъ?!— говорилъ я велухъ, прохаживаясь по мягкому ковру кабинета.—Э,—сказалъ я самъ себѣ, доставая конфеты и си-

тары,—*чему быть, тому не миновать!*..—и побѣжалъ въ домъ.

Это фаталистическое изреченіе, въ дѣтствѣ подслушанное мною у Николая, во все трудныя минуты моей жизни производило на меня благотворное, временно успокаивающее вліяніе. Входя въ залу, я находился въ нѣсколько раздраженномъ и неестественномъ, но чрезвычайно веселомъ состояніи духа.

ХП.

И з м ѣ н н и ц а.

Послѣ обѣда начались *petits jeux*, и я принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Играя въ „кошку-мышку“, какъ-то неловко разбѣжавшись на гувернантку Корнаковыхъ, которая играла съ нами, я нечаянно наступилъ ей на платье и оборвалъ его. Замѣтивъ, что всеѣмъ дѣвочкамъ и въ особенности Сонечкѣ доставляло большое удовольствіе видѣть, какъ гувернантка съ разстроеннымъ лицомъ пошла въ дѣвичью зашивать свое платье, я рѣшился доставить имъ это удовольствіе еще разъ. Вслѣдствіе такого любезнаго намѣренія, какъ только гувернантка вернулась въ комнату, я принялся галопировать вокругъ нея и продолжалъ эти эволюціи до тѣхъ поръ, пока не нашелъ удобной минуты снова зацѣпить каблукомъ за ея юбку и оборвать. Сонечка и княжны едва могли удержаться отъ смѣха, что весьма пріятно польстило моему самолюбію; но St.-Jérôme, замѣтивъ, должно-быть, мои продѣлки, подошелъ ко мнѣ и, нахмуривъ брови (чего я терпѣть не могъ), сказалъ, что я, кажется, не къ добру развеселился и что ежели я не буду скромнѣе, то, несмотря на праздникъ, онъ заставитъ меня раскаяться.

Но я находился въ раздраженномъ состояніи человѣка, проигравшаго болѣе того, что у него есть въ карманѣ, который боится счесть свою запись и продолжаетъ ставить отчаянныя карты уже безъ надежды отыгратъ, и только

для того, чтобы не давать самому себѣ времени опомниться. Я дерзко улыбнулся и ушелъ отъ него.

Послѣ „кошки-мышки“ кто-то затѣялъ игру, которая называлась у насъ, кажется, *Lange Nase*. Сущность игры состояла въ томъ, что ставили два ряда стульевъ, одинъ противъ другого, и дамы и кавалеры раздѣлялись на двѣ партіи и по перемѣнкамъ выбирали одна другую.

Младшая княжна каждый разъ выбирала меньшого Ивина, Катенька выбирала или Володю, или Илинъку, а Сонечка каждый разъ Сережу и нисколько не стыдилась, къ моему крайнему удивленію, когда Сережа прямо шелъ и садился противъ нея. Она смѣялась своимъ милымъ звонкимъ смѣхомъ и дѣлала ему головкой знакъ, что онъ угадалъ. Меня же никто не выбиралъ. Къ крайнему оскорбленію моего самолюбія, я понималъ, что я лишній, *остающийся*, что про меня всякій разъ должны были говорить: *кто еще остается?* „Да Николенька; ну вотъ ты его и возьми“. Поэтому, когда мнѣ приходилось выходить, я прямо подходилъ или къ сестрѣ, или къ одной изъ некрасивыхъ княженъ и, къ несчастію, никогда не ошибался. Сонечка же, казалось, такъ была занята Сережей Ивинымъ, что я не существовалъ для нея вовсе. Не знаю, на какомъ основаніи называлъ я ее мысленно *измѣнницей*, такъ какъ она никогда не давала мнѣ обѣщанія выбирать меня, а не Сережу; но я твердо былъ убѣжденъ, что она самымъ гнуснымъ образомъ поступила со мной.

Послѣ игры я замѣтилъ, что *измѣнница*, которую я презиралъ, но съ которой, однако, не могъ спустить глазъ, вмѣстѣ съ Сережей и Катенькой отошли въ уголъ и о чемъ-то таинственно разговаривали. Подкравшись изъ-за фортепіанъ, чтобы открыть ихъ секреты, я увидалъ слѣдующее: Катенька держала за два конца батистовый платочекъ въ видѣ ширмъ, заслоняя имъ головы Сережи и Сонечки. „Нѣтъ, проиграли, теперь расплачивайтесь!“ говорилъ Сережа. Сонечка, опустивъ руки, стояла передъ нимъ точно виноватая и, краснѣя, говорила: „Нѣтъ, я

не проиграла, не правда ли, m-lle Catherine?“—„Я люблю правду,—отвѣчала Катенька:—проиграла пари, ma chère“.

Едва успѣла Катенька произнести эти слова, какъ Сережа нагнулся и поцѣловаль Сонечку. Такъ прямо и поцѣловаль въ ея розовыя губки. И Сонечка засмѣялась, какъ будто это ничего, какъ будто это очень весело. Ужасно!!! О, коварная измѣнница!

ХІІІ.

З а т м е н і е .

Я вдругъ почувствовалъ презрѣніе ко всему женскому полу вообще и къ Сонечкѣ въ особенности; началъ увѣрять себя, что ничего веселаго нѣтъ въ этихъ играхъ, что онѣ приличны только *дѣвчонкамъ*, и мнѣ чрезвычайно хотѣлось буянить и сдѣлать какую-нибудь такую молодецкую штуку, которая бы всѣхъ удивила. Случай не замедлил представиться.

St.-Jérôme, поговоривъ о чемъ-то съ Мими, вышелъ изъ комнаты; звуки его шаговъ послышались сначала на лѣстницѣ, а потомъ надъ нами, по направленію классной. Мнѣ пришла мысль, что Мими сказала ему, гдѣ она видѣла меня во время класса, и что онъ пошелъ посмотреть журналъ. Я не предполагалъ въ это время у St.-Jérôme'a другой цѣли въ жизни, какъ желанія наказать меня. Я читалъ гдѣ-то, что дѣти отъ 12 до 14 лѣтъ, то-есть находящіяся въ переходномъ возрастѣ отрочества, бываютъ особенно склонны къ поджигательству и даже убійству. Вспоминая свое отрочество и особенно то состояніе духа, въ которомъ я находился въ этотъ несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю возможность самаго ужаснаго преступленія, безъ цѣли, безъ желанія вредить, но *такъ*—изъ любопытства, изъ безсознательной потребности дѣятельности. Бываютъ минуты, когда будущее представляется человѣку въ столь мрачномъ свѣтѣ, что онъ боится останавливать на немъ свои

умственные взоры, прекращаетъ въ себѣ совершенно дѣятельность ума и старается убѣдить себя, что будущаго не будетъ и прошедшаго не было. Въ такія минуты, когда мысль не обсуживаетъ впередъ каждаго опредѣленія воли, а единственными пружинами жизни остаются плотскіе инстинкты, я понимаю, что ребенокъ, по неопытности, особенно склонный къ такому состоянію, безъ малѣйшаго колебанія и страха, съ улыбкой любопытства, раскладываетъ и раздуваетъ огонь подъ собственнымъ домомъ, въ которомъ спятъ его братья, отецъ, мать, которыхъ онъ нѣжно любитъ. Подъ вліяніемъ этого же временнаго отсутствія мысли, разсѣянности почти, крестьянскіи паренъ лѣтъ семнадцати, осматривая лезвее только что отточеннаго топора подлѣ лавки, на которой лицомъ внизъ спитъ его старикъ-отецъ, вдругъ размахивается топоромъ и съ тупымъ любопытствомъ смотритъ, какъ сочится подъ лавку кровь изъ разрубленной шеи; подъ вліяніемъ этого же отсутствія мысли и инстинктивнаго любопытства человѣкъ находитъ какое-то наслажденіе остановиться на самомъ краю обрыва и думать: а что, если туда броситься? или приставить ко лбу заряженный пистолеть и думать: а что, ежели пожать гашетку? или смотрѣть на какое-нибудь важное лицо, къ которому все общество чувствуетъ подобострастное уваженіе, и думать: а что, ежели подойти къ нему, взять его за носъ и сказать: „а ну-ка, любезный, пойдѣмъ“?

Подъ вліяніемъ такого же внутренняго волненія и отсутствія размышленія, когда St.-Jérôme сошелъ внизъ и сказалъ мнѣ, что я не имѣю права здѣсь быть нынче за то, что такъ дурно велъ себя и учился, чтобъ я сейчасъ же шелъ навѣрхъ, я показалъ ему языкъ и сказалъ, что не пойду отсюда.

Въ первую минуту St.-Jérôme не могъ слова произнести отъ удивленія и злости.

— C'est bien, — сказалъ онъ, догоняя меня, — я уже нѣсколько разъ обѣщалъ вамъ наказаніе, отъ котораго васъ хотѣла избавить ваша бабушка; но теперь я вижу,

что, кромѣ розогъ, васъ ничѣмъ не заставишь повиноваться, и нынче вы ихъ заслужили.

Онъ сказать это такъ громко, что всѣ слышали его слова. Кровь съ необыкновенною силой прилила къ моему сердцу; я почувствовалъ, какъ крѣпко оно билось, какъ краска сходила съ моего лица и какъ совершенно невольно затряслись мои губы. Я долженъ былъ быть страшенъ въ эту минуту, потому что St.-Jérôme, избѣгая моего взгляда, быстро подошелъ ко мнѣ и схватилъ за руку; но только что я почувствовалъ прикосновеніе его руки, мнѣ едѣлалось такъ дурно что я, не помня себя отъ злобы, вырвалъ, руку и изъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ силъ ударилъ его.

— Что съ тобой дѣлается? — сказалъ, подходя ко мнѣ, Володя, съ ужасомъ и удивленіемъ видѣвшей мой поступокъ.

— Оставь меня! — закричалъ я на него сквозь слезы. — Никто вы не любите меня, не понимаете, какъ я несчастливъ! Всѣ вы гадки, отвратительны, — прибавилъ я съ какимъ-то изступленіемъ, обращаясь ко всему обществу.

Но въ это время St.-Jérôme съ рѣшительнымъ и блѣднымъ лицомъ снова подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я приготовиться къ защитѣ, какъ онъ уже сильнымъ движеніемъ, какъ тисками, сжалъ мои обѣ руки и потащилъ куда-то. Голова моя закружилась отъ волненія; помню только, что я отчаянно бился головой и колѣнками до тѣхъ поръ, пока во мнѣ были еще силы; помню, что носъ мой нѣсколько разъ наткался на чьи-то ляжки, что въ ротъ

мигъ: попадалъ чей-то сюртукъ, что вокругъ себя со всѣхъ сторонъ я слышалъ присутствіе чьихъ-то ногъ, запахи пали и violette, которою душился St.-Jérôme.

Черезъ пять минутъ за мной затворилась дверь чулана.

— Василь!—сказалъ *онъ* отвратительнымъ, торжествующимъ голосомъ,—принеси розогъ

XIV.

Мечты.

Неужели въ то время я могъ бы думать, что останусь живъ послѣ всѣхъ несчастій, постигшихъ меня, и что придетъ время, когда я спокойно буду вспоминать о нихъ?..

Припоминая то, что я едѣлалъ, я не могъ вообразить себѣ, что со мной будетъ, по смутно предчувствовалъ, что пропалъ безвозвратно.

Сначала внизу и вокругъ меня царствовала совершенная тишина, или, по крайней мѣрѣ, мигъ такъ казалось отъ слишкомъ сильнаго внутренняго волненія, но мало-по-малу я сталъ разбирать различные звуки. Василій пришелъ снизу и, бросивъ на окно какую-то вещь, похожую на метлу, зѣвая, улегся на ларь. Внизу послышался громкій голосъ Августа Антоновича (должно-быть, онъ говорилъ про меня), потомъ дѣтскіе голоса, потомъ смѣхъ, бѣготня, а черезъ нѣсколько минутъ въ домѣ все пришло въ прежнее движеніе, какъ будто никто не зналъ и не думалъ о томъ, что я сижу въ темномъ чуланѣ.

Я не плакалъ, но что-то тяжелое какъ камень лежало у меня на сердцѣ. Мысли и представленія съ усиленною быстротой проходили въ моемъ разстроенномъ воображеніи; но воспоминанія о несчастіи, постигшемъ меня, безпрестанно прерывали ихъ причудливую цѣпь, и я снова входилъ въ безвыходный лабиринтъ неизвѣстности о предстоящей мнѣ участи, отчаянія и страха.

То мнѣ приходитъ въ голову, что должна существовать какая-нибудь неизвѣстная причина общей ко мнѣ

нелюбви и даже ненависти. (Въ то время я былъ твердо убѣжденъ, что всѣ, начиная отъ бабушки и до Филиппа кучера, ненавидятъ меня и находятъ наслажденіе въ моихъ страданіяхъ.) Я долженъ быть не сынъ моей матери и моего отца, не братъ Володи, а несчастный сирота, подкидышъ, взятый изъ милости, говорю я самъ себѣ; и послѣдняя мысль эта не только доставляетъ мнѣ какое-то грустное утѣшеніе, но даже кажется совершенно правдоподобной. Мнѣ отрадно думать, что я несчастенъ не потому, что виноватъ, но потому, что такова моя судьба съ самаго моего рожденія и что участь моя похожа на участь несчастнаго Карла Ивановича.

„Но зачѣмъ дальше скрывать эту тайну, когда я самъ уже успѣлъ проникнуть ее?—говорю я самъ себѣ.—Завтра же пойду къ папа и скажу ему: „папа, напрасно ты отъ меня скрываешь тайну моего рожденія: я знаю ее“. Онъ скажетъ: „что жъ дѣлать, мой другъ, рано или поздно ты узналъ бы это,—ты не мой сынъ, но я усыновилъ тебя, и ежели ты будешь достоинъ моей любви, то я никогда не оставлю тебя“. И я скажу ему: „папа, хотя я не имѣю права называть тебя этимъ именемъ, но я теперь произношу его въ послѣдній разъ; я всегда любилъ тебя и буду любить, никогда не забуду, что ты мой благодѣтель, но не могу больше оставаться въ твоёмъ домѣ. Здѣсь никто не любитъ меня, а St.-Jérôme поклялся въ моей гибели. Онъ или я должны оставить твой домъ, потому что я не отвѣчаю за себя, я до такой степени ненавижу этого человѣка, что готовъ на все. Я убью его“. Такъ и сказать: „папа, я убью его“. Папа станетъ просить меня, но я махну рукой, скажу ему: „нѣтъ, мой другъ, мой благодѣтель, мы не можемъ жить вмѣстѣ, а отпусти меня“. И я обниму его и скажу ему почему-то по-французски: „*Oh, mon père, oh, mon bienfaiteur, donne-moi pour la dernière fois ta bénédiction et que la volonté de Dieu soit faite!*“ И я, сидя на сундукѣ въ темномъ чуланѣ, плачу навзрыдъ при этой мысли. Но вдругъ я вспоминаю постыдное наказаніе, ожидающее меня, дѣй-

ствительность представляется мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ, и мечты мгновенно разлетаются.

То я воображаю себя уже на свободѣ, внѣ нашего дома. Я поступаю въ гусары и иду на войну. Со всѣхъ сторонъ на меня несутся враги, я размахиваюсь саблей и убиваю одного, другой взмахъ—убиваю другого, третьяго. Наконецъ, въ изнуреніи отъ ранъ и усталости, я падаю на землю и кричу: „побѣда!“ Генеральъ подбѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: „гдѣ онъ—нашъ спаситель?“ Ему указываютъ на меня, онъ бросается мнѣ на шею и съ радостными слезами кричитъ: „побѣда!“ Я выздоравливаю и съ подвязанною чернымъ платкомъ рукою гуляю по Тверскому бульвару. Я генераль! Но вотъ *государь* встрѣчаетъ меня и спрашиваетъ: „кто этотъ израпленный молодой человѣкъ?“ Ему говорятъ, что это извѣстный герой Николай. Государь подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „благодарю тебя. Я все сдѣлаю, чего бы ты ни просилъ у меня“. Я почтительно кланяюсь и, опираясь на саблю, говорю: „я счастливъ, великій государь, что могъ пролить кровь за свое отечество, и желалъ бы умереть за него; но ежели ты такъ милостивъ, что позволяешь мнѣ просить тебя, прошу объ одномъ—позволь мнѣ уничтожить врага моего, иностранца St.-Jérôme'a. Мнѣ хочется уничтожить врага моего St.-Jérôme'a“. Я грозно останавливаюсь передъ St.-Jérôme'омъ и говорю ему: „ты сдѣлалъ мое несчастье, à genoux!“ Но вдругъ мнѣ приходитъ мысль, что съ минуты на минуту можетъ войти настоящій St.-Jérôme съ розгами, и я снова вижу себя не генераломъ, спасающимъ отечество, а самымъ жалкимъ, плачевнымъ созданиемъ.

То мнѣ приходитъ мысль о Богѣ, и я дерзко спрашиваю Его, за что Онъ наказываетъ меня. „Я, кажется, не забывалъ молиться утромъ и вечеромъ, такъ за что жъ я страдаю?“ Положительно могу сказать, что первый шагъ къ религіознымъ сомнѣніямъ, тревожившимъ меня во время отрочества, былъ сдѣланъ мною теперь, не потому, чтобы несчастье побудило меня къ ропоту и невѣрію, но

потому, что мысль о несправедливости Провидѣнія, пришедшая мнѣ въ голову въ эту пору совершеннаго душевнаго разстройства и суточного уединенія, какъ дурное зерно, послѣ дождя упавшее на рыхлую землю, съ быстротою стала разрастаться и пускать корни. То я воображалъ, что я непременно умру, и живо представлялъ себѣ удивленіе St.-Jérôme'a, находящаго въ чуланѣ вмѣсто меня безжизненное тѣло. Вспоминая рассказы Натальи Савишны о томъ, что душа усопшаго до сорока дней не оставляетъ дома, я мысленно послѣ смерти иошусь невидимкой по всеѣмъ комнатамъ бабушкина дома и подслушиваю искреннія слезы Любочки, сожалѣнія бабушки и разговоръ папа съ Августомъ Антоновичемъ. „Онъ славный былъ мальчикъ“, скажетъ папа со слезами на глазахъ. „Да,—скажетъ St.-Jérôme,—но большой повѣса“.— „Вы бы должны уважать мертвыхъ,—скажетъ папа,—вы были причиной его смерти, вы запугали его, онъ не могъ перенести униженія, которое вы готовили ему... Вонъ отсюда, злодѣй!“

И St.-Jérôme упадетъ на колѣни, будетъ плакать и просить прощенія. Послѣ сорока дней душа моя улетаетъ на небо; я вижу тамъ что-то удивительно-прекрасное, бѣлое, прозрачное, длинное и чувствую, что это моя мать. Это что-то бѣлое окружаетъ, ласкаетъ меня; но я чувствую безпокойство и какъ будто не узнаю ея. „Ежели это точно ты,—говорю я,—то покажись мнѣ лучше, чтобъ я могъ обнять тебя“. И мнѣ отвѣчаетъ ея голосъ: „здѣсь мы всѣ такіе, я не могу лучше обнять тебя. Развѣ тебѣ не хорошо такъ?“—„Нѣтъ, мнѣ очень хорошо, но ты не можешь щекотать меня, и я не могу цѣловать твоихъ рукъ...“—„Не надо этого, здѣсь и такъ прекрасно“, говоритъ она, и я чувствую, что точно прекрасно, и мы вмѣстѣ съ ней летимъ все выше и выше. Тутъ я какъ будто просыпаюсь и нахожу себя опять на сундукѣ въ темномъ чуланѣ, съ мокрыми отъ слезъ щеками, безъ всякой мысли твердящаго слова: *и мы все летимъ выше и выше*. Я долго употребляю всевозможныя усилія, чтобъ уяснить свое по-

ложение, по умственному взору моему представляется въ настоящемъ только одна страшно мрачная, непроницаемая даль. Я стараюсь снова возвратиться къ тѣмъ отраднымъ, счастливымъ мечтамъ, которыя прервало сознание дѣйствительности; но, къ удивленію моему, какъ скоро вхожу въ колею прежнихъ мечтаній, я вижу, что продолженіе ихъ невозможно и—что всего удивительнѣе—не доставляетъ уже мнѣ никакого удовольствія.

XV.

Перемелется—мука будетъ.

Я ночевалъ въ чуланѣ, и никто не приходилъ ко мнѣ; только на другой день, т.-е. въ воскресенье, меня перевели въ маленькую комнату подлѣ классной и опять заперли. Я начиналъ надѣяться, что наказаніе мое ограничится заточеніемъ, и мысли мои подъ вліяніемъ сладкаго, крѣпительнаго сна, яркаго солнца, игравшаго на морозныхъ узорахъ оконъ, и дневного обыкновеннаго шума на улицахъ начинали успокаиваться. Но уединеніе все-таки было очень тяжело: мнѣ хотѣлось двигаться, рассказать кому-нибудь все, что накопилось у меня на душѣ, и не было вокругъ меня живого созданія. Положеніе это было еще болѣе непріятно потому, что, какъ мнѣ ни противно было, я не могъ не слышать, какъ St.-Jérôme, прогуливаясь по своей комнатѣ, насвистывалъ совершенно спокойно какіе-то веселые мотивы. Я былъ вполне убѣжденъ, что ему вовсе не хотѣлось свистать, но что онъ дѣлалъ это единственно для того, чтобы мучить меня.

Въ два часа St.-Jérôme и Володя сошли внизъ, а Николай принесъ мнѣ обѣдъ, и когда я разговорился съ нимъ о томъ, что я надѣлалъ и что ожидаетъ меня, онъ сказалъ:

— Эхъ, сударь! не тужите: перемелется — мука будетъ.

Хотя это изреченіе, не разъ и впоследствии поддержи-
вавшее твердость моего духа, нѣсколько утѣшило меня
но именно то обстоятельство, что мнѣ прислали не одинъ
хлѣбъ и воду, а весь обѣдъ, даже и пирожное—розан-
чики, заставило меня сильно призадуматься. Ежели бы
мнѣ не прислали розанчиковъ, то значило бы, что меня
показываютъ заточеніемъ, но теперь выходило, что я еще
не наказанъ, что я только удаленъ отъ другихъ, какъ
вредный человѣкъ, а что наказаніе впереди. Въ то время,
какъ я былъ углубленъ въ разрѣшеніе этого вопроса, въ
замкъ моей темницы повернулся ключъ, и St.-Jérôme съ
суровымъ и официальнымъ лицомъ вошелъ въ ком-
нату.

— Пойдемте къ бабушкѣ,—сказалъ онъ, не глядя на
меня.

Я хотѣлъ было почистить рукава курточки, запачкав-
шіеся мѣломъ, прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, но St.-
Jérôme сказалъ мнѣ, что это совершенно бесполезно, какъ
будто я находился уже въ такомъ жалкомъ нравствен-
номъ положеніи, что о наружномъ своемъ видѣ не стоило
и заботиться.

Катенька, Любочка и Володя посмотрѣли на меня въ
то время, какъ St.-Jérôme за руку проводилъ меня черезъ
залу, точно съ тѣмъ же выраженіемъ, съ которымъ мы
обыкновенно смотрѣли на колодниковъ, проводимыхъ по
понедѣльникамъ мимо нашихъ оконъ. Когда же я подо-
шелъ къ креслу бабушки съ намѣреніемъ поцѣловать ея
руку, она отвернулась отъ меня и спрятала руку подъ
мантилью.

— Да, мой милый,—сказала она послѣ довольно про-
должительнаго молчанія, во время котораго она осмотрѣла
меня съ ногъ до головы такимъ взглядомъ, что я не
зналъ, куда дѣвать свои глаза и руки,—могу сказать, что
вы очень цѣните мою любовь и составляете для меня
истинное утѣшеніе. Mr. St.-Jérôme, который по моей
просьбѣ,—прибавила она, растягивая каждое слово,—взялся
за ваше воспитаніе, не хочетъ теперь оставаться въ моемъ

домъ. Отчего? Отъ васъ, мой милый. Я надѣялась, что вы будете благодарны,—продолжала она, помолчавъ немного и тономъ, который доказывалъ, что рѣчь ея была приготовлена заблаговременно,—за попеченія и труды его, что вы будете умѣть цѣнить его заслуги, а вы, молоко-сосъ, мальчишка, рѣшились поднять на него руку. Очень хорошо! Прекрасно!! Я тоже начинаю думать, что вы неспособны понимать благороднаго обращенія, что на васъ нужны другія, низкія средства... Проси сейчасъ прощенія,—прибавила она строго-повелительнымъ тономъ, указывая на St.-Jérôme'a,—слышишь?

Я посмотрѣлъ по направленію руки бабушки и, увидѣвъ сюртукъ St.-Jérôme'a, отвернулся и не трогался съ мѣста, снова начиная ощущать замираніе сердца.

— Что же? Вы не слышите развѣ, что я вамъ говорю?

Я дрожалъ всею тѣлою, но не трогался съ мѣста.

— Коко! — сказала бабушка, должно-быть, замѣтивъ внутреннія страданія, которыя я испытывалъ.—Коко,—сказала она уже не столько повелительнымъ, сколько нѣжнымъ голосомъ,—ты ли это?

— Бабушка! я не буду просить у него прощенія ни за что...—сказалъ я, вдругъ останавливаясь, чувствуя, что не въ состояннн буду удержать слезъ, давившихъ меня, ежели скажу еще одно слово.

— Я приказываю тебѣ, я прошу тебя. Что же ты?

— Я... я... не... хочу... я не могу,—проговорилъ я, и сдержанныя рыданія, накопившіяся въ моей груди, вдругъ опрокинули преграду, удерживавшую ихъ, и разлились отчаяннымъ потокомъ.

— C'est ainsi que vous obéissez à votre seconde mère, c'est ainsi que vous reconnaissez ses bontés!—сказалъ St.-Jérôme трагическимъ голосомъ.—A genoux!

— Боже мой, ежели бы она видѣла это!—сказала бабушка, отворачиваясь отъ меня и отирая показавшіяся слезы.—Ежели бы она видѣла... все къ лучшему. Да, она не перенесла бы этого горя, не перенесла бы...

И бабушка плакала все сильнѣй и сильнѣй. Я плакать тоже, но и не думалъ просить прощенія.

— *Tranquillisez-vous au nom du ciel, m-me la comtesse,*—говорилъ *St.-Jérôme*.

Но бабушка уже не слушала его, она закрыла лицо руками, и рыданія ея скоро перешли въ икоту и истерику. Въ комнату съ испуганными лицами вбѣжали Мими и Гаша, запахло какими-то спиртами, и по всему дому вдругъ поднялись бѣготня и шептанье.

— Любуйтеся на ваше дѣло,—сказалъ *St.-Jérôme*, уводя меня наверхъ.

„Боже мой, что я надѣлалъ! какой я ужасный преступникъ!“

Только что *St.-Jérôme*, сказавъ мнѣ, чтобъ я шелъ въ свою комнату, спустился внизъ, я, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, побѣжалъ по большой лѣстницѣ, ведущей на улицу.

Хотѣлъ ли я убѣжать совѣмъ изъ дома или утѣшиться, не помню; знаю только, что, закрывъ лицо руками, чтобы не видать никого, я бѣжалъ все дальше и дальше по лѣстницѣ.

— Ты куда?—спросилъ меня вдругъ знакомый голосъ.—Тебя-то мнѣ и нужно, голубчикъ.

Я хотѣлъ было пробѣжать мимо, но папа схватилъ меня за руку и строго сказалъ:

— Пойдемъ-ка со мной, любезный! Какъ ты смѣлъ трогать портфель въ моемъ кабинетѣ?—сказалъ онъ, вводя меня за собой въ маленькую диванную.—А? Что же ты молчишь? А?—прибавилъ онъ, взявъ меня за ухо.

— Виповать,—сказалъ я:—самъ не знаю, что на меня нашло.

— А, не знаешь, что на тебя нашло, не знаешь, не знаешь, не знаешь...—повторялъ онъ, съ каждымъ словомъ потрясая мое ухо.—Будешь впередъ совать носъ, куда не слѣдуетъ? будешь? будешь?

Несмотря на то, что я ощущалъ сильнѣйшую боль въ ухѣ, я не плакалъ, а испытывалъ пріятное моральное

чувство. Только что папа выпустилъ мое ухо, я схватилъ его руки и со слезами принялся покрывать ее поцѣлуями.

— Бей меня еще, — говорилъ я сквозь слезы. — крѣпче, больнѣе, я негодный, я гадкій, я несчастный человѣкъ!

— Что съ тобой? — сказалъ онъ, слегка отталкивая меня.

— Нѣтъ, ни за что не пойду, — сказалъ я, цѣпляясь за его сюртукъ. — Всѣ ненавидятъ меня, я это знаю, но, ради Бога, ты выслушай меня, защити меня или выгони изъ дома. Я не могу съ нимъ жить, онъ всячески старается унижить меня, велитъ становиться на колѣни передъ собой, хочетъ высѣчь меня. Я не могу этого, я не маленькій, я не перенесу этого, я умру, убью себя. Онъ сказалъ бабушкѣ, что я негодный, она теперь больна, она умретъ отъ меня. Я... съ... нимъ... ради Бога... высѣки... за... что... му... чать...

Слезы душили меня, я сѣлъ на диванъ и, не въ силахъ говорить болѣе, упалъ головой ему на колѣни, рыдая такъ, что мнѣ казалось, я долженъ былъ умереть въ ту же минуту.

— О чемъ ты, пузырь? — сказалъ папа съ участіемъ, наклоняясь ко мнѣ.

— Онъ мой тиранъ, мучитель... умру... никто меня не любитъ! — едва могъ проговорить я, и со мной сдѣлались конвульси.

Папа взялъ меня на руки и отнесъ въ спальню. Я заснулъ.

Когда я проснулся, было уже очень поздно, одна свѣчка горѣла около моей кровати, и въ комнатѣ сидѣли нашъ домашній докторъ, Мими и Любочка. По лицамъ ихъ замѣтно было, что боялись за мое здоровье. Я же чувствовалъ себя такъ хорошо и легко послѣ двѣнадцати-часового сна, что сейчасъ бы вскочилъ съ постели, если бы мнѣ не неприятно было разстроить ихъ увѣренность въ томъ, что я очень боленъ.

XVI.

Н е н а в и с т ь .

Да, это было настоящее чувство ненависти, — не той ненависти, про которую только пишутъ въ романахъ и въ которую я не вѣрю, — ненависти, которая будто находитъ наслажденіе въ дѣланіи зла человѣку, но той ненависти, которая внушаетъ вамъ непреодолимое отвращеніе къ человѣку, заслуживающему, однако, ваше уваженіе. дѣлаетъ для васъ противными его волосы, шею, походку, звукъ голоса, всѣ его члены, всѣ его движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ какою-то непонятною силой притягиваетъ васъ къ нему и съ безпокойнымъ вниманіемъ заставляетъ слѣдить за малѣйшими его поступками. Я испытывалъ это чувство къ St.-Jérôme'у.

St.-Jérôme жилъ у насъ уже полтора года. Обсуждая теперь хладнокровно этого человѣка, я нахожу, что онъ былъ хорошій французъ, по французъ въ высшей степени. Онъ былъ не глупъ, довольно хорошо ученъ и добросовѣстно исполнялъ въ отношеніи насъ свою обязанность, но онъ имѣлъ общія всѣмъ его землякамъ и столь противоположныя русскому характеру отличительныя черты легкомысленнаго эгоизма, тщеславія, дерзости и невѣжественной самоувѣренности. Все это мнѣ очень не нравилось. Само собой разумѣется, что бабушка объявила ему свое мнѣніе насчетъ тѣлеснаго наказанія, и онъ не смѣлъ бить пасъ; но, несмотря на это, онъ часто угрожалъ, въ особенности мнѣ, розгами и выговаривалъ слово fouetter (какъ-то fouatter) такъ отвратительно и съ такой интонаціей, какъ будто высвѣчь меня доставило бы ему величайшее удовольствіе.

Я нисколько не боялся боли наказанія, никогда не испытывалъ ея, но одна мысль, что St.-Jérôme можетъ ударить меня, приводила меня въ тяжелое состояніе подавленнаго отчаянія и злобы.

Случалось, что Карль Ивановичъ въ минуту досады лично расправлялся съ нами линейкой или помочами, но я безъ малѣйшей досады вспоминаю объ этомъ. Даже въ то время, о которомъ я говорю (когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ), ежели бы Карлу Ивановичу случилось приколотить меня, я хладнокровно перенесъ бы его побои. Карла Ивановича я любилъ, помнилъ его съ тѣхъ поръ, какъ самого себя, и привыкъ считать членомъ своего семейства; но St.-Jérôme былъ человѣкъ гордый, самодовольный, къ которому я ничего не чувствовалъ, кромѣ того невольнаго уваженія, которое внушали мнѣ всѣ *большие*. Карль Ивановичъ былъ смѣшной старикъ, *дядька*, котораго я любилъ отъ души, но ставилъ все-таки ниже себя въ моемъ дѣтскомъ пониманіи общественнаго положенія. St.-Jérôme, напротивъ, былъ образованный, красивый молодой щеголь, старавшійся стать наравнѣ со всѣми.

Карль Ивановичъ бранилъ и наказывалъ насъ всегда хладнокровно; видно было, что онъ считалъ это хотя необходимою, но неприятною обязанностью. St.-Jérôme, напротивъ, любилъ драпироваться въ роль наставника; видно было, когда онъ наказывалъ насъ, что онъ дѣлалъ это болѣе для собственнаго удовольствія, чѣмъ для нашей пользы. Онъ увлекался своимъ величіемъ. Его пышныя французскія фразы, которыя онъ говорилъ съ сильными удареніями на послѣднемъ слогѣ, *accent circonflex*'ами, были для меня невыразимо противны. Карль Ивановичъ, разсердившись, говорилъ: „кукольная комедія, шалуныя мальшикъ, шампанская мушка“. St.-Jérôme называлъ насъ *mauvais sujet, vilain garnement* и т. п. названіями, которыя оскорбляли мое самолюбіе.

Карль Ивановичъ ставилъ насъ на колѣни лицомъ въ уголъ, и наказаніе состояло въ физической боли, происходившей отъ такого положенія. St.-Jérôme, выпрямляя грудь и дѣлая величественный жестъ рукой, трагическимъ голосомъ кричалъ: „à genoux, mauvais sujet!“ приказывалъ становиться на колѣни лицомъ къ себѣ и просить прощенія. Наказаніе состояло въ униженіи.

Меня не наказывали, и никто даже не напоминалъ мнѣ о томъ, что со мной случилось; но я не могъ забыть всего, что испыталъ: отчаянія, стыда, страха и ненависти въ эти два дня. Несмотря на то, что съ того времени St.-Jérôme, какъ казалось, махнулъ на меня рукой, почти не занимался мною, я не могъ привыкнуть смотрѣть на него равнодушно. Всякій разъ, когда случайно встрѣчались наши глаза, мнѣ казалось, что во взглядѣ моемъ выражается слишкомъ явная неприязнь, и я спѣшилъ принять выраженіе равнодушія; но когда мнѣ казалось, что онъ понимаетъ мое притворство, я краснѣлъ и отворачивался.

Однимъ словомъ, мнѣ невыразимо тяжело было имѣть съ нимъ какія бы то ни было отношенія.

XVII.

Д ѣ в и ч ь я .

Я чувствовалъ себя все болѣе и болѣе одинокимъ, и главными моими удовольствіями были уединенныя размышленія и наблюденія. О предметъ моихъ размышленій разскажу въ слѣдующей главѣ; театромъ же моихъ наблюденій преимущественно была дѣвичья, въ которой происходилъ весьма для меня занимательный и трогательный романъ. Героиней этого романа, само собой разумѣется, была Маша. Она была влюблена въ Василія, знавшаго ее еще тогда, когда она жила на волѣ, и обѣщавшаго еще тогда на ней жениться. Судьба, разлучившая ихъ пять лѣтъ тому назадъ, снова соединила ихъ въ бабушкиномъ домѣ, но положила преграду ихъ взаимной любви въ лицѣ Николая (родного дяди Маши), не хотѣвшаго и слышать о замужествѣ своей племянницы съ Василіемъ, котораго онъ называлъ человѣкомъ *несообразнымъ* и *необузданнымъ*.

Преграда эта сдѣлала то, что прежде довольно хладнокровный и небрежный въ обращеніи Василій вдругъ

влюбился въ Машу, — влюбился такъ, какъ только способенъ на такое чувство дворовый человѣкъ изъ портныхъ, въ розовой рубашкѣ и съ напомаженными волосами.

Несмотря на то, что проявленія его любви были весьма странны и несообразны (напримѣръ, встрѣчая Машу, онъ всегда старался причинить ей боль: или щипаль ее, или билъ ладошю, но самая любовь его была искренняя, что доказывается уже тѣмъ, что съ той поры, какъ Николай рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ своей племянницы, Василій *запилъ* съ горя, сталъ шляться по кабакамъ, буянить, — однимъ словомъ, вести себя такъ дурно, что не разъ подвергался постыдному наказанію на съѣзжей. Но поступки эти и ихъ послѣдствія, казалось, были заслугой въ глазахъ Маши и увеличивали еще ея любовь къ нему. Когда Василій *содержался въ части*, Маша по цѣлымъ днямъ, не осушая глазъ, плакала, жаловалась на свою горькую судьбу Гашѣ (принимавшей живое участіе въ дѣлахъ несчастныхъ любовниковъ) и, презирая брань и побои своего дяди, потихоньку бѣгала въ полицію навѣщать и утѣшать своего друга.

Не гнушайтесь, читатель, обществомъ, въ которое я ввожу васъ. Ежели въ душѣ вашей не ослабли струны любви и участія, то и въ дѣвичьей найдутся звуки, на которые онѣ отзовутся. Угодно ли вамъ, или не угодно будетъ слѣдовать за мной, я отправляюсь на площадку лѣстницы, съ которой мнѣ видно все, что происходитъ въ дѣвичьей. Вотъ лежанка, на которой стоятъ: утюгъ, картонная кукла съ разбитымъ носомъ, лаханка, рукомоиникъ; вотъ окно, на которомъ въ безпорядкѣ валяются: кусочекъ чернаго воска, мотокъ шелку, откушенный зеленый огурецъ и конфетная коробочка; вотъ и большой красный столъ, на которомъ на начатомъ шитьѣ лежитъ кирпичъ, обшитый ситцемъ, и за которымъ сидятъ *она* въ моемъ любимомъ розовомъ холстинковомъ платьѣ и голубой косынкѣ, особенно привлекающей мое вниманіе. *Она* шьетъ, изрѣдка останавливаясь, чтобы по-

чесать иголкой голову или поправить свѣчку, а я смотрю и думаю: „отчего она не родилась барышней съ этими свѣтлыми голубыми глазами, огромною русою косою и высокою грудью? Какъ бы ей пристало сидѣть въ гостиной въ чепчикѣ съ розовыми лентами и въ малиновомъ шелковомъ капотѣ, не въ такомъ, какой у Мими, а какой я видѣлъ на Тверскомъ бульварѣ. Она бы шла въ пальцахъ, а я бы въ зеркало смотрѣлъ на нее, и чего бы ни захотѣла она, я все бы для нея дѣлалъ: подавалъ бы ей салонъ, кушанье самъ бы подавалъ...

„И что за пьяное лицо и отвратительная фигура у этого Василя въ узкомъ сюртукѣ, надѣтомъ сверхъ грязной розовой рубашки на выпускъ! Въ каждомъ его тѣлодвиженіи, въ каждомъ изгибѣ его спины, мнѣ кажется, что я вижу несомнѣнные признаки отвратительнаго наказанія, постигнувшаго его...“

— Что, Вася, опять?—сказала Маша, втыкая иголку въ подушки и не поднимая головы навстрѣчу входящему Василю.

— А что жъ? развѣ отъ *него* добро будетъ,—отвѣчалъ Василій,—хоть бы рѣшилъ однимъ чѣмъ-нибудь, а то пропадаю такъ ни за что, и все черезъ *него*.

— Чай будете пить?—сказала Надѣжа, другая горничная.

— Благодарю покорно... И вѣдь за что ненавидить воръ этотъ, дядя-то твой, за что? За то, что платье себѣ настоящее имѣю, за форцъ за мой, за походку мою, одно слово. Эхъ-ма!—заклочилъ Василій, махнувъ рукой.

— Надо покорнымъ быть,—сказала Маша, скусывая питку,—а вы такъ все...

— Мочи моей не стало, вотъ что!

Въ это время въ комнатѣ бабушки послышался стукъ дверью и ворчливый голосъ Гаши, приближавшейся по лѣстницѣ.

— Поди тутъ угоди, когда сама не знаетъ, чего хочетъ... проклятая *жисть*, каторжная! Хоть бы одно что,

прости, Господи, мое согрѣшеніе,—бормотала она, размахивая руками.

— Мое почтеніе Агаѣѣ Михайловнѣ!—сказаль Василій, приподнимаясь ей навстрѣчу.

— Ну васъ тутъ! Не до твоего почтенія,—отвѣчала она, грозно глядя на него.—И зачѣмъ ходишь сюда? Развѣ мѣсто къ дѣвкамъ мужчинѣ ходить...

— Хотѣлъ о вашемъ здоровьи узнать,—робко сказаль Василій.

— Издохну скоро, вотъ какое мое здоровье!—еще съ большимъ гнѣвомъ, во весь ротъ прокричала Агаѣя Михайловна.

Василій засмѣялся.

— Тутъ смѣяться нечего, а коли говорю, что убирайся, такъ маршъ! Вишь, поганецъ, тоже жениться хочетъ, подлець! Ну, маршъ, отправляйся!

И Агаѣя Михайловна, топая ногами, прошла въ свою комнату, такъ сильно стукнувъ дверь, что стекла задрожали въ окнахъ.

За перегородкой долго еще слышалось, какъ, продолжая бранить все и всѣхъ и проклиная свое житіе, она швыряла свои вещи и драла за уши свою любимую кошку; наконецъ дверь пріотворилась, и въ нее вылетѣла брошенная за хвостъ жалобно мяукавшая кошка.

— Видно, въ другой разъ прійти чайку напиться,—сказаль Василій попотомъ.—До пріятнаго свиданія.

— Ничего,—сказала, подмигивая, Надѣжа,—я вотъ пойду самоваръ посмотрю.

— Да и сдѣлаю жъ я одинъ конецъ,—продолжалъ Василій, ближе подсаживаясь къ Машѣ, какъ только Надѣжа вышла изъ комнаты:—либо пойду прямо къ графинѣ, скажу: „такъ и такъ“, либо ужъ... брошу все, убѣгу на край свѣта, ей Богу.

— А я какъ останусь...

— Одну тебя жалѣю, а то бы ужъ даа...вно моя головушка на волѣ была, ей Богу, ей Богу.

— Что это ты, Вася, мнѣ свои рубашки не принесешь постирать,—сказала Маша послѣ минутнаго молчанія,—а то, вишь, какая черная,—прибавила она, взявъ его за воротъ рубашки.

Въ это время снизу послышался колокольчикъ бабушки, и Гапа вышла изъ своей комнаты.

— Ну, чего, подлый человѣкъ, отъ нея добиваешься?—сказала она, толкая въ дверь Василю, который торопливо всталъ, увидавъ ее.—Видно, весело тебѣ, оголтѣлый, на ея слезы смотрѣть. Вонъ пошелъ! Чтобы духу твоего не было. И чего хорошаго въ немъ нашла?—продолжала она, обращаясь къ Машѣ.—Мало тебя колотилъ нынче дядя за него? Нѣтъ, все свое: ни за кого не пойду какъ за Василю Грускова. Дура!

— Да и не пойду ни за кого, не люблю никого, хоть убей меня до смерти за него,—проговорила Маша, вдругъ разливаясь слезами.

Долго я смотрѣлъ на Машу, которая, лежа на сундукѣ, утирала слезы своею косынкою, и, всячески стараясь измѣнить свой взглядъ на Василю, я хотѣлъ найти ту точку зрѣнія, съ которой онъ могъ казаться ей столь привлекательнымъ. Но, несмотря на то, что я искренно сочувствовалъ ея печали, я никакъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ такое очаровательное созданіе, какимъ казалась Маша въ моихъ глазахъ, могло любить Василю.

„Когда я буду большой,—разсуждать я самъ съ собой, вернувшись къ себѣ наверхъ,—Петровское достанется мнѣ, и Василій и Маша будутъ мои крѣпостные. Я буду сидѣть въ кабинетѣ и курить трубку, Маша съ утюгомъ пройдетъ въ кухню. Я скажу: „позовите ко мнѣ Машу“. Она придетъ, и никого не будетъ въ комнатѣ... Вдругъ пойдетъ Василій и, когда увидитъ Машу, скажетъ: „пропала моя головушка!“ и Маша тоже заплачетъ; а я скажу: „Василій, я знаю, что ты любишь ее, и она тебя любитъ, на вотъ тебѣ тысячу рублей, женись на ней и дай Богъ тебѣ счастья“, а самъ уйду въ диванную“. Между без-

численнымъ количествомъ мыслей и мечтаній, безъ всякаго слѣда проходящихъ въ умѣ и воображеніи, есть такия, которыя оставляютъ въ нихъ глубокую чувствительную борозду, такъ что, часто не помня уже сущности мысли, помнишь, что было что-то хорошее въ головѣ, чувствуешь слѣдъ мысли и стараешься снова воспроизвести ее. Такого рода глубокой слѣдъ оставила въ моей душѣ мысль о пожертвованіи своего чувства въ пользу счастья Мани, которое она могла найти только въ супружествѣ съ Василиемъ.

XVIII.

Отрочество.

Едва ли мнѣ повѣрятъ, какіе были любимѣйшіе и постояннѣйшіе предметы моихъ размышленій во время моего отрочества,—такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральною дѣятельностью есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ; и дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигнуть умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему.

Мнѣ кажется, что умъ человѣческой въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ проходитъ въ своемъ развитіи по тому же пути, по которому онъ развивается и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, что мысли, служившія основаніемъ различныхъ философскихъ теорій, составляютъ нераздѣльные части ума, но что каждый человѣкъ болѣе или менѣе ясно сознавалъ ихъ еще прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій.

Мысли эти представлялись моему уму съ такою ясно-стью и поразительностью, что я даже старался примѣнять ихъ къ жизни, воображая, что я *первый* открываю такія великія и полезныя истины.

Разъ мнѣ пришла мысль, что счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ,—и, чтобы пріучить себя къ труду, я, несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спицѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ.

Другой разъ, вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, не понимая, какъ не поняли того до сихъ поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе ечастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ,— и я дня три, подъ вліяніемъ этой мысли, бросилъ уроки и занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, которые я покупалъ на послѣднія деньги.

То разъ, стоя передъ черною доской и рисуя на ней мѣломъ разныя фигуры, я вдругъ былъ пораженъ мыслью: почему симметрія пріятна для глазъ? что такое симметрія? Это—врожденное чувство,—отвѣчалъ я самъ себѣ. На чемъ же оно основано? Развѣ во всемъ въ жизни симметрія? Напротивъ, вотъ жизнь—и я нарисовалъ на доскѣ овальную фигуру. Послѣ жизни душа переходитъ въ вѣчность; вотъ вѣчность—и я провелъ съ одной стороны овальной фигуры черту до самаго края доски. Отчего же съ другой стороны нѣтъ такой же черты? Да и въ самомъ дѣлѣ, какая же можетъ быть вѣчность съ одной стороны. Мы, вѣрно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о томъ воспоминаіе.

Это разсужденіе, казавшееся мнѣ чрезвычайно новымъ и яснымъ и котораго связь я съ трудомъ могу уловить

теперь, поправилось мнѣ чрезвычайно, и я, взявъ листъ бумаги, вздумалъ письменно изложить его; но при этомъ въ голову мою набралась вдругъ такая бездна мыслей, что я принужденъ былъ встать и пройтись по комнатѣ. Когда я подошелъ къ окну, вниманіе мое обратила водовозка, которую запрягаль въ это время кучеръ, и всѣ мысли мои сосредоточились на рѣшеніи вопроса: въ какое животное или человѣка перейдетъ душа этой водовозки, когда она околѣветъ? Въ это время Володя, проходя черезъ комнату, улыбнулся, замѣтивъ, что я размышлялъ о чемъ-то, и этой улыбки мнѣ достаточно было, чтобы понять, что все то, о чемъ я думалъ, была ужаснѣйшая гиль.

Я рассказалъ этотъ почему-то мнѣ памятный случай только затѣмъ, чтобы дать понять читателю о томъ, въ какомъ родѣ были мои умствованія.

Но ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что, кромѣ меня, никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой *постоянной идеи* доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (*néant*) тамъ, гдѣ меня не было.

Жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности—умъ человѣка!

Слабый умъ мой не могъ пропикнуть непроницаемаго, а въ непосильномъ трудѣ терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыя для счастья моей жизни я никогда бы не долженъ былъ смѣть затрогивать.

Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка.

Отвлеченныя мысли образуются вслѣдствіе способности человѣка уловить сознаниемъ въ извѣстный моментъ состояніе души и перенести его въ воспоминаніе. Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознание, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивая себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ.

Однако философскія открытія, которыя я дѣлалъ, чрезвычайно льстили моему самолюбію: я часто воображалъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины, и съ гордымъ сознаниемъ своего достоинства смотрѣлъ на остальныхъ смертныхъ; но странно: приходя въ столкновеніе съ этими смертными, я робѣлъ передъ каждымъ, и чѣмъ выше ставилъ себя въ собственномъ мнѣніи, тѣмъ менѣе былъ способенъ съ другими не только выказывать сознание собственнаго достоинства, но не могъ даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движеніе.

XIX.

В о л о д я.

Да, чѣмъ дальше подвигаюсь я въ описаніи этой поры моей жизни, тѣмъ тяжелѣе и труднѣе становится оно для меня. Рѣдко-рѣдко между воспоминаніями за это время нахожу я минуты истиннаго теплаго чувства, такъ ярко

и постоянно освѣщавшаго начало моей жизни. Мнѣ невольно хочется пробѣжать скорѣе пустыню отрочества и достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нѣжное, благородное чувство дружбы яркимъ свѣтомъ озарило конецъ этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзіи порѣ юности.

Не стану часъ за часомъ слѣдить за своими воспоминаніями, но брошу быстрый взглядъ на главнѣйшія изъ нихъ съ того времени, до котораго я довелъ свое повѣствованіе, и до сближенія моего съ необыкновеннымъ человѣкомъ, имѣвшимъ рѣшительное и благотворное вліяніе на мой характеръ и направленіе.

Володя на-дняхъ поступаетъ въ университетъ, учителя уже ходятъ къ нему отдѣльно, и я съ завистью и невольнымъ уваженіемъ слушаю, какъ онъ, бойко постукивая мѣломъ о черную доску, толкуетъ о функціяхъ, синусахъ, координатахъ и т. п., которые кажутся мнѣ выраженіями недосыгаемой премудрости. Но вотъ въ одно воскресеніе послѣ обѣда въ комнатѣ бабушки собираются всѣ учителя, два профессора, и въ присутствіи папа и нѣкоторыхъ гостей дѣлаютъ репетицію университетскаго экзамена, въ которомъ Володя, къ великой радости бабушки, выказываетъ необыкновенныя познанія. Мнѣ тоже дѣлаютъ вопросы изъ нѣкоторыхъ предметовъ, но я оказываюсь весьма плохъ, и профессора, видимо, стараются передъ бабушкой скрыть мое незнаніе, что еще болѣе конфузятъ меня. Впрочемъ, на меня мало и обращаютъ вниманія: мнѣ только пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно, остается еще годъ до экзамена. Володя только къ обѣду сходитъ внизъ, а цѣлые дни и даже вечера проводитъ наверху за занятіями—не по принужденію, а по собственному желанію. Онъ чрезвычайно самолюбивъ и не хочетъ выдержать экзаменъ посредственно, а отлично.

Но вотъ наступилъ день перваго экзамена. Володя надѣваетъ синій фракъ съ бронзовыми пуговицами, золотые часы и лакированные сапоги; къ крыльцу подають фаэтонъ папа; Николай откидываетъ фартукъ, и Володя

съ St.-Jérôme'омъ ѣдутъ въ университетъ. Дѣвочки, въ особенности Катенька, съ радостными, восторженными лицами смотрятъ въ окно на стройную фигуру садыагаося въ экипажъ Володи, папа говоритъ: „дай Богъ, дай Богъ“, а бабушка, тоже притащившаяся къ окну, со слезами на глазахъ креститъ Володю до тѣхъ поръ, пока фаэтонъ не скрывается за угломъ переулка, и шепчетъ что-то.

Володя возвращается. Всѣ съ нетерпѣніемъ спрашиваютъ его: „что? хорошо? сколько?“ но уже по веселому лицу его видно, что хорошо. Володя получилъ пять. На другой день съ тѣми же желаніями успѣха и страхомъ провожаютъ его и встрѣчаютъ съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и радостью. Такъ проходитъ девять дней. На десятый день предстоитъ послѣдній, самый трудный экзамень—законъ Божьяго; всѣ стоятъ у окна и еще съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ его. Уже два часа, а Володи нѣтъ.

— Боже мой! Батюшки!!! они!! они!!—кричитъ Любочка, прильнувъ къ стеклу.

И дѣйствительно, въ фаэтонѣ рядомъ съ St.-Jérôme'омъ сидитъ Володя, но ужъ не въ синемъ фракѣ и сѣрой фуражкѣ, а въ студенческомъ мундирѣ съ шитымъ голубымъ воротникомъ, въ треугольной шляпѣ и съ позолоченной шпагой на боку.

— Что, ежели бы ты была жива!—вскрикиваетъ бабушка, увидавъ Володю въ мундирѣ, и падаетъ въ обморокъ.

Володя съ сіяющимъ лицомъ вбѣгаетъ въ переднюю, цѣлуетъ и обнимаетъ меня, Любочку, Мими и Катеньку, которая при этомъ краснѣетъ до самыхъ ушей. Володя не помнитъ себя отъ радости. И какъ онъ хорошъ въ этомъ мундирѣ! Какъ идетъ голубой воротникъ къ его чуть пробивающимся чернымъ усикамъ! Какая у него топкая, длинная талія и благородная походка! Въ этотъ достопамятный день всѣ обѣдаютъ въ комнатѣ бабушки, на всѣхъ лицахъ сіяетъ радость, и за обѣдомъ, во время пирожнаго, дворецкій, съ прилично-величавой и вмѣстѣ

веселюю фізіономіей, приносить завернутую въ салфетку бутылку шампанскаго. Бабушка въ первый разъ послѣ кончины маманъ пьетъ шампанское, выпиваетъ цѣлый бокаль, поздравляя Володю, и снова плачетъ отъ радости, глядя на него. Володя уже одинъ въ собственномъ экипажѣ выѣзжаетъ со двора, принимаетъ къ себѣ своихъ знакомыхъ, курить табакъ, ѣздитъ на балы, и даже я самъ видѣлъ, какъ разъ онъ въ своей комнатѣ вынулъ двѣ бутылки шампанскаго съ своими знакомыми и какъ они при каждомъ бокалѣ называли здоровье какихъ-то таинственныхъ особъ и спорили о томъ, кому достанется le fond de la bouteille. Онъ обѣдаетъ, однако, регулярно дома и послѣ обѣда попрежнему усаживается въ диванной и о чемъ-то вѣчно таинственно бесѣдуетъ съ Катенькой; но сколько я могу слышать, какъ не принимающій участія въ ихъ разговорахъ, они толкуютъ только о герояхъ и героиняхъ прочитанныхъ романовъ, о ревности, о любви, и я никакъ не могу понять, что они могутъ находить занимательнаго въ такихъ разговорахъ и почему они такъ тонко улыбаются и горячо спорять.

Вообще я замѣчаю, что между Катенькой и Володей, кромѣ попятной дружбы между товарищами дѣтства, существуютъ какія-то странныя отношенія, отдаляющія ихъ отъ насъ и таинственно связывающія ихъ между собой.

XX.

Катенька и Любочка.

Катенькѣ шестнадцать лѣтъ; она выросла; угловатость формъ, застѣнчивость и неловкость движеній, свойственныя дѣвчкѣ въ переходномъ возрастѣ, уступили мѣсто гармонической свѣжести и граціозности только что распустившагося цвѣтка; но она не перемѣнилась. Тѣ же свѣтло-голубые глаза и улыбающійся взглядъ, тотъ же, составляющій почти одну линію со лбомъ, прямой носикъ съ крѣпкими ноздрями и ротикъ съ свѣтлой улыбкой,

тѣ же крошечныя ямочки на розовыхъ прозрачныхъ щечкахъ, тѣ же бѣленькія ручки... и къ ней попрежнему почему-то чрезвычайно идетъ названіе *чистенькой* дѣвочки. Новаго въ ней только густая русая коса, которую она носитъ какъ большія, и молодая грудь, появленіе которой замѣтно радуется и стыдитъ ее.

Несмотря на то, что Любочка всегда росла и воспитывалась съ нею вмѣстѣ, она во всѣхъ отношеніяхъ совѣмъ другая дѣвочка.

Любочка не высока ростомъ и вслѣдствіе англійской болѣзни у нея ноги до сихъ поръ все еще гусемъ и прегадка талія. Хорошаго во всей ея фигурѣ только глаза, и глаза эти дѣйствительно прекрасны—большіе, черные и съ такимъ непреодолимо-пріятнымъ выраженіемъ важности и наивности, что они не могутъ не остановить вниманія. Любочка во всемъ проста и натуральна; Катенька же какъ будто хочетъ быть похожею на кого-то. Любочка смотритъ всегда прямо и иногда, остановивъ на комъ-нибудь свои огромные черные глаза, не спускаетъ ихъ такъ долго, что ее бранятъ за это, говоря, что это неучтиво; Катенька, напротивъ, опускаетъ рѣсницы, щурится и увѣряетъ, что она близорука, тогда какъ я очень хорошо знаю, что она прекрасно видитъ. Любочка не любитъ ломаться при постороннихъ, и, когда кто-нибудь при гостяхъ начинаетъ цѣловать ее, она дуется и говоритъ, что терпѣть не можетъ *нѣжностей*; Катенька, напротивъ, при гостяхъ дѣлается особенно нѣжна къ Мими и любитъ, обнявшись съ какою-нибудь дѣвочкой, ходить по залѣ. Любочка страшная хохотунья и иногда, въ припадкѣ смѣха, машетъ руками и бѣгаетъ по комнатѣ; Катенька, напротивъ, закрываетъ ротъ платкомъ или руками, когда начинаетъ смѣяться. Любочка всегда сидитъ прямо и ходитъ, опустивъ руки; Катенька держитъ голову нѣсколько на бокъ и ходитъ, сложивъ руки. Любочка всегда ужасно рада, когда ей удастся поговорить съ большимъ мужчиной, и говоритъ, что она непременно выйдетъ замужъ за гусара; Катенька же говоритъ, что всѣ мужчины ей гадки, что

она никогда не выйдет замужъ, и дѣлается совсѣмъ другая, какъ будто она боится чего-то, когда мужчина говорить съ ней. Любочка вѣчно негодуешь на Мими за то, что ее такъ стягиваютъ корсетами, что „дышать нельзя“, и любить покушать; Катенька, напротивъ, часто, поддѣвая палецъ подъ мышь своего платья, показываетъ намъ, какъ оно ей широко, и ѣсть чрезвычайно мало. Любочка любитъ рисовать головки; Катенька же рисуетъ только цвѣты и бабочекъ. Любочка играетъ очень отчетливо филъдовскіе концерты, нѣкоторыя сонаты Бетховена; Катенька играетъ варіаціи и вальсы, задерживаетъ темпъ, стучитъ, безпрестанно беретъ педаль и, прежде чѣмъ начинать играть что-нибудь, съ чувствомъ беретъ три аккорда *agreggio*.

Но Катенька, по моему тогдашнему мнѣнію, больше похожа на большую и потому гораздо больше мнѣ правится.

XXI.

П а п а.

Папа особенно весель съ тѣхъ поръ, какъ Володя поступилъ въ университетъ, и чаще обыкновеннаго приходитъ обѣдать къ бабушкѣ. Впрочемъ, причина его веселья, какъ я узналъ отъ Николая, состоитъ въ томъ, что онъ въ последнее время выигралъ чрезвычайно много. Случается даже, что онъ вечеромъ, передъ клубомъ, заходитъ къ намъ, садится за фортепiano, собираетъ насъ вокругъ себя и, притопывая своими мягкими сапогами (онъ терпѣть не можетъ каблуковъ и никогда не поситъ ихъ), поетъ цыганскія пѣсни. И надобно тогда видѣть смѣшной восторгъ его любимицы Любочки, которая съ своей стороны обожаетъ его. Иногда онъ приходитъ въ классы и съ строгимъ лицомъ слушаетъ, какъ я сказываю уроки, но по нѣкоторымъ словамъ, которыми онъ хочетъ поправить меня, я замѣчаю, что онъ плохо знаетъ то, чему меня учатъ. Иногда онъ потихоньку мигаетъ и

дѣлаетъ намъ знаки, когда бабушка начинаетъ ворчать и сердиться на всѣхъ безъ причины. „Ну, досталось же *намъ*, дѣти“, говоритъ опъ потомъ. Вообще онъ понемногу спускается въ моихъ глазахъ съ той недосыгаемой высоты, на которую его ставило дѣтское воображеніе. Я съ тѣмъ же искреннимъ чувствомъ любви и уваженія цѣлую его большую бѣлую руку, но уже позволяю себѣ думать о немъ, обсуживать его поступки, и мнѣ невольно приходятъ о немъ такія мысли, присутствіе которыхъ пугаетъ меня. Никогда не забуду я случая, внушившаго мнѣ много такихъ мыслей и доставившаго мнѣ много моральныхъ страданій.

Одинъ разъ, поздно вечеромъ, опъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ вошелъ въ гостиную съ тѣмъ, чтобы взять съ собою на балъ Володю, который въ это время одѣвался въ своей комнатѣ. Бабушка въ спальнѣ дождалась, чтобы Володя пришелъ показаться ей (она имѣла привычку передъ каждымъ баломъ призывать его къ себѣ, благословлять, осматривать и давать наставленія). Въ залѣ, освѣщенной только одною лампой, Мими съ Катенькой ходили взадъ и впередъ, а Любочка сидѣла за роялемъ и твердила второй концертъ Фильда, любимую пьесу маман.

Никогда ни въ комъ не встрѣчалъ я такого фамильнаго сходства, какъ между сестрой и матушкой. Сходство это заключалось не въ лицѣ, не въ сложеніи, но въ чемъ-то неуловимомъ: въ рукахъ, въ манерѣ ходить, въ особенностяхъ въ голосѣ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Когда Любочка сердилась и говорила: „цѣлый вѣкъ не пускають“, это слово *цѣлый вѣкъ*, которое имѣла тоже привычку говорить маман, она выговаривала такъ, что, казалось, слышалъ маман,—какъ-то протяжно: цѣ-ѣ-лый вѣкъ; по необыкновеннѣе всего было это сходство въ игрѣ ея на фортепіано и во всѣхъ приемахъ при этомъ: она такъ же оправляла платъе, такъ же поворачивала листы лѣвою рукой сверху, такъ же съ досады кулакомъ била по клавишамъ, когда долго не удавался трудный пассажъ, и

говорила: „ахъ, Богъ мой!“ и та же неуловимая пѣжноть и отчетливость игры, той прекрасной фильдовой игры, такъ хорошо названной *jeu perlé*, прелести которой не могли заставить забыть все фокусъ-покусы повѣйшихъ паннстовъ.

Папа вошелъ въ комнату скорыми маленькими шажками и подошелъ къ Любочкѣ, которая перестала играть, увидѣвъ его:

— Нѣтъ, играй, Люба, играй,—сказалъ онъ, усаживая ее:—ты знаешь, какъ я люблю тебя слушать...

Любочка продолжала играть, а папа долго, облокотившись на руку, сидѣлъ противъ нея; потомъ, быстро подернувъ плечомъ, онъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ. Подходя къ роялю, онъ всякій разъ останавливался и долго пристально смотрѣлъ на Любочку. По движеніямъ и походкѣ его я замѣчалъ, что онъ былъ въ волненіи. Пройдя нѣсколько разъ по залѣ, онъ, остановившись за стуломъ Любочки, поцѣловалъ ее въ черную голову и потомъ, быстро поворотившись, опять продолжалъ свою прогулку. Когда, окончивъ пьесу, Любочка подошла къ нему съ вопросомъ: „хорошо ли?“ онъ молча взялъ ее за голову и сталъ цѣловать въ лобъ и глаза съ такою пѣжнотью, какой я никогда не видывалъ отъ него.

— Ахъ, Богъ мой! ты плачешь!—вдругъ сказала Любочка, выпуская изъ рукъ цѣпочку его часовъ и уставляя на его лицо свои большіе удивленные глаза.— Прости меня, голубчикъ папа, я совсѣмъ забыла, что это *мамашина пьеса*.

— Нѣтъ, другъ мой, играй почаще,—сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—коли бы ты знала, какъ мнѣ хорошо поплакать съ тобой...

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее и, стараясь перебить внутреннее волненіе, подергивая плечомъ, вышелъ въ дверь, ведущую черезъ коридоръ въ комнату Володи.

— Вольдемаръ! скоро ли ты?—крикнулъ онъ, останавливаясь посреди коридора...

XXII.

Б а б у ш к а.

Бабушка со дня на день становится слабѣе: ея колокольчикъ, голосъ ворчливой Гаши и хлопанье дверями чаще слышатся въ ея комнатѣ, и она принимаетъ насъ уже не въ кабинетѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, а въ спальнѣ, въ высокой постели съ подушками, обшитыми кружевами. Здороваясь съ нею, я замѣчаю на ея рукѣ блѣдно-желтоватую глянцовую опухоль, а въ комнатѣ тяжелый запахъ, который пять лѣтъ тому назадъ слышалъ въ комнатѣ матушки. Докторъ три раза въ день бываетъ у нея, и было уже нѣсколько консультацій. Но характеръ, гордое и церемонное обращеніе ея со всеми домашними, а въ особенности съ папа, нисколько не измѣнились; она точно такъ же растягиваетъ слова, поднимаетъ брови и говоритъ: „мой милый“.

Но вотъ нѣсколько дней насъ уже не пускаютъ къ ней, и разъ утромъ St.-Jérôme во время классовъ предлагаетъ мнѣ ѣхать кататься съ Любочкой и Катенькой. Несмотря на то, что сядясь въ сани, я замѣчаю, что передъ бабушкиными окнами улица устлана соломой и что какіе-то люди въ синихъ чуйкахъ стоятъ около нашихъ воротъ, я никакъ не могу понять, для чего насъ посылаютъ кататься въ такой неурочный часъ. Въ этотъ день, во все время катанья, мы съ Любочкой находимся почему-то въ томъ особенно веселомъ расположеніи духа, въ которомъ каждый простой случай, каждое слово, каждое движеніе заставляютъ смѣяться.

Разносчикъ, схватившись за лотокъ, рысью перебѣгаетъ черезъ дорогу,—и мы смѣемся. Оборванный Ванька галопомъ, помахивая концами вожжей, догоняетъ наши сани,—и мы хохочемъ. У Филиппа зацѣпился кнутъ за полозъ саней; онъ, оборачиваясь, говоритъ: „эхъ-ма“, — и мы помираемъ со смѣху. Мими съ недовольнымъ видомъ

говорить, что только *глупые* смѣются безъ причины,—и Любочка, вся красная отъ напряженія сдержаннаго смѣха, неподлюбя смотритъ на меня. Глаза наши встрѣчаются—и мы заливаемся такимъ гомерическимъ хохотомъ, что у насъ на глазахъ слезы и мы не въ состояннн удержать порывовъ смѣха, который душитъ насъ. Только что мы немного успокаиваемся, я взглядываю на Любочку и говорю завѣтное словечко, которое у насъ въ модѣ съ нѣкотораго времени и которое уже всегда производитъ смѣхъ,—и снова мы заливаемся.

Подъѣзжая назадъ къ дому, я только открываю ротъ, чтобы сдѣлать Любочкѣ одну прекрасную гримасу, какъ глаза мои поражаетъ крышка гроба, прислоненная къ половникѣ двери нашего подъезда, и ротъ мой остается въ томъ же искривленномъ положеннн.

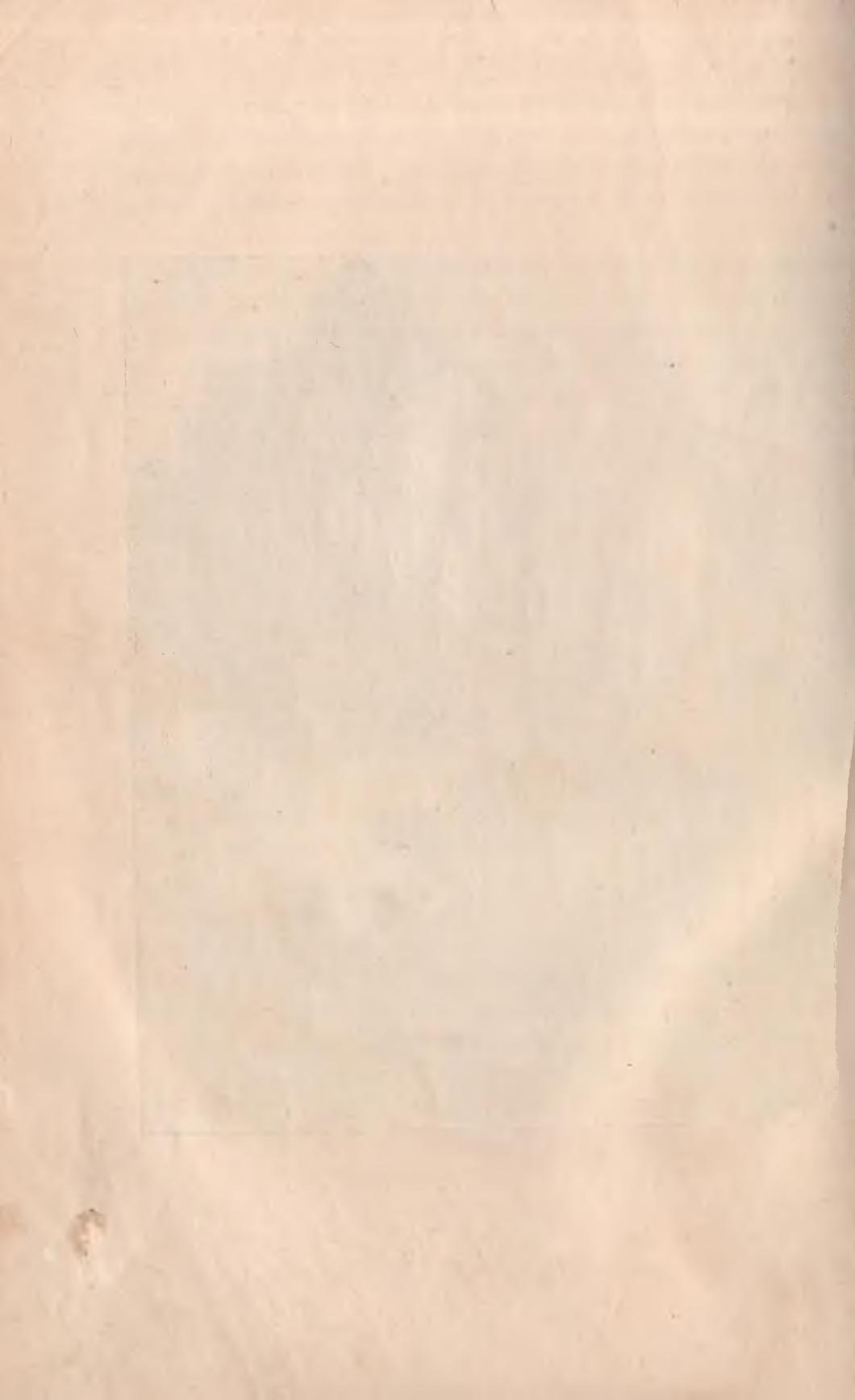
— *Votre grand'mère est morte!*—говоритъ St.-Jérôme, съ блѣднымъ лицомъ выходя намъ навстрѣчу.

Все время, покуда тѣло бабушки стоитъ въ домѣ, я испытываю тяжелое чувство страха смерти, то-есть мертвое тѣло живо и непрнятно напоминать мнѣ то, что и я долженъ умереть когда-нибудь,—чувство, которое почему-то привыкли смѣшивать съ печалью. Я не жалѣю о бабушкѣ, да едва ли кто-нибудь искренно жалѣетъ о ней. Несмотря на то, что домъ полонъ траурныхъ посѣтителей, никто не жалѣетъ о ея смерти, исключая одного лица, котораго неистовая горестъ невыразимо поражаетъ меня. И лицо это—горничная Гаша. Она уходитъ на чердакъ, запирается тамъ, не переставая плачетъ, проклинаетъ самоѣ себя, рветъ на себѣ волосы, не хочетъ слышать никакихъ совѣтовъ и говорить, что смерть для нея остается единственнымъ утѣшеннемъ послѣ потери любимой госпожи.

Опять повторяю, что неправдоподобность въ дѣлѣ чувства есть вѣрнѣйшнй признакъ истины.

Бабушки ужъ нѣтъ, но еще въ нашемъ домѣ живутъ воспоминанн и различные толки о ней. Толки эти преимущественно относятся до завѣщанн, которое она сдѣ-

дала передъ кончиной и котораго никто не знаетъ, исключая ея душеприказчика, князя Ивана Ивановича. Между бабушкиными людьми я замѣчаю нѣкоторое волненіе, часто слышу толки о томъ, кто кому достанется, и, признаюсь, невольно и съ радостью думаю о томъ, что мы получаемъ наследство.

Послѣ шести недѣль Николай, всегдашняя газета новостей нашего дома, рассказываетъ мнѣ, что бабушка оставила все имѣніе Любочкѣ, поручивъ до ея замужества опеку не папа, а князю Ивану Ивановичу.

XXIII.

Я.

До поступления въ университетъ мнѣ остается уже только нѣсколько мѣсяцевъ. Я учусь хорошо. Не только безъ страха ожидаю учителей, но даже чувствую нѣкоторое удовольствіе въ классѣ.

Мнѣ весело — ясно и отчетливо сказать выученный урокъ. Я готовлюсь на математическій факультетъ, и выборъ этотъ, по правдѣ сказать, сдѣланъ мною единственно потому, что слова: синусы, тангенсы, дифференціалы, интегралы и т. д., чрезвычайно нравятся мнѣ.

Я гораздо ниже ростомъ Володи, широкоплечъ и мускулистъ, попрежнему дуреишь и попрежнему мучусь этимъ. Я стараюсь казаться оригиналомъ. Одно утѣшаетъ меня — это то, что про меня папа скажетъ какъ-то, что у меня *умная рожа*, и я вполнѣ вѣрю въ это.

St.-Jérôme доволенъ мною, хвалитъ меня, и я не только не ненавижу его, но, когда онъ иногда говоритъ, что *съ моими способностями, съ моимъ умомъ* стыдно не сдѣлать того-то и того-то, мнѣ ~~нравится~~ даже, что я люблю его.

Наблюденія мои въ дворянской дѣлѣ уже прекратились, мнѣ совѣстно прятаться за двери, за прѣломъ и убѣжде-

ніе въ любви Маши къ Василию, признаюсь, нѣсколько охладило меня. Окончательно же исцѣляетъ меня отъ этой несчастной страсти женитьба Василія, для которой я самъ, по просьбѣ его, испрашиваю у папа позволеніе.

Когда *молодые* съ конфетами на подносіе приходятъ къ папа благодарить его, и Маша въ чепчикѣ съ голубыми лентами тоже за что-то благодарить всѣхъ насъ, цѣлуя каждого въ плечико, я чувствую только запахъ розовой помады отъ ея волосъ, но ни малѣйшаго волненія.

Вообще я начинаю понемногу исцѣляться отъ моихъ отроческихъ недостатковъ, исключая, впрочемъ, главнаго, которому суждено надѣлать мнѣ еще много вреда въ жизни,—склонности къ уметвовапію.

XXIV.

Пріятели Володи.

Хотя въ обществѣ знакомыхъ Володи я игралъ роль, оскорблявшую мое самолюбіе, я любилъ сидѣть въ его комнатѣ, когда у него бывали гости, и молча наблюдать все, что тамъ дѣлалось. Чаше другихъ приходили къ Володѣ адъютантъ Дубковъ и студентъ князь Нехлюдовъ. Дубковъ былъ маленькій, жилистый брюнетъ, уже не первой молодости и немного коротконожка, но недурень собой и всегда весель. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ ограниченныхъ людей, которые особенно пріятели именно своею ограниченностью, которые не въ состояніи видѣть предметы съ различныхъ сторонъ и которые вѣчно увлекаются. Сужденія этихъ людей бываютъ односторонни и ошибочны, но всегда чистосердечны и увлекательны. Даже узкій эгоизмъ ихъ кажется почему-то простительнымъ и милымъ. Кромѣ того, для Володи и меня Дубковъ имѣлъ двойную прелесть—воинственной наружности и, главное, возраста, съ которымъ молодые люди почему-то имѣютъ

привычку смѣшивать понятіе порядочности (comme il faut), очень высоко цѣнимой въ эти годы. Впрочемъ, Дубковъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, что называютъ „un homme comme il faut“. Одно, что было мнѣ неприятно,—это то, что Володя какъ будто стыдился иногда передъ нимъ за мои самые невинные поступки, а всего болѣе за мою молодость.

Алекс.
1911

Нехлюдовъ былъ нехорошъ собой: маленькіе сѣрые глаза, невысокій крутой лобъ, непропорціональная длина рукъ и ногъ не могли быть названы красивыми чертами. Хорошаго было въ немъ только необыкновенно высокий

рость, нѣжный цвѣтъ лица и прекрасные зубы. Но лицо это получало такой оригинальный и энергическій характеръ отъ узкихъ блестящихъ глазъ и перемѣчиваго—то строгаго, то дѣтски-неопредѣленнаго—выраженія улыбки, что нельзя было не замѣтить его.

Онъ, казалось, былъ очень стыдливъ, потому что каждая малость заставляла его краснѣть до самыхъ ушей; но застѣнчивость его не походила на мою. Чѣмъ больше онъ краснѣлъ, тѣмъ больше лицо его выражало рѣшимости. Какъ будто онъ сердился на самого себя за свою слабость.

Несмотря на то, что онъ казался очень дружнымъ съ Дубковымъ и Володей, замѣтно было, что только случай соединилъ его съ ними. Направленія ихъ были совершенно различны: Володя и Дубковъ какъ будто боялись всего, что было похоже на серьезныя разсужденія и чувствительность; Нехлюдовъ, напротивъ, былъ энтузіастъ въ высшей степени и часто, несмотря на насмѣшки, пускался въ разсужденія о философскихъ вопросахъ и чувствахъ. Володя и Дубковъ любили говорить о предметахъ своей любви (и бывали влюблены вдругъ въ нѣсколькихъ и оба въ одиѣхъ и тѣхъ же); Нехлюдовъ напротивъ, всегда серьезно сердился, когда ему намекали на его любовь къ какой-то *рыженькой*.

Володя и Дубковъ часто позволяли себѣ любя подтрунивать надъ своими родными; Нехлюдова, напротивъ, можно было вывести изъ себя, съ невыгодной стороны намекнувъ на его тетку, къ которой онъ чувствовалъ какое-то восторженное обожаніе. Володя и Дубковъ послѣ ужина ѣздили куда-то безъ Нехлюдова и называли его *красною двушкой*.

Князь Нехлюдовъ поразилъ меня съ перваго раза какъ своимъ разговоромъ, такъ и наружностью. Но, несмотря на то, что въ его направленіи я находилъ много общаго со своимъ—или, можетъ-быть, именно поэтому,—чувство, которое онъ внушилъ мнѣ, когда я въ первый разъ увидалъ его, было далеко не пріязненное.

Мнѣ не нравились его быстрый взглядъ, твердый голосъ, гордый видъ, но болѣе всего совершенное равнодушіе, которое онъ мнѣ оказывалъ. Часто во время разговора мнѣ ужасно хотѣлось противорѣчить ему; въ наказаніе за его гордость хотѣлось переспорить его, доказать ему, что я уменъ, несмотря на то, что онъ не хочетъ обращать на меня никакого вниманія. Стыдливость удерживала меня.

XXV.

Разсужденія.

Володя лежалъ съ ногами на диванѣ и, облокотившись на руку, читалъ какой-то французскій романъ, когда я, послѣ вечернихъ классовъ, по своему обыкновенію, вошелъ къ нему въ комнату. Онъ на секунду приподнял голову, чтобы взглянуть на меня, и снова принялся за чтеніе — движеніе самое простое и естественное, по которое заставило меня покраснѣть. Мнѣ показалось, что во взглядѣ его выражался вопросъ: зачѣмъ я пришелъ сюда? а въ быстромъ наклоненіи головы — желаніе скрыть отъ меня значеніе взгляда. Эта склонность придавать значеніе самому простому движенію составляла во мнѣ характеристическую черту того возраста. Я подошелъ къ столу и тоже взялъ книгу; но, прежде чѣмъ начать читать ее, мнѣ пришло въ голову, что какъ-то смѣшно, что мы, не видѣвшись цѣлый день, ничего не говоримъ другъ другу.

— Что, ты дома будешь нынче вечеромъ?

— Не знаю, а что?

— Такъ,—сказалъ я и, замѣчая, что разговоръ не клеится, взялъ книгу и началъ читать.

Странно, что съ глазу на глазъ мы по цѣлымъ часамъ проводили молча съ Володей, но достаточно было только присутствія даже молчаливаго третьяго лица, чтобы между

нами завязывались самые интересные и разнообразные разговоры. Мы чувствовали, что слишком хорошо знаем друг друга. А слишком много или слишком мало знать друг друга одинаково мѣшаетъ сближенію.

— Володя дома? — послышался въ передней голосъ Дубкова.

— Дома, — сказалъ Володя, спуская ноги и кладя книгу на столъ.

Дубковъ и Нехлюдовъ въ шинеляхъ и шляпахъ вошли въ комнату.

— Что жь, ѣдемъ въ театръ, Володя?

— Нѣтъ, мнѣ некогда, — отвѣчалъ Володя, краснѣя.

— Ну, вотъ еще! поѣдемъ, пожалуйста.

— Да у меня и билета нѣтъ.

— Билетовъ сколько хочешь у входа.

— Погоди, я сейчасъ приду, — уклончиво отвѣчалъ Володя и, подергивая плечомъ, вышелъ изъ комнаты.

Я зналъ, что Володѣ очень хотѣлось ѣхать въ театръ, куда его звалъ Дубковъ, что онъ отказывался потому только, что у него не было денегъ, и что онъ вышелъ за тѣмъ, чтобы у дворецкаго достать займы пять рублей до будущаго жалованья.

Здравствуйте, *дипломатъ!* — сказалъ Дубковъ, подавая мнѣ руку.

Пріятели Володи называли меня *дипломатомъ*, потому что разъ послѣ обѣда у покойницы бабушки она какъ-то при нихъ, разговорившись о нашей будущности, сказала, что Володя будетъ военный, а что меня она надѣется видѣть *дипломатомъ* въ черномъ фракѣ и съ прической à la соq, составлявшею, по ея мнѣнію, необходимое условіе дипломатическаго званія.

— Куда это ушелъ Володя? — спросилъ меня Нехлюдовъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ я, краснѣя при мысли, что они, вѣрно, догадываются, зачѣмъ вышелъ Володя.

— Вѣрно у него денегъ нѣтъ! правда? О, *дипломатъ!* — прибавилъ онъ утвердительно, объясняя мою

улыбку. — У меня тоже нѣтъ денегъ, а у тебя есть, Дубковъ?

— Посмотримъ,—сказаль Дубковъ, доставая кошелекъ и ощупывая въ немъ весьма тщательно нѣсколько мелкихъ монетъ своими коротенькими пальцами.—Вотъ пятакъ, вотъ двугривенникъ, а то фффю!—сказаль онъ, дѣлая комическій жестъ рукой.

Въ это время Володя вошелъ въ комнату.

— Ну, что, ѣдемъ?

— Нѣтъ.

— Какъ ты смѣшонъ!—сказаль Нехлюдовъ: — отчего ты не скажешь, что у тебя нѣтъ денегъ. Возьми мой билетъ, коли хочешь.

— А ты какъ же?

— Онъ поѣдетъ къ кузинамъ въ ложу, — сказаль Дубковъ.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не поѣду.

— Отчего?

— Оттого, что, ты знаешь, я не люблю сидѣть въ ложѣ.

— Отчего?

— Не люблю, мнѣ неловко.

— Опять старое! Не понимаю, отчего тебѣ можетъ быть неловко тамъ, гдѣ всѣ тебѣ очень рады. Это смѣшно, mon cher.

— Что жъ дѣлать, si je suis timide! Я увѣренъ, ты въ жизни своей никогда не краснѣлъ, а я всякую минуту отъ малѣйшихъ пустяковъ! — сказаль онъ, краснѣя въ это же время.

— Savez vous, d'où vient votre timidité?.. d'un excès d'amour propre, mon cher,—сказаль Дубковъ покровительственнымъ тономъ.

— Какой тутъ excès d'amour propre!—отвѣчаль Нехлюдовъ, задѣтый за живое.—Напротивъ, я стыдливъ оттого, что у меня слишкомъ мало amour propre; мнѣ все кажется, напротивъ, что со мной непріятно, скучно... отъ этого...

— Одѣвайся же. Володя! — сказали Дубковъ, схватывая его за плечи и снимая съ него сюртукъ. — Ипать, одѣваться барину!

— Отъ этого со мной часто бываетъ... — продолжалъ Нехлюдовъ.

Но Дубковъ уже не слушалъ его. „Трала-та-ра-ра-ля-ла“, запѣлъ онъ какой-то мотивъ.

— Ты не отдѣлся, — сказали Нехлюдовъ: — я тебѣ докажу, что стыдливость происходитъ совсѣмъ не отъ самолюбія.

— Докажешь, ежели поѣдешь съ нами.

— Я сказалъ, что не поѣду.

— Ну, такъ оставайся тутъ и доказывай *дипломату*; а мы пріѣдемъ, онъ намъ разскажетъ.

— И докажу, — возразилъ Нехлюдовъ съ дѣтскимъ своеправіемъ, — только пріѣзжайте скорѣй... Какъ вы думаете, я самолюбивъ? — сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ.

Несмотря на то, что у меня на этотъ счетъ было составленное мнѣніе, я такъ оробѣлъ отъ этого неожиданнаго обращенія, что нескоро могъ отвѣтить ему.

— Я думаю, что да, — сказалъ я, чувствуя, какъ голосъ мой дрожитъ и краска покрываетъ лицо при мысли, что пришло время доказать ему, что я *умный*: — я думаю, что всякій человѣкъ самолюбивъ, и все то, что ни дѣлаетъ человѣкъ, — все изъ самолюбія.

— Такъ что же по-вашему самолюбіе? — сказалъ Нехлюдовъ, улыбаясь нѣсколько презрительно, какъ мнѣ показалось.

— Самолюбіе, — сказалъ я, — есть убѣжденіе въ томъ, что я лучше и умнѣе всѣхъ людей.

— Да какъ же могутъ быть все въ томъ убѣждены?

— Ужъ я не знаю, справедливо или нѣтъ, только никто, кромѣ меня, не признается; я убѣжденъ, что я умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и увѣренъ, что вы тоже увѣрены въ этомъ.

— Нѣтъ, я про себя перваго скажу, что я встрѣчалъ людей, которыхъ признавалъ умнѣе себя,—сказалъ Нехлюдовъ.

— Не можетъ быть,—отвѣчалъ я съ убѣжденіемъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете?—сказалъ Нехлюдовъ, пристально взглядываясь въ меня.

— Серьезно,—отвѣчалъ я.

И тутъ мнѣ вдругъ пришла мысль, которую я тотчасъ же высказалъ.

— Я вамъ это докажу. Отчего мы самихъ себя любимъ больше другихъ?.. Оттого, что мы считаемъ себя лучше другихъ, болѣе достойными любви. Ежели бы мы находили другихъ лучше себя, то мы бы и любили ихъ больше себя, а этого никогда не бываетъ. Ежели и бываетъ, то все-таки я правъ,—прибавилъ я съ невольной улыбкой самодовольствія.

Нехлюдовъ помолчалъ съ минутою.

— Вотъ я никакъ не думалъ, чтобы вы были такъ умны!—сказалъ онъ мнѣ съ такою добродушною, милою улыбкой, что вдругъ мнѣ показалось, что я чрезвычайно счастливъ.

Похвала такъ могущественно дѣйствуетъ не только на чувство, но и на умъ человѣка, что подъ ея пріятнымъ вліяніемъ мнѣ показалось, что я сталъ гораздо умнѣе, и мысли одна за другой съ необыкновенною быстротою набирались мнѣ въ голову. Съ самолюбія мы незамѣтно перешли къ любви, и на эту тему разговоръ казался неистощимымъ. Несмотря на то, что наши разсужденія для посторонняго слушателя могли показаться совершенно безсмыслицей: такъ они были неясны и односторонни, для насъ они имѣли высокое значеніе. Души наши такъ хорошо были настроены на одинъ ладъ, что малѣйшее прикосновеніе къ какой-нибудь струнѣ одного находило отголосокъ въ другомъ. Мы находили удовольствіе именно въ этомъ соотвѣтственномъ звучаніи различныхъ струнь, которыя мы затрогивали въ разговорѣ. Намъ казалось что недостаетъ словъ и времени, чтобы выразить другъ другу все тѣ мысли, которыя просились наружу.

XXVI.

Начало дружбы.

Съ той поры между мной и Дмитриемъ Нехлюдовымъ установились довольно странныя, но чрезвычайно пріятныя отношенія. При постороннихъ онъ не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но какъ только случалось намъ быть однимъ, мы усаживались въ уютный уголокъ и начинали разсуждать, забывая все и не замѣчая, какъ летитъ время.

Мы толковали и о будущей жизни, и объ искусствахъ и о службѣ, и о женитьбѣ, и о воспитаніи дѣтей, и никогда намъ въ голову не приходило, что все то, что мы говорили, былъ ужаснѣйшій вздоръ. Это не приходило намъ въ голову потому, что вздоръ, который мы говорили, былъ умный и милый вздоръ; а въ молодости еще цѣнишь умъ, вѣришь въ него. Въ молодости все силы души направлены на будущее, и будущее это принимаетъ такія разнообразныя, живыя и обворожительныя формы подъ вліяніемъ надежды, основанной не на опытности прошедшаго, а на воображаемой возможности счастья, что одни понятія и раздѣленныя мечты о будущемъ счастіи составляютъ уже истинное счастье этого возраста. Въ метафизическихъ разсужденіяхъ, которыя бывали однимъ изъ главныхъ предметовъ нашихъ разговоровъ, я любилъ ту минуту, когда мысли быстрѣе и быстрѣе слѣдуютъ одна за другой и, становясь все болѣе и болѣе отвлеченными, доходятъ, наконецъ, до такой степени туманности, что не видишь возможности выразить ихъ и, полагая сказать то, что думаешь, говоришь совсѣмъ другое. Я любилъ эту минуту, когда, возносясь все выше и выше въ области мысли, вдругъ постигаешь всю необъятность ея и сознаешь невозможность итти далѣе.

Какъ-то разъ, во время масленицы, Нехлюдовъ былъ такъ занятъ разными удовольствіями, что хотя нѣсколько разъ на день заѣзжалъ къ намъ, но ни разу не поговорилъ со мной, и меня это такъ оскорбило, что снова онъ мнѣ показался гордымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Я ждалъ только случая, чтобы показать ему, что нисколько не дорожу его обществомъ и не имѣю къ нему никакой особенной привязанности.

Въ первый разъ, какъ онъ послѣ масленицы снсва хотѣлъ разговориться со мной, я сказалъ, что мнѣ нужно готовить уроки, и ушелъ наверхъ; но черезъ четверть часа кто-то отворилъ дверь въ классную, и Нехлюдовъ подошелъ ко мнѣ.

— И вамъ мѣшаю? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, несмотря на то, что хотѣлъ сказать, что у меня дѣйствительно есть дѣло.

— Такъ отчего же вы ушли отъ Володи? Вѣдь мы давно съ вами не разсуждали. А ужъ я такъ привыкъ, что мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ.

Досада моя прошла въ одну минуту, и Дмитрій снова сталъ въ моихъ глазахъ тѣмъ же добрымъ и милымъ человѣкомъ.

— Вы, вѣрно, знаете, отчего я ушелъ? — сказалъ я.

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ онъ, усаживаясь подлѣ меня, — но ежели я и догадываюсь, то не могу сказать отчего, а вы такъ можете, — сказалъ онъ.

— Я и скажу: я ушелъ потому, что былъ сердитъ на васъ... не сердитъ, а мнѣ досадно было. Просто: я всегда боюсь, что вы презираете меня за то, что я еще очень молодъ.

— Знаете, отчего мы такъ соплись съ вами? — сказалъ онъ, добродушнымъ и умнымъ взглядомъ отвѣчая на мое признаніе, — отчего я васъ люблю больше, чѣмъ людей, съ которыми больше знакомъ и съ которыми у меня больше общаго? Я сейчасъ рѣшилъ это. У васъ есть удивительное, рѣдкое качество — откровенность.

— Да, я всегда говорю именно тѣ вещи, въ которыхъ мнѣ стыдно признаться,—подтвердилъ я,—но только тѣмъ, въ комъ я увѣренъ.

— Да, но чтобы быть увѣреннымъ въ человѣкъ, надо быть съ нимъ совершенно дружнымъ, а мы съ вами не дружны еще, Nicolas; помните, мы говорили о дружбѣ: чтобы быть истинными друзьями, нужно быть увѣреннымъ другъ въ другъ.

— Быть увѣреннымъ въ томъ, что ту вещь, которую я скажу вамъ, уже вы никому не скажете,—сказалъ я.— А вѣдь самыя важныя, интересныя мысли именно тѣ, которыя мы ни за что не скажемъ другъ другу.

И какія гадкія мысли! такія подлыя мысли, что ежели бы мы знали, что должны признаваться въ нихъ, онѣ никогда не смѣли бы заходить къ намъ въ голову... Знаете, какая пришла мнѣ мысль, Nicolas?—прибавилъ онъ, вставая со стула и съ улыбкой потирая руки.—*Сдѣлаемте* это, и вы увидите, какъ это будетъ полезно для насъ обоихъ; дадимъ себѣ слово признаваться во всемъ другъ другу. Мы будемъ знать другъ друга, и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться постороннихъ, дадимъ себѣ слово *никогда ни съ кѣмъ и ничего* не говорить другъ о другъ. Сдѣлаемъ это.

И мы дѣйствительно *сдѣлали это*. Что вышло изъ этого, я расскажу послѣ.

Карръ сказалъ, что во всякой привязанности есть двѣ стороны: одна любитъ, другая позволяетъ любить себя; одна цѣлуетъ, другая подставляетъ щеку. Это совершенно справедливо; и въ нашей дружбѣ я цѣловалъ, а Дмитрій подставлялъ щеку; но и онъ готовъ былъ цѣловать меня. Мы любили равно, потому что взаимно знали и цѣнили другъ друга; но это не мѣшало ему оказывать вліяніе на меня, а мнѣ подчиняться ему.

Само собой разумѣется, что подъ вліяніемъ Нехлюдова я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляли восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершен-

ствоваться. Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскіе казалось удобоисполнимою вещью; очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ...

А впрочемъ, Богъ одинъ знаетъ, точно ли смѣшны были эти благородныя мечты юности, и кто виноватъ въ томъ, что онѣ не осуществились...

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF THE HISTORY OF ARTS
AND ARCHITECTURE
1100 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3300
WWW.HA.UCHICAGO.EDU

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ДѢТСТВО.

	<i>Стр.</i>
I. Учитель Карль Ивановичъ	7
II. Мапап	13
III. Папа	18
IV. Классы.	23
V. Юродивый	27
VI. Приготовленія къ охотѣ.	31
VII. Охота	34
VIII. Игры.	41
IX. Что-то въ родѣ первой любви	43
* X. Что за человѣкъ былъ мой отецъ	44
XI. Занятія въ кабинетѣ и гостиной.	48
XII. Гриша	52
XIII. Наталья Савишна.	57
XIV. Разлука.	61
XV. Дѣтство	68
XVI. Стихи	71
XVII. Княгиня Корнакова.	77
XVIII. Князь Иванъ Ивановичъ	81
XIX. Ивины	86
XX. Собираются гости.	96
XXI. До мазурки	100
XXII. Мазурка	109
XXIII. Послѣ мазурки	111
XXIV. Въ постели	117
XXV. Письмо	119
XXVI. Что ожидало насъ въ деревнѣ.	127
XXVII. Горе	130
XXVIII. Послѣднія грустныя воспоминанія	135

Цѣна 1 руб. 25 коп.